

Ш1
У444

Лев
УСПЕНСКИЙ

ПО ДОРОГАМ И ТРОПАМ ЯЗЫКА

РУССКИЙ ЯЗЫК

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ КНИГ

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ

ПО ДОРОГАМ И ТРОПАМ ЯЗЫКА

Москва

УДК 811.161.1'373.21
ББК 81.2Рус 3
У77

Макет Владимира Мачинского
Иллюстрации Яны Сметаниной

Подписано в печать 20.05.2008. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Миниатюра». Печать офсетная. Усл. печ. л. 29.
Тираж 5000 экз. Заказ № 2734

*Издательство благодарит Александра и Василия Успенских
за предоставленные материалы*

Успенский, Лев Васильевич.

У77 По дорогам и тропам языка / Лев Успенский. — М. : АСТ ; Зебра Е, 2008. — 464 с. — (Горизонты знаний).

ISBN 978-5-94663-668-1 («Зебра Е»)

Лев Васильевич Успенский — классик научно-познавательной литературы для детей и юношества, лингвист, переводчик. «Слово о словах», «Загадки топонимики», «Ты и твое имя», «По закону буквы», этимологический словарь школьника «Почему не иначе?» — многие из этих книг были написаны в 50–60-е годы XX века, однако они и по сей день остаются крайне актуальными.

«По дорогам и тропам языка» — восьмая книга Льва Успенского, посвященная занимательному языкознанию. Автор попытался интересно и доступно, с рассуждениями и размышлениями, двигаясь параллельно курсу школьной программы, рассказать читателям о фонетике, морфологии и словообразовании, о законах и правилах русского языка.

© Успенский Л., наследники, 2008
© Издательство «АСТ», 2008
© Издательство «Зебра Е», 2008

ISBN 978-5-94663-668-1

ЧТО ЭТО ЗА КНИГА? (Несколько слов к старшим)

С ранней юности я удивлялся (а потом и обижался) за свою любимую науку языкознание: почему на свет появляются занимательные алгебры, геометрии, физики, химии (была даже «Занимательная статистика»), только «Занимательного языковедения» как нет, так и не бывало? Почему? Точно в науке о языке меньше тайн, загадок, парадоксальных теорий, неожиданных открытий, нежели, скажем, в физике атомного ядра.

С 1954 года мне выпало на долю выпустить семь (эта — восьмая) книг, посвященных именно занимательному языкознанию. За двадцать два года я уверился: объективных причин, которые мешали бы науке о языке пленять новичков, не существует. Затрудняет же это «пленение» лишь то, что если химия непрерывно объясняет описываемые ею явления, то учебники

языка (школьного, а не вузовского типа) только описывают их, оставляя без (или почти без) объяснения.

Возьмем хотя бы лежащее на поверхности — правописание. Мальчишку или девочку учат, что они обязаны писать не так, как они произносят и слышат слова. Это необходимо.

Но почему и для чего придумано такое осложнение, им обычно никто не рассказывает... То есть, формально говоря, внушают: надо буквой обозначать не такой звук, какой ясно слышится в данном месте слова, а такой, какой звучит в родственном слове под ударением или при другом сочетании окружающих звуков. Но ведь это указание, приказ, а не объяснение — почему.

Теперь, когда мне предложили написать, как бы в помощь обучающимся (а в то же время и их родителям, и тем их старшим братьям и сестрам, которые уже успели привыкнуть к мысли: скучный предмет — русский язык), книгу, в которой я, двигаясь «параллельно» школьному курсу, но допуская различные, на мой взгляд — необходимые, отклонения от него, меандры, излагал бы интересное о языке, — я, размышляя, как подойти к этому заданию, пришел вот к таким выводам.

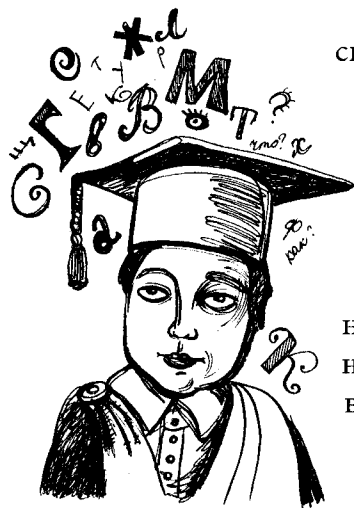
Прежде всего я внимательно перечитал учебники первых четырех классов. И убедился, что они хорошо выполняют то, что им надлежит выполнять и в чем заменить их никакие «занимательно-научные» книги не способны. Учебники заставляют изучать ПРАВИЛА (прежде всего правила орфографии и синтаксиса); правила же учить, конечно, совершенно необходимо! Ведь, несмотря на наличие на прилавках множества «занимательно-научных» математик, навряд ли есть

необходимость и возможность выпускать «научно-художественный» вариант десятизначных таблиц логарифмов?! Совершенно естественно, что учебники и школа прежде всего учат ПРАВИЛАМ письменной речи. Это их прямое дело.

А вот что заслуживает внимания: устной речи маленький человеченок научается без всяких затруднений (если это нормальный ребенок) — легко и свободно, и в самом нежном возрасте. Уже с грудных времен он — пассивно, но охотно — овладевает ею с поразительной быстротой. Ко времени поступления в школу он — «гениальный филолог», по словам К.И. Чуковского, — «как ни в чем не бывало ориентируется» в хаосе поминутно открывающихся ему все новых и новых грамматических форм, «при этом даже не замечая своей колоссальной работы» (К. И. Чуковский. От двух до пяти).

Вековые ЗАКОНЫ русской речи как бы сами диффундируют в его сознание из общей языковой атмосферы семьи. Придя в школу, он, конечно, не имеет никакого представления о том ЗАКОНЕ, который заставляет его говорить «МОЯ мама», но «МОЙ папа», но никогда не сделает ошибки против него. Он еще почти ничего не знает, но почти все умеет в том, что касается «искусства говорить».

И вот «гениальный филолог» поступил в первый класс. Не всегда, конечно, но весьма часто он немедленно превращается в упрямого тупицу. Перед задачей обучиться и письму он ошетинивается и свертывается в клубок, как еж. И начинает сопротивляться: слегка или яростно — в меру своего характера и общих

способностей. Так или иначе, теперь уже он ничего не постигает сам, как в раннем детстве. Он решительно отказывается быть самоучкой. Законы языка впитывались каждым из нас без нарочитого натаскивания, но ни одно грамматическое правило не способно само по себе проникнуть в наше сознание, усваивать же их необходимо; поэтому приходится при-

знать, что освободиться от некоторой доли «скучности» при прохождении школьного курса русского языка так же нельзя, как нельзя избавиться начинающему шахматисту от скуки заучивания правил движения фигур по доске или неофиту-водителю от скучной зубрежки правил уличного движения.

Надо признать, нельзя возлагать эти задачи на родителей: чтобы обучать правилам, имеющим способность от времени до времени изменяться, а то и вовсе упраздняться, необходимо профессионально следить за ними. Надо нацело отрешиться от личного, субъективного отношения к письму: я еще не встретил человека, который убедил бы меня, что написание *панцирь* целесообразнее, чем *панцырь*, если мы сохраняем написание *цыган*; однако я не позволил бы себе внушить эту точку зрения моему внуку-шестикласснику. Как и все его поколение, он должен писать грамотно. «Грамотность-80» включает в себя и написание *панцирь* — ничего не поделаешь!

Любое положение любой науки может быть изложено, по меньшей мере, двумя способами: с одной стороны — в виде ряда последовательных постулатов, умственных приказов («Воздух есть смесь газов. Воздух прозрачен. Мы дышим воздухом. Вдохните. Выдохните. Вы вдохнули и выдохнули воздух»); с другой же стороны — при помощи связного собеседования (ну хотя бы так: «Когда вы идете по дороге, вы можете подумать, что вокруг вас полная пустота. Да мы часто и говорим так: «Вот пустое пространство». Но если вы быстро побежите по той же дороге, вы почувствуете, что вас как бы обтекают какие-то легкие струйки. Махните на свое лицо сложенной тетрадкой. Она еще далеко от вас, а уже вашей кожи коснулось нежное дуновение. Что коснулось вас? Воздух»).

Мне захотелось попытаться именно так, доверительным тоном, с рассуждениями и размышлениями, поговорить о том самом, о чем инструктивно рассказывается в учебниках русского языка с первого класса по четвертый, но при этом считая, что моим читателям все то, о чем рассказывается у меня (да и в учебнике), во-первых, еще неизвестно и, во-вторых, не доказано, приманчиво ли оно или нет.

Я написал вот эту книгу. Само собой, мне ни на минуту не приходило в голову писать новое учебное пособие взамен написанных до меня. Я и не умею, да и не хочу это делать. Я задумал новую научно-популярную книгу о языке.

С другой стороны, я с самого начала понимал, что первоклашкам она будет не по зубам. Вероятно, можно было бы попробовать писать и прямо для них, но тогда

написанное оказалось бы не по зубам старшим, да я и не совсем уверен, что семилетний ребенок вообще способен читать самостоятельно подобного рода книжки даже не то что о языке, а и о зверушках и цветках.

Мне показалось правильнее постараться написать такую книгу, чтобы старшие, читая ее, нашли в ней то, чем — когда им придется говорить о нашей речи с маленькими — они могли бы где приукрасить, где углубить свой рассказ: ведь им-то каждому придется иметь дело не с великим множеством разных школьников, а только со своим младшим братишкой, со своей сестренкой, с сыном или внуком...

Правда, в каждом, вероятно, классе есть чудо-мальчики и девочки, которые не просто прочтут, а проглотят любую книгу о языке. Я уверен в этом потому, что, с одной стороны, встречал первоклассников, усердно читающих — прескучные, на мой взгляд — учебники шахматной игры. Попадались мне и математические вундеркинды: им уже в первом классе были скучны и просты те задачки, над которыми потели ученики двумя и тремя годами старше их. Почему бы не быть и вундерфилологам?

Но навряд ли я должен был писать свою книгу для вундеркиндов. Скорее, я хотел бы, чтобы она попала на глаза и в руки бывшим обычным перво- (да и второ-, а может быть, и третье-) классникам, которые в свое время фыркали, занимаясь «скучнейшим предметом — русским языком», и у которых от него осталось воспоминание как о бесчисленном множестве непонятно зачем и почему установленных правил и о не меньшем количестве столь же непонятных исключений из них, и

только. Может быть, теперь они, заметив, что я не собираюсь им ничего преподавать, а намерен только порассказывать кое-что действительно для них неожиданное и уже потому самому интересное о языке, на котором они почему-то говорят ничуть не хуже, чем взрослые, но на котором писать так, чтобы получать приличные отметки, им никак не удастся, — может быть, они и заинтересуются этим не предметом, как им представлялось до сих пор, а удивительнейшим явлением человеческой природы и жизни? А прочитав о нем разные вещи, возможно, кое-кто из них вздумает приглядеться, как мучаются над правописанием их братья и сестры первоклашки, и по-товарищески попытаться помочь им разобраться в трудностях.

А — кто знает? — вдруг книга моя попадет в руки какого-нибудь папы-инженера или мамы-биолога, которые (что греха таить?!) в свое время тоже не были в большом восторге от русского языка своих школьных лет и которые по сей день, великолепно разбираясь в спиралях хромосом или в углеродистых сталях, как-то затрудняются, надо ли писать *спираль* или *спераль*, *углерод* или *углирот*? Прочитав же то, что написано здесь, они, в свою очередь, обратят внимание на затруднения своих Степочки или Мариночки и попробуют из уст в уста передать им то, что я по этим поводам говорю несколько ниже...

Наконец — я бы счел это фантастической и самонадеянной грезой, если бы не одна история, — наконец, что случится, когда книжку эту проглядят придирчивые глаза педагога? Что случится, я, конечно, не знаю; но однажды произошло вот что...

Когда-то, в пятидесятых годах, если не в конце сороковых, отличная московская учительница и одновременно талантливый писатель Фанни Вигдорова выпустила книжку «Мой класс». То была исповедь совсем юного педагога, прямо из института явившегося на работу в первый класс одной из столичных школ — в основном по специальности «русский язык». Ей, филологу, грезилось, как будут блестеть глаза тех перво-классников «ее класса», которым она начнет передавать бездны премудрости, накопленные ею в вузе. Увы!

Малыши были более или менее внимательны на тогдашней арифметике, некоторые из них весело клеили и лепили что-то на труде. Но как ни старалась она заинтересовать тех же деятельных, живых мальчишек и девочек своим любимым русским языком, у нее ничего не получалось. «Огонь в глазах» погасал у них при одном слове *предложение* или *перенос*, и все ее попытки разжечь его оставались тщетными.

Бедная «новая учительница» мучилась, ночей не спала, придумывая способ хоть чем-либо заинтересовать ребят, вызвать интерес к своему предмету.

И вот однажды ночью — так писала она в своей интересной и искренней книге — ей внезапно вспомнился забавный рассказ, который она читала когда-то в своем пионерском детстве в журнале «Пионер». Рассказ назывался странно — «Глокая куздра». Автора она, как все дети, не запомнила, но у нее осталось впечатление, что он весело и интересно рассказывал именно о русском языке.

Она порылась в книгах, нашла тот старый, довоенный «Пионер» и в нем статью некоего Л. Успенского,

в которой тот повествовал о замечательном приеме, примененном на вузовской лекции по языкознанию крупнейшим лингвистом Львом Владимировичем Щербою. Она перечла. Сердце у нее забилося: «Ну, или — или! — подумалось ей. — Если их и это не возьмет...»

На следующее утро, войдя в класс, она, точь-в-точь как Л.В. Щерба в моем рассказе, вызвала к доске одну из учениц. «Ну, Чернова, пиши: ГЛÓКАЯ... Да, да, не смущайся... ГЛОКАЯ КУЗДРА... ШТЁКО БУДЛАНУЛА БОКРА́ И КУРДЯ́ЧИТ БОКРЁ́НКА...» А затем все пошло по Л.В. Щербе. Фанни Вигдорова спросила у ребят, что значит эта нелепая фраза, ребята закричали, что они «ничего не понимают»; она сказала им, что это неправда... И действительно, оказалось, что всему классу ясно! На вопрос «что?» отвечает слово *куздра*, *будланула* отвечает на вопрос «что сделала?». Именно «сделала», а не «делала»: тогда было бы *будлала!*.. Выяснилось, что можно даже установить, что *бокр* — живое существо, а не вещь какая-нибудь. Не будь он живым, *куздра будланула бы бокр*, а не *бокра*...

«И, — рассказывала Ф. Вигдорова, — дело было сделано: все последующие уроки языка проходили в моем классе оживленно, весело, на большом подъеме...»

Я был очень рад этому, потому что ведь это я рассказал тогда в «Пионере» о «глокой куздре» и косвенно помог отличной преподавательнице Вигдоровой доказать «ее классу», что уроки русского языка могут быть не только интересными, но даже и веселыми. Увлекательными!

Это же позволяет мне и питать надежду, что среди современных педагогов могут найтись новые Вигдоровы и что, прочтя новую мою книжку, они тоже найдут, как использовать ее на своих уроках...

Я должен только предупредить: пересказанное мною сообщение Вигдоровой вы можете обнаружить исключительно в первом издании «Моего класса», выпущенном издательством в 1947 году.

Я думаю, теперь вы уже составили себе представление о том, что это за книга. Если же оно недостаточно ясно, вам остается одно: не останавливаться на авторском введении, а читать и дальше все подряд, до конца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕЛИКИЙ КОНСТРУКТОР.
ЗВУК. СЛОВО. ПРЕДЛОЖЕНИЕ.
БУКВА

У вас, наверное, был или есть КОНСТРУКТОР. Такой удивительный ящик, в котором сложено множество разных деталей — винтиков, шурупчиков, шайбочек, железных уголков и планочек с пробитыми в них отверстиями.

Удивительного в нем немало вот почему: сами по себе все эти «железяки» вроде как ни на что не похожи — так, железный лом...

Но если их умело приставить друг к другу да соединить винтами, то можно из них получить что вашей душе угодно: хотите — мост через небольшую канаву, вздумаете — модель самолета, а то и грузовичок, который можно катать по полу.

Такие «конструкторы» служат обычно детскими игрушками — очень занимательными. Но когда я на-

писал эти строки — это было 25 августа 1975 года, — мне принесли свежую газету «Правда» от того же числа. На ее второй странице — газетчики говорят: «на второй полосе» — была интересная статья.

Автор статьи, приехав на ВАЗ (Волжский автозавод), описывал свое впечатление от его главного цеха — того, из которого через каждые 22 секунды (я не описался: именно с е к у н д ы) выкатывается следующая новенькая машина «Жигули» — садись и поезжай куда хочешь!

«Почти четыре тысячи деталей, собранных воедино, поток колес и дверей, болтов и гаек, стекол и тормозных колодок, моторов и фар, подфарников и бамперов — вот что такое современный автомобиль. А ВАЗ выпускает именно такие машины».

Правда, описание это похоже на то, что я говорил об игрушечном «конструкторе», только увеличенном во множество раз? Этот огромный «конструктор», называемый автомобильным заводом, конечно, куда сложнее тех, какие дарят юным техникам, перевязанные ленточкой, в красивых коробках. Да и то, что на нем изготавливается, нужно несравненно большему числу людей.

Меня как-то даже смутило: правильное ли придумалось сравнение? Уж очень громадны «конструкторы» нынешних больших заводов!

Но потом пришло такое соображение.

Вот человек сел писать книгу. Он знает, сколько ему отвели на нее бумаги: на ней можно будет отпечатать, как говорят в мире книг, ПЯТНАДЦАТЬ АВТОРСКИХ ЛИСТОВ. Авторский лист — это такая мерка, она равняется Сорока тысячам печатных

ЗНАКОВ: считаются буквы, запятые, точки и даже промежутки между словами. Значит, мне предстоит в недалеком будущем своей рукой написать худо-бедно ЧЕТЫРЕСТА ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ этих самых печатных знаков (промежутки не будем считать!).

Но ведь автор должен будет не просто ставить букву за буквой, какая под руку подвернется. Мне придется из букв строить СЛОВА — «свинчивать» их в ПРЕДЛОЖЕНИЯ... Интересно, сколько же придется написать тех и других?

Слова (и предложения) бывают и подлиннее, и покороче. Но можно взять много слов, скажем составляющих десять каких-либо стихотворений А.С. Пушкина, сосчитать, сколько букв (или звуков) в каждом из них — ну, хотя бы в тысяче слов, — и получившееся число разделить на тысячу. Тогда мы узнаем то, что можно назвать СРЕДНИМ по длине словом, и не сделаем большой ошибки, если, считая, будем думать, что все слова у нас «средние».

Длина такого воображаемого СРЕДНЕГО СЛОВА у меня получилась в четыре с половиной буквы. Я разделил 450 тысяч на четыре с половиной, и — как удобно! — вышло ровно СТО ТЫСЯЧ СЛОВ.

Чтобы узнать, а сколько же это будет ПРЕДЛОЖЕНИЙ, можно узнать длину СРЕДНЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, и притом не у кого-нибудь из великих писателей, а — лучше — у м е н я самого, в моих книгах. Кто знает, может быть, у меня они либо длиннее, либо короче, чем у других?

Проверил! Вышло, что у м е н я СРЕДНИМ является предложение из десяти с половиной слов. Ну, для

простоты будем считать — из десяти, ошибка небольшая. Выходит, в книге моей окажется **ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ПРЕДЛОЖЕНИЙ**, а их-то как раз и можно сравнить с дверями, фарами, бамперами, подфарниками и другими составными частями автомашины, о которых говорил автор статьи в «Правде»: ведь все эти двери и бамперы тоже свинчены из других, более мелких частей.

Получается, чтобы написать книгу, надо воспользоваться запасами **КОНСТРУКТОРА**, куда более богатого и изобилующего деталями, чем самый крупный завод. Имя этому **КОНСТРУКТОРУ — РУССКИЙ ЯЗЫК**.

...Гигантский заводской «конструктор» в городе Тольятти или на КамАЗе работает ведь не для того, чтобы просто двигались все его шестерни, моторы и прессы. Он работает, чтобы выпускать машины, на которых люди будут ездить по своим делам. **ЛЮДИ БУДУТ ЕЗДИТЬ К ЛЮДЯМ**.

Совершенно так же и безгранично сложный **КОНСТРУКТОР** нашего **ЯЗЫКА** создан человеком не ради простого бессмысленного звучания отдельных слов и даже целых длинных словосочетаний.

КОНСТРУКТОР ЯЗЫКА нужен нам для того, чтобы мы могли передавать друг другу свои мысли. Больше того, он необходим, чтобы эти самые мысли вообще могли рождаться в наших головах и, при надобности, становиться мыслями не моими, не вашими, а **в с е о б щ и м и**.

«Собираться рассеянными народами в общежития, созидать храмы и корабли, ополчаться против неприятеля и другие... дела производить как возможно было бы, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу?» — так говорил вот уже двести с лишним

лет назад великий наш ученый Михаил Васильевич Ломоносов. Что имел он в виду под словом «способ»?

«По благороднейшем даровании, которым человек прочих животных превосходит, то есть... разуме, первейшее есть слово, данное ему для сообщения другим своих мыслей».

КОНСТРУКТОР ЯЗЫКА ни к чему ни пауку, всю жизнь одиноко сидящему в центре своей ловчей сети, ни раку-отшельнику, забирающемуся сразу после рождения в пустую раковину и всю жизнь занятому только тем, чтобы в одиночку есть да время от времени из меньшей раковины переселяться в более крупную. Нам, людям, он необходим потому, что один, без общения с другими, человек жить не может.

Теперь проведем еще одно сравнение. В тот день, когда корреспондент «Правды» любовался **КОНСТРУКТОРАМИ ВАЗа**, по его словам, завод выпустил как раз **ДВУХМИЛЛИОННУЮ МАШИНУ**. Такие машины, «Жигули», поднимают пять пассажиров каждая. Значит, на них смогут, так сказать, «за один раз» прокатиться десять миллионов человек. Великолепно! Вот какую грандиозную работу может выполнить стальной **КОНСТРУКТОР — завод**.

Да, но ведь даже одну эту книжку издательство отпечатает наверняка в количестве 100 000 штук (говорят: «экземпляров»). Мало будет таких экземпляров, которые прочтет только **ОДИН** человек, — не больше, чем машин, на которых всегда будет ездить только сам хозяин, в одиночку. Книга попадет в библиотеки, там каждую из них прочтут десятки людей. А главное-то ведь, что в один день с моей книжкой с великого «конвейера» русской литературы сойдут десятки других.

И все они будут построены-собраны из деталей того же неистощимого, бессмертного, живого — не металлического — КОНСТРУКТОРА: РУССКОГО ЯЗЫКА.

В тот же день в пределах нашей Родины выйдут построенные из русских слов и предложений десятки, сотни газет, — а ведь крупнейшие газеты наши печатаются, как говорят, «в тираже» (то есть «в количестве») нескольких миллионов, а то и десятка миллионов штук. И на них на всех хватит слов, накопленных в запасах нашего родного языка.

Этого мало. В тот же день, как и во все дни ДО и ПОСЛЕ него, все мы, русские люди, будем без конца разговаривать друг с другом, употребляя в этих разговорах не миллионы, а уже миллиарды, может быть, сотни миллиардов слов и еще куда большее число — тут уж не букв, а звуков, неустанно строя из них недолго существующие, быстро исчезающие, но такие важные для нас воздушные замки **з в у ч а щ и х Р Е Ч Е Й**.

И для этих всенародных РЕЧЕЙ материалом будут служить «детали», частицы, взятые из того же самого, величайшего из существующих в мире КОНСТРУКТОРА — из сокровищницы **ЯЗЫКА НАШЕГО НАРОДА**.

То же самое, разумеется, можно сказать и про языки всех племен, наций и народов мира.

Мне кажется, довольно интересно рассмотреть теперь поближе те самые «детальки», с которыми работает КОНСТРУКТОР нашей РЕЧИ. Начать, мне думается, удобней и умней всего будет с самых малых, самых простых из них, а затем уже переходить ко все более и более сложным. Самой простой частицей языка приходится признать, надо думать, ЗВУК.

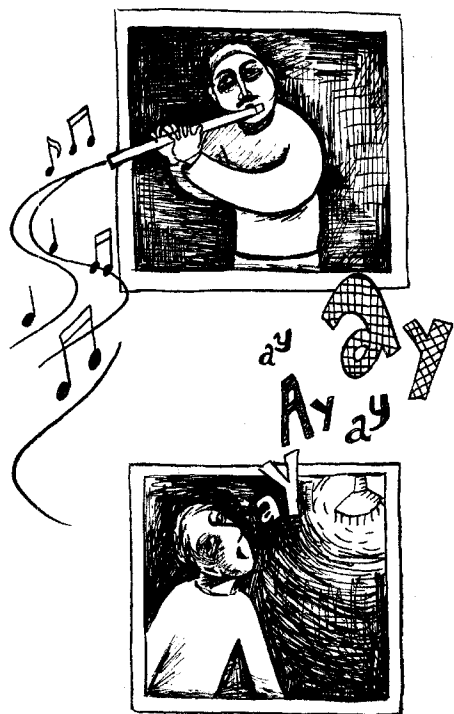
ЗВУК ЗВУКУ РОЗНЬ

Упала на пол гантелька, с которой вы делали утреннюю зарядку. Получился ЗВУК, да еще какой, — мама выскочила из соседней комнаты: «Что случилось?»

На дворе гавкнула собачонка из 75-й квартиры. Опять — звук, но не совсем того сорта, что от вашей гантельки. «Гав-гав» или «тяф-тяф» — что-то другое. Но есть у них и общее. Все это, так сказать, «природные», «естественные» звуки.

Открылось окно через двор напротив, и хозяин квартиры, музыкант-флейтист, подойдя к нему, взял на своей флейте — что? — тоже ЗВУК, один звук, но опять-таки не такой, как те: музыкальный звук. ТОН!

А через минуту после этого снизу до вас донеслось: «Ау!» — два ЗВУКА. Это уж совершенно иного свойства ЗВУКИ, чем все остальные. Во-первых, вы можете с уверенностью сказать, что их именно ДВА; во-вторых, вы сразу же поняли, что их издало человеческое

существо. И главное — ВАМ понятно, ЧТО ОНИ ЗНАЧАТ. Они значат, что за вами зашел Виталька Серов, ваш лучший друг и приятель, и спрашивает: дома ли вы, а если да, то не пора ли вам отправляться в школу?

Удивительно! Все остальные звуки были как звуки: бам, «гав-гав!», фиу. Вам и в голову не приходило спросить себя, что хочет сказать ими упавшая гантелька, твякнувший песик или даже соседская флейта. А тут за двумя рядом родившимися звуками вы сразу увидели их СМЫСЛ. Великая

разница! Эти звуки ЗНАЧАТ, они говорят вам что-то. Вы знаете их с м ы с л.

Правда, чтобы быть справедливыми, скажем: люди с богатым воображением часто любят, вслушиваясь, находить значение и в «природных» звуках.

Рассказывает великий писатель Николай Васильевич Гоголь:

Каждая дверь имела свой особенный голос: дверь, ведущая в столовую, хрипела басом; но та, которая была в сенях, издавала какой-то странный, дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно, наконец, слышалось: батюшки, я забну!

Конечно, так растолковывать себе «природные» звуки могут только люди с могучей фантазией. Да и то не всегда ясно и им, что же именно они слышат:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
ТО, КАК ЗВЕРЬ, ОНА ЗАВОЕТ,
ТО ЗАПЛАЧЕТ, КАК ДИТЯ...*

Видите, как много разного слышалось молодому Пушкину в вое ветра, когда он коротал со своей няней долгие зимние вечера в деревне?..

В детстве моем я разучивал песенку, слова которой написал кто-то не очень талантливый. Музыка к ним была известного композитора Цезаря Кюи:

*Там вдали, за рекой,
Раздается порой:
«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»
Это птичка кричит
У зеленых ракушек:
«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»
Потеряла детей,
Жалко, бедненькой, ей:
«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»
Деток ищет, зовет
И тоскливо поет:
«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»*

Видите? Все знают: кукушки подкидывают свои яйца в гнезда других птиц, никогда собственных птенцов не видят и даже не ведают, есть ли они у них или нет.

Этого мало: кричит «ку-ку» не кукушка-мама, а кукушка-папа. Голос кукушки-мамы совершенно не похож на кукование. А сочинителю этих стишков вон какая картина нарисовалась! Почему? Да только потому, что он попытался в крик птицы, в звуки, ею издаваемые, вложить НАШЕ, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

А ведь разница между «природными» и «людскими» звуками необыкновенно велика. Вот представьте себе, что мы с вами идем летом по лесной тропинке. Слева все время кукует такая кукушка. «Ку-ку! Ку-ку!» — раздается непрерывно. Ни вам, ни мне не приходит в голову начать прислушиваться: «Что она хочет сказать?» Кукует, и все тут!

И вдруг донесся до нас далекий голос: «Ау-у!» Мы все тотчас остановились и насторожились. Это «ау!» полно для нас значения. Оно может значить: «Где вы?» Может, оно означает и «Я тут! Я заблудилась!». «АУ» — это с л о в о, в нем заключается понятный каждому русскому человеку с м ы с л. И вполне вероятно, мы прервем свой путь по тропке и свернем в чащу, чтобы посмотреть, что случилось с тем, кто «аукает».

Повторю: ЗВУКОВ в мире — бесчисленное множество. Даже когда ничего живого на Земле еще не было, они сотрясали воздух. Грохотали громовые раскаты. Ревел ветер. Заставляя дрожать окрестность, рушились при землетрясениях скалы. Это всё были звуки природные. Они нас интересовать не будут.

Еще д о ч е л о в е к а стали раздаваться и другие звуки — м у з ы к а л ь н ы е. Их мог порою издавать ветер, прорываясь в узкие щели пещер. Их непрерывно высвистывали и выкликали певчие птицы.

Способен, конечно, издавать музыкальные звуки и человек, но мы не станем здесь говорить о них. Сами по себе, пока с их сочетаниями не соединяется слово, они способны пробуждать в нас только порою яркие, но неопределенные чувства: печаль, радость, умиление, злость, «то раздолье удалое, то сердечную тоску». Но не м ы с л и. Нельзя понять музыкальную фразу, нельзя сказать что́ она в т о ч н о с т и ЗНАЧИТ: «Пойдем на озеро!» или «Я тебя люблю, сынок!»

Правда, если я стану насвистывать, вы можете вдруг обрадоваться: а, да это же «А нам — все равно!». Это про зайцев, песенка из фильма «Бриллиантовая рука!» Но ведь в этом случае вы поняли не мой свист, а только те слова, которые он вам напомнил. Если ваш брат или сестра никогда не слышали, как Юрий Никулин поет их, им бы и в голову не пришло, что свист мой равняется фразе: «А нам — все равно!» С таким же успехом можно было бы решить, что надо петь: «Куда нам пойти?» или «Я зол на тебя!» Лишь бы «размер подошел».

Вы что-то как будто ПОНЯЛИ, но только потому, что в вашей голове эти звуки УЖЕ были связаны с четырьмя СЛОВАМИ, состоящими из двенадцати совсем других звуков — ЗВУКОВ ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕЧИ.

ГЛАСНЫЕ И СОГЛАСНЫЕ

А что, эти-то ЗВУКИ уж в с е одинаковы?
В том-то и дело, что нет.

Среди них есть очень похожие на музыкальные ТОНЫ. Это А, О, У, И, Ы, Э. Чем они напоминают тоны музыкального инструмента, скажем флейты или трубы? Вы можете как угодно громко и долго ПЕТЬ и каждый из них в отдельности, и последовательно, и как угодно все их переставляя:

Ааааааа!
Ооооооо!
Ууууууу!

или

Ааооооууууи!
Ииаоуызо!

Нет, не произносить их, отделяя друг от друга: А-А-А-А, а заставлять каждый из них звучать подолгу. По «сколько вам захочется».

Эти звуки называют ГЛАСНЫМИ, от слова *глас* — голос. Старинное название это можно принять.

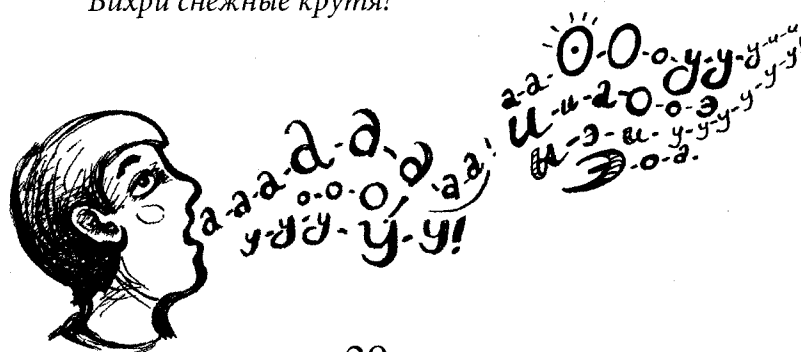
Вы, наверное, заметили: я перечислил не все те гласные, которые упоминаются в учебниках 1-го класса. Там к этим ШЕСТИ добавлены другие ЧЕТЫРЕ: Я, Ё, Ю, Е. Почему такое «разногласие»?

Я рассказываю о ЗВУКАХ, а в учебнике перечисляются БУКВЫ...

Вдумайтесь и вслушайтесь: ЗВУК А вы спокойно можете напеть. Можно даже взять какое-нибудь любимое вами стихотворение или песенку и, не произнося ни слова, спеть ее от начала до конца, не произнося ни единого звука, кроме А:

А-а-а-а-а-а-а-а,
А-а-а-а-а-а-а-а!

*Буря мглою небо кроёт,
Вихри снежные крутя!*

А вот с **Я, Ё, Ю, Е** этого проделать нельзя. Попробуйте так ПЕТЬ **Я**, и у вас получится: **Й-А-А-А-А-А...** Или **Я-А-А-А-А!**, если вы вздумаете пропеть не такое **Я**, как в слове **яма**, а такое, как в слове **пять**.

Почему это так? Потому что эти четыре «гласных» — не звуки, а только буквы. Они означают либо звуки **А, О, У, Э**, но соединенные с предшествующим им звуком **Й — ИА, ЙО, ЙУ, ЙЭ**, либо же указывают на то, что согласные **ПЕРЕД** звуками **А, О, У, Э** надо произносить не твердо, а мягко:

БАНКА, но **БЯКА** [Б'АКА]

МОДЫ, но **МЁД** [М'ОД]

ТУРОК, но **ТЮРЯ** [Т'УР'А].

Впрочем, подробнее о том, что такое **ЗВУК** и что такое **БУКВА**, мы еще успеем поговорить.

Итак, с гласными звуками мы познакомились. Но есть, кроме них, и совсем другие звуки:

Б и БЬ	Ж	М и МЬ
В и ВЬ	З и ЗЬ	Н и НЬ
Г и ГЬ	К и КЬ	П и ПЬ
Д и ДЬ	Л и ЛЬ	Р и РЬ
С и СЬ		
Т и ТЬ		Х и ХЬ
Ф и ФЬ		Ц
		ЧЬ
		Ш и ШЬ.

Вот уж их-то никак нельзя пропеть. Попробуйте на какой-нибудь мотив спеть «П П П П П П П» или «Д Д Д Д Д Д Д». Ничего у вас не получится. И довольно понятно — почему. Эти звуки ничем не похожи на

музыкальные тоны. Тут перед вами, скорее, различные **ШУМЫ**. Нет, пожалуй, заметной разницы между громко произнесенным **Щ** и звуком чихания. Между повторенным много раз «ТТТТ Т... Т...» и стуком палочкой по куску фанеры. Однако **Т** — это все-таки членораздельный звук языка, а стук так стуком и остается.

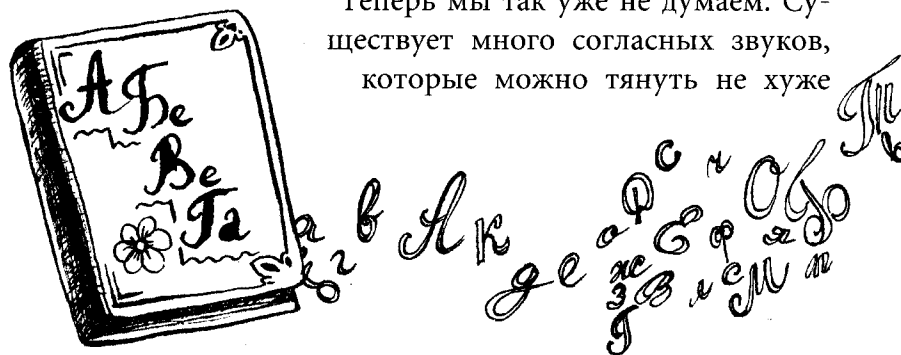
Звуки, которые я только что перечислял, в отличие от первых, давно уже называются **СО-ГЛАСНЫМИ**. Это название не так удачно, как **ГЛАСНЫЕ**.

В нашем языке есть другое слово **СОГЛАСНЫЙ** — прилагательное, выражающее «придерживающийся того же мнения» или «не возражающий». Не очень удобно, когда может возникнуть неправильное понимание слова. Дело в том, что название **СОГЛАСНЫЙ** звук, по замыслу его изобретателей, означало: «звук, который можно произнести **ТОЛЬКО С ГЛАСНЫМ**». Звук **П**, мол, вы не можете назвать просто **П**. Вам придется сказать **ПЕ**.

СО-СЕД — тот, кто «сидит Со своим Со-СЕДОМ рядом».

СО-ГЛАСНЫЙ ЗВУК — тот, который обязательно должен произноситься рядом **СО ГЛАСНЫМ**.

Теперь мы так уже не думаем. Существует много согласных звуков, которые можно тянуть не хуже

гласных. Возьмите звук С и сипите, как питон Каа в «Маугли» Киплинга: «Ссссс!» Точно так же можно как угодно растягивать звук М: «МММММ-ДА!..» Что же до названия букв, так теперь в школах всех с малых лет учат называть их точно так же, как и звуки: буква О и буква Д. Обязательного добавления гласного совершенно не требуется.

И все-таки мы продолжаем называть одни звуки ГЛАСНЫМИ, другие СОГЛАСНЫМИ. Почему же? Да просто по привычке: все языки в мире очень не любят отказываться от уже придуманных слов, названий. Даже когда сама вещь меняется, язык упрямо продолжает называть ее старым словом. Вы наверняка сто раз слышали да и сами произносили слова *перочинный нож*. А случилось ли вам хоть раз в жизни увидеть, как этим складным ножичком ЧИНЯТ ПЕРЬЯ? Конечно, нет: это делалось только лет двести назад, когда писали гусиными перьями, и их заостряли, очиняли именно такими маленькими карманными ножами.

Вот точно так и со звуками. Их мы по старинке делим на ГЛАСНЫЕ и СОГЛАСНЫЕ, хотя отлично понимаем, что давно уже пора было бы придумать какие-нибудь другие названия.

Тут мне приходится сделать два замечания.

Очень часто вы услышите (да, наверное, и слышали множество раз), как говорят о «гласных» и «согласных» БУКВАХ. Не ЗВУКАХ, а БУКВАХ?

Но как же может БУКВА быть ГЛАСНОЙ? Ведь ее же не ПРОИЗНОСЯТ, а только ПИШУТ?

Давайте условимся раз навсегда: не будем никогда смешивать ЗВУКИ и БУКВЫ. Не будем говорить:

«Произнеси БУКВУ А» или «Напиши ЗВУК О». Буква может быть прописной и строчной, а звук — нет. Звук может быть громким и чуть слышным, а буква — ни той, ни другой.

Если вы после школы пойдете в языковедческий вуз, там вам будут категорически рекомендовать слова «гласный» и «согласный» связывать ТОЛЬКО СО ЗВУКАМИ. Но... пока нам до вуза еще далековато; будем говорить так, как привыкли. Но путать ЗВУК с БУКВОЙ — за пр е щ е н о!

Второе: самые внимательные и хитроумные из вас, конечно, заметили: перечисляя звуки нашего языка, я насчитал их только 30. Букв же у нас — 33: мы об этом еще будем говорить. Две из них — Ъ и Ь — никаких звуков не обозначают: мы их и зовем з н а к а м и. А вот почему я пропустил 33-ю букву — Й? Ведь такой звук Й существует!

Да, существует. Почему же я его не назвал? Пока — секрет. В середине этой книги я вам раскрою тайну И краткого. Сейчас еще рано: сейчас мы с вами еще слишком мало узнали о языке, чтобы вы могли вникнуть в нее. Не огорчайтесь: всему свое время, и она от нас не уйдет!

ЗВУКИ И БУКВЫ

Так вернемся все-таки к звукам и буквам: это любопытнее, чем можно подумать. Значит, звук — одно, а буква — совсем другое? Конечно! Я пишу слово *пыль*. Сколько в нем букв? Ясно: четыре. А звуков только три: **П**, **Ы** и мягкое **Л**.

В других языках (скажем, в польском) в таких случаях поступают иначе. Слово *нуль* поляки пишут тремя буквами, вот так: [nuł]. Оно звучит и у них с мягким **Л**. А слово *пыль*, которое по-польски выговаривается [пыл], они изображают так: [pył]. Твердое **Л** они пишут как перечеркнутое эль — Ł, а мягкое — как эль без черточки. Мы же применяем здесь букву **Ь**, которая никакого звука не изображает, а только показывает, что согласный звук тут произносится мягко.

Вам уже ясно, что бывают буквы, которые выражают тот или иной звук, и бывают такие, которые никаких звуков не выражают?

Теперь произнесите слово *встал* и прислушайтесь, как оно звучит. Если вы произнесете его так же, как всегда, оно прозвучит как [фстал]. Скажите: *Надо нарубить дров*, и услышите: [дроф]. И не надо думать, что вы при этом ошибаетесь: все русские люди непременно выговарят это **В** как **Ф**. Напротив того, если вы станете нарочито выговаривать [В-стал], [дро-В], вас примут за иностранца или за кривляку.

Разве это не показывает достаточно ясно, что между звуками и буквами существует большое различие и что надо всегда подумать, поразмыслить, какое из двух слов, их называющих, надо употребить в этом случае, какое — в том?

Например, вы сами не скажете: «У меня, когда я п и ш у, ЗВУК ЭФ получается некрасиво». Но не следует говорить и так: «Произнесите громко какие-нибудь ТРИ БУКВЫ». БУКВЫ можно только ПИСАТЬ: ЗВУКИ можно только ПРОИЗНОСИТЬ. Когда мы немного больше овладеем началами русского языка, мы еще вернемся к этому вопросу.

СЛОГИ

Самыми маленькими «детальками» в нашем Великом Конструкторе, как мы только что видели, оказываются звуки и буквы. Звуки — когда мы говорим, буквы — как только мы переходим к писанию.

Казалось бы, частичкой чуть побольше следует считать СЛОВО. Но оказывается, между ними стоит еще одно любопытное соединение двух, трех, иногда четырех звуков (и букв). Оно называется СЛОГ.

Каждое слово имеет какой-нибудь СМЫСЛ, ЗНАЧЕНИЕ. ЗВУКИ не то что имеют значение сами по себе, они могут иногда становиться словами и тогда получают смысл: вы сами отлично понимаете, что сказать **В кино** — это одно, а **У кино** — совсем другое. **У** и **В** — звуки, но, кроме того, они здесь являются и словами, так же как и **К** и **С**, **О** и **А**.

Звуки сами по себе ничего не значат, но они могут резко изменить значение слова. Одно дело *дом* и совсем другое — *том*. Слово *мой* отличается от слова

май тоже одним звуком, но значат они совсем разные вещи, ведь так?

Теперь насчет СЛОГОВ: что это такое? Начнем с чтения стихов. Вот хотя бы стихотворение К.И. Чуковского «Муха-Цокотуха». Помните его начало:

МУХА, МУХА, ЦОКОТУХА,
ПОЗОЛОЧЕННОЕ БРЮХО!

Попробуйте прочитать эти две строчки четко и ясно, так, чтобы сразу было видно, что вы читаете СТИХИ. У вас получится:

*Му-ха, Му-ха, Цо-ко-ту-ха,
По-зо-ло-чен-но-е брю-хо!*

Еще заметнее это с разными считалками:

*Ехал Гена темным лесом,
За каким-то интересом.
Ин-те, ин-те, ин-те-рес,
Уходи с дороги в лес.*

Когда ребята считаются, они указывают поочередно друг на друга пальцем: **Е** — на Васю, **хал** — на Светку, **Ге** — на Люду, **на** — на Витальку... Они невольно разбивают целые слова на куски. Замечательно то, что куски эти получаются — хочется им этого или не хочется — обязательно трех сортов:

- 1) состоящие из одного гласного звука — **Е**;
- 2) состоящие из гласного и согласного — **Ге**, **ин**;

3) в середине гласный, по бокам два согласных — **хал, тем, сом.**

Два последние «разряда» могут иметь не по одному согласному, а по два (и даже больше), только они должны обязательно стоять рядом: «ВЛес», «СДо-ро-ги». В общем, вся считалка, если написать так, как ее произносят, когда считаются, получит вот какой вид:

*Е-хал-Ге́-на-тём-ным-ле́-сом
За́-ка-ким-то-и́н-те-ре́-сом,
Ин-те, и́н-те, и́н-те-ре́с,
У-хо-ди́-сдо-ро́-ги-влёс!*

Очень любопытно, что в предпоследней строчке рядом стоят не осмысленные слова, а просто как бы осколки: *Ин-те, ин-те, ин-те-рес!*

Вот эти-то осколки и называются СЛОГАМИ. И обычно смысла у них нет. Занятно, что — хотя они и не имеют его каждый сам по себе — люди все-таки раньше научились разбивать слово на СЛОГИ, чем на ЗВУКИ... Именно поэтому еще совсем недавно, лет сто назад, учась читать и писать, школьники сперва привыкали «складывать слоги», а уж из них «строили слова».

Так и читали в первые недели обучения: «Пти-чка — Пе-тэ-и — ПТИ, че-ка-а — ЧКА — ПТИЧКА!, Бе-о — БО, жэ-и — ЖИ — Бо-жи — я — БОЖИЯ!»

Трудно? Да, и нелегко и долго; но вот что вы делаете — так все когда-то начинали читать. Я и сам, еще мальчишкой, учил по такому способу деревенских малышей. Получалось неважно: в букваре были написаны слова, а рядом — картинки, изображающие пред-

мет, который назывался этим словом. Я до сих пор помню мальчугана Прокопа, он усердно читал: «Пы-чи-е — ПЧЕ, лы-а — ЛА — ПЧЕЛА...» Но стоило мне спросить: «И что же получилось?» — как он радостным голосом, скосив глаза на картинку, вскрикивал: «Оса, которая кусается!»

Может быть, слоги вовсе не нужны? Нет, нужны. Вот мы уже видели — поэты строят свои стихи из СЛОГОВ, которые соединяются в СТОПЫ. Именно число слогов в стопе, а также место (гласный звук), на которое в каждом из них падает УДАРЕНИЕ, и придают стиху «склад и лад».

А это происходит потому, что, когда мы с вами просто говорим друг с другом, мы тоже произносим один из слогов слова с большим напором, чуть громче, чем другие. И то место, которое так произнесено, нередко меняет смысл слова, хотя оно состоит точно из тех же звуков и букв, что и другие:

ЗА́-мок и за-МО́К
МУ́-ка и му-КА́.

Нетрудно убедиться, что слогов в слове ровно столько, сколько в нем ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ, потому что слоги ИЗ ОДНОГО ГЛАСНОГО бывают, а вот слога из одного согласного нам с вами не образовать. Правда, ученые в других языках находят так называемые СЛОГОВЫЕ СОГЛАСНЫЕ, но нам с вами можно о них пока не думать.

А самое важное — приучиться быстро разбивать слово в уме на СЛОГИ. Это нужно для грамотного письма.

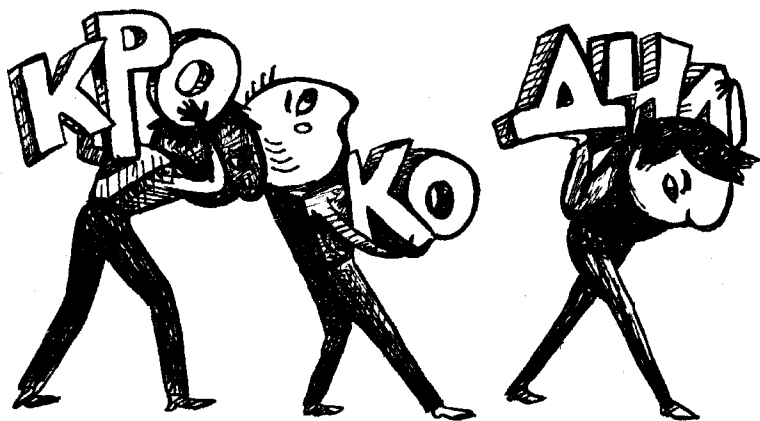

Дело в том, что когда слово не уместается на конце строчки, его принято разбивать для переноса на следующую строку обязательно МЕЖДУ ДВУМЯ СЛОГАМИ.

Можно переносить:
МО-РОЗ (и МОР-ОЗ)
КРО-КО-ДИЛ
(и КРО-КОД-ИЛ)

Нельзя переносить:
М-ОРОЗ или МОРО-З
КР-ОКОДИЛ или
КРОКОДИ-Л

Чуть позднее я вернусь к слогам и к ударениям, падающим (или не падающим) на те или другие слоги, и тогда мы с вами увидим, почему ЕЩЕ важно умение разбираться, из каких слогов состоит слово.

ЗАКОН И ПРАВИЛО

Вот сейчас я скажу вам о вещах, к которым буду не раз возвращаться на многих страницах этой книги. Дело в том, что тут слова мои содержат очень важную мысль. Постарайтесь запомнить ее.

Когда изучают язык, приходится иметь дело с двумя видами ПРИКАЗАНИЙ: с ЗАКОНАМИ ЯЗЫКА и с ПРАВИЛАМИ ПИСЬМА или выговора. Между теми и другими — огромная разница.

Вот только что я сказал вам, что **каждое слово состоит из звуков, а звуки складываются в слоги, и в каждом из них — только ОДИН (и обязательно один) ГЛАСНЫЙ ЗВУК.**

Это всё — законы языка. Они сложились в языке сами собой в глубокой древности, и НИКАКИМ ОБРАЗОМ ОТМЕНИТЬ ИЛИ ПЕРЕПРАВИТЬ ИХ НЕ МОЖЕТ НИКТО, кроме самого языка (можно сказать иначе — кроме самого народа).

А затем я сообщил вам еще одно строгое приказание:

переносить слова со строчки на строчку в русском языке допускается только по СЛОГАМ.

Вот это уж не ЗАКОН языка, а ПРАВИЛО ПИСЬМА. Так в наше время УСЛОВИЛИСЬ писать, потому что при соблюдении этого правила читать слова, на которые пришелся перенос, удобнее и легче: говоря или читая, мы невольно делим слова на слоги. Однако если бы в один прекрасный день было выработано постановление, согласно которому правило это было бы переменено, ничего особенного не случилось бы: потратив некоторое время на то, чтобы привыкнуть, все стали бы переносить слова на любом месте слова.

Несколько столетий назад так и писались тогдашние рукописи, печатались и книги. Нам по этой причине трудновато их читать, а тогдашние жители России (да и в других странах) справлялись все же с этой трудностью.

ПРАВИЛО можно отменить и заменить другим. ЗАКОН языка ни отменить, ни заменить невозможно. Если бы вышел приказ НЕ ДЕЛИТЬ МЫСЛЕННО СЛОВА НА СЛОГИ, НИКТО БЫ ЕГО НЕ ПОСЛУШАЛСЯ. Почему? Да потому же, почему нельзя вдруг начать не думать о белом медведе, как пытался сделать Лев Толстой, когда был ребенком. Чем строже был бы запрет мысленно не делить слова на слоги, тем настойчивее в уме у каждого любое слово распадалось бы на них: «кро-ко-дил», «гип-по-по-там»... Потому что такое деление — закон языка, а не условное правило.

Из этого никак не следует, что ПРАВИЛА можно нарушать. Раз они введены, надо соблюдать их, совершенно так же, как ПРАВИЛА проезда в трамваях.

Если есть правило: ВХОДИТЬ С ЗАДНЕЙ ПЛОЩАДКИ — ВЫХОДИТЬ С ПЕРЕДНЕЙ, то нарушение его делает езду в трамваях неудобной толкотней. Однако существуют города, где это ПРАВИЛО заменено противоположным: ВХОДИ СПЕРЕДИ, ВЫХОДИ СЗАДИ! — и в них приходится уже точно исполнять другое правило. Не исполнишь — тебе же будет хуже!*

Большинству ЗАКОНОВ РУССКОГО ЯЗЫКА каждый из нас приучается подчиняться сам собой, с раннего детства. А вот ПРАВИЛА его — главным образом ПРАВИЛА ПИСЬМА, ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ — мы заучиваем в школе (иногда и дома).

В следующих главках моей книги я постоянно буду делать различие между ЗАКОНАМИ и ПРАВИЛАМИ: по-моему, их очень важно не путать.

* Понятно: порядок заменится беспорядком. Тот, кто поступит «беспорядочно», первый и страдает от этого. (Здесь и далее примечания автора.)

ВСЕ ГЛУБЖЕ И ГЛУБЖЕ

Занимаясь изучением языка, человек все глубже и глубже погружается в море его особенностей — и ПРАВИЛ, и ЗАКОНОВ.

Я уже разбил все звуки нашей речи на ГЛАСНЫЕ и СОГЛАСНЫЕ. Казалось бы, достаточно. Но нет: в нашем языке (и в некоторых других славянских) СОГЛАСНЫЕ сами бывают двух родов — мягкие и твердые. Это — ЗАКОН нашего языка, и вы его без всякого специального обучения знаете и не задумываясь применяете, когда говорите.

Вы прекрасно знаете, что *мел* — это то, чем пишут на классной доске, а *мель* — неглубокое место в море или реке. Говоря, вы, ни на миг не задумываясь, произносите два эти слова различно. Вам даже не сразу придет в голову, что они *п о х о ж и*. Но вот как только вам надо их написать, вы замечаете и сходство, и разницу. Два первых звука (и две первые буквы) в обоих

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

словах одинаковы, но звуков в обоих по три, а букв в первом три, во втором — четыре. Откуда четвертая? Она не обозначает никакого лишнего ЗВУКА, а только указывает, что звук *Л* тут *м я г к и й*, как я об этом по другому поводу уже рассказал на странице 34.

Значит, твердость согласных звуков мы, когда пишем, никак не обозначаем, а мягкость отмечаем мягким знаком, который ставим вслед за мягким согласным. Что, так бывает всегда? Вовсе нет! Сравните два слова: *кота* и *Котя* (так иногда называют в детстве Константинов). В первом — последний согласный твердый, во втором — он мягкий, хотя никакого мягкого знака после него не стоит. В чем дело?

Дело в том — и это ЗАКОН нашего языка, — что у нас существуют не только МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ, но и такие ГЛАСНЫЕ, которые делают идущий перед ними согласный МЯГКИМ. В данном случае *А* не смягчает согласный, а *Я* смягчает. Помните, на странице 28 я перечислял гласные звуки? Я разбил их на два ряда:

А, О, У, Ы, Э
Я, Ё, Ю, И, Е.

Так вот как раз вторая группа и обладает способностью смягчать предыдущие согласные, а первая — нет.

РАма — РЯдом
ТОмный — ТЁмный
РУка — РЮмка
МЫло — Мило
БРЭм — БРЕдёт

В данном случае наше письмо точно идет вслед за нашей речью: мы устно смягчаем согласные ЗВУКИ именно там, где ставим письменно БУКВЫ второго пятка.

И мягкий знак мы пишем всегда только там, где и произносим мягкий согласный. Чаше это бывает на концах слов, но иногда и в их серединах. Возьмите такие слова, как *больно*, *горько*, и сравните их с другими — *болван*, *горка*. И в произношении, и на письме разница отлично соответствует тому, что мы слышим. Затруднений правило насчет мягкого знака — смягчителя и пяти смягчающих гласных не вызывает. Оно совпадает с законом.

Но не следует думать, что во всех языках мира действует такой же закон. Во многих из них согласные не делятся на мягкие и твердые или, лучше сказать, не смягчаются ни перед какими гласными звуками. Они всегда одинаковы: либо мягки, либо тверды, либо же мягче наших твердых, но тверже наших мягких звуков.

Какое нам дело до происходящего в чужих языках? Очень большое! Вам наверняка придется (или уже приходится) учить какой-нибудь иностранный язык, и будет очень грустно (и смешно!), если вы вздумаете, произнося его слова, смягчать согласные перед **И** или **Е**. Звук **М** в немецком *Mönch* [Мёнх] — *монах* никак нельзя выговорить, как **М** в русском *мёд*. **М** тут и не мягкое, и не твердое. И **Х** — не мягкое, как в *хитрый*, и не твердое, как *вздых*. Оно «среднее». Но еще чаще вам придется выговаривать, беседуя по-русски, на русский лад те многочисленные иностранные слова, которые

наш язык позаимствовал и сделал СВОИМИ. Особенно это относится к географическим названиям и личным именам других народов. В фамилии *Гёте* нельзя звук **Т** произносить, как в русском *телега*. И в имени *Джиоконда* нельзя так выговаривать **Ж**, как мы его выговариваем в нашем *жир*, и так, чтобы имя звучало наподобие [джыоконда]. Но неправильно выговаривать его и настоящим русским **И** и **Ж**: **ДЖ** и **И** тут не такие, как у нас.

ТРЕХГЛАВАЯ БУКВА

Замечали ли вы, что в нашем письме есть две буквы для звука **Е**? Нет, я плохо сказал. Замечали ли вы, что в нашей устной речи есть ТРИ ЗВУКА **Е** для двух букв — **Е** и **Э**?

Как так — три для двух?

А вот посмотрим! Я говорю слово *эхо* и пишу его через букву **Э** — вот вам ОДНА БУКВА для ЗВУКА **Е**. Теперь я говорю *мелко* и на втором месте ставлю букву **Е**, хотя она обозначает опять-таки тот же звук **Е**. Наконец, я произношу слово *ехать* и в его начале ставлю опять **Е**, которое звучит совсем на новый лад. Скажу вам, забегая вперед, что тут это наше **Е** звучит вовсе не как **Е**, а как **ЙЕ**. Сказав так, я именно «забежал вперед»* — об этом **ЙЕ** и ему подобных «парах звуков — букв» мы будем еще говорить в дальнейшем, и куда более подробно.

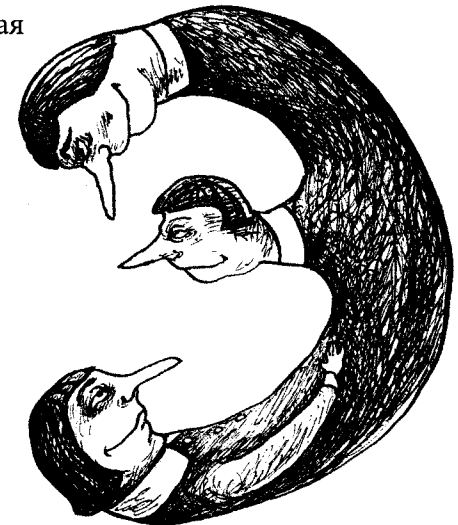
Но даже оставив в стороне **Е** — **ЙЕ**, даже ни слова не говоря про то, что до 1917 года в нашей азбуке была еще

одна буква, выражающая ЗВУК **Е**, — знаменитое **ЯТЬ**, — которая писалась так: ѣ, а произносилась в точности как наше «е-второе» и «е-третье» (писали *тѣло*, *ѣда*, говорили *тЕло* и *Еда*), — стоит разобраться в разнице между **Э** и **Е**.

Всегда в началах слов и перед гласными и звонкими согласными букву **Е** надо читать, как **ЙЕ**, а вот буква **Э** во всех этих случаях д о л ж н а означать «чистый звук **Е**». И главное при этом: в середине слов она не может смягчать согласный звук, который стоит перед нею. Я написал д о л ж н а, потому что за последние годы мы все чаще и чаще ставим в этих случаях простое **Е**: пишем, например, название лекарства *тэобромин* как *теобромин*, да и выговаривать такие слова стали уже по-русски, смягчая это иностранное **Т**: *тЭобромин* произносят сейчас лишь старики, вроде меня.

Таким образом, сейчас во владении буквы **Э** (и звука **Э**) остались почти одни только начала слов, да и то по большей части иностранных.

(Из чистого любопытства я встал, взял словарь и «просчитал» всю букву **Э**. Оказалось, что из 970 слов, начинающихся на букву **Э**, у нас есть всего только 21 с л о в о р у с с к о е, да еще из них ряд восклицаний

* Или «назад», см. с. 30.

вроде Эй! Эх! Эгей! Эк! и тому подобное и шесть названий букв: эль, эм, эн, эр, эс, эф. Так что «полноценных» слов остается всего десять.)

Было время, когда считалось, что «простой народ не умеет» произносить «барский звук Э», и поэтому — сами малообразованные — «баре» считали слова, начинающиеся с этого «открытого Е», признаком хорошего тона, светскости. Был поэт Игорь Северянин, нарочно ставший сочинять стихи со словами «на Э оборотное», стремясь, чтоб их попадалось там как можно больше:

*Элегантная коляска в Электрическом биении,
Эластично шелестела по прибрежному песку!*

Слышите, как «по-господски» звучит? Игорь Северянин даже слово *шофер* умудрялся писать: *шофЭр* — для интеллигентности!

Ну, то было когда! Но смешно, что и сегодня встречаются совсем молодые люди, даже школьники, которые, подобно ему, выговаривают некоторые слова «на благородный лад» — [пионЭры], [рЭльсы] и тому подобное. Вот этого делать никак не следует! Надо помнить, что твердым предыдущий согласный может сделать только одно Е, а именно Э оборотное. А ведь в этих словах мы пишем Е!

Правда, от людей старших возрастов вы можете иногда еще услышать: [тЭрмометр, тЭмп, тЭма], — но сейчас так уже почти никто не говорит. Да и странно на самом деле: почему слово *темп* выговаривать как [тЭмп], хотя, например, *театр* никому не придет в голову произносить [тЭатр]?!

«НЕ ПТИЦА, А ПТИЦА»

Есть такая летучая мышка — нетопырь. Ученые говорят, что в глубочайшей древности наши далекие предки выговаривали это слово НЕ-ПТОПТЫРЬ. Это в их языке значило «НЕ ПТИЦА, А ПТИЦА». И в самом деле — подходящее название для летучей мыши, верно?

Эта история всегда приходит мне в голову, когда я думаю о звуке Й. Ну, иногда он напоминает какое-то укороченное И — вот хоть в слове *мой*, если сравнить его с *мои*. Иногда же он ведет себя вовсе не как гласный, а как согласный звук. Ну, скажем, при переносах слов буква И, которая означает звук Й, отделяется от предыдущего гласного и переносится на другую строчку:

Он бо-ит-ся.

А вот с Й так поступать нельзя! При переносах он держит себя как согласный — от предшествующего гласного не отделяется:

Ты не бой-
ся,
Чаще мой-
ся!

В чем дело? Пока что я попрошу вас просто запомнить это вот ПРАВИЛО, насчет поведения **Й** при переносах. А почему это происходит и чем вообще **Й** отличается от **И** и от всех остальных гласных звуков по существу, как я уже вас предупредил, разговор у нас пойдет позднее, когда мы будем готовы понять ЗАКОН ЯЗЫКА, который тут замешан. Тогда вы увидите, что и на самом деле ЗВУК **Й** — самый настоящий НЕ-ПТОПТЫРЬ.

Кстати, раз мы уж заговорили о переносе слов, вернемся на минуту к БУКВЕ **Ь**, когда она попадает в середине слова.

На странице 42 мы говорили о переносе слова ПОСЛОГАМ. В тех словах, в которых нет в середине мягкого знака, все с переносом просто:

пылкий перенесем так: *пыл-кий*.

А вот как перенести *пыльный*? Куда деть **Ь** — оставить на предыдущей строчке или пересадить на следующую?

Запомните: по ПРАВИЛУ **Ь** остается всегда при той букве, звук которой он смягчает.

Надо переносить так:

пыль-ный, тень-ков-ка (есть такой вид птичек пеньчочек).

Если вы подумаете, то согласитесь, что правило это разумное. Ведь буква **Ь** никакого звука не обозначает.

Она в этом смысле есть только знак смягчения предыдущего согласного. Так какой же смысл переносить ее в начало следующей строки? Как вы ухитритесь прочитать такой кусок слова:

(тол)ЬКО или (бол)ЬНОЙ

Никак!

А разумные правила и исполнять приятно...

Ну, насчет того же мягкого знака на концах слов мы поговорили достаточно на странице 34. Пока не будем к нему возвращаться. Потом — посмотрим...

АБЕВЕГА

Так лет двести пятьдесят назад называли азбуку. А что такое АЗБУКА?

Азбука — это все буквы, которые употребляются в любом языке (и у нас в русском), но расположенные в «известном порядке». Почему я эти слова написал в кавычках? Потому, что я долго ломал голову, как описать порядок, в котором буквы расставлены в азбуке, и не придумал ничего другого, как «расположенные в АЗБУЧНОМ порядке». Ну, можно еще сказать: «в АЛФАВИТНОМ», так ведь это слово значит как раз «АЗБУЧНЫЙ». Но согласитесь, так описывать что-нибудь не слишком остроумно: «Нержавеющей сталью называется та сталь, которая не ржавеет», «Верховой лошастью мы зовем лошадь, на которой ездят верхом».

А вот представьте себе — никак иначе порядок, в котором стоят буквы в азбуке, вы не определите. Тут мы как раз видим отличный пример различия между ЗАКОНОМ и ПРАВИЛОМ.

В русском языке ТРИДЦАТЬ ТРИ БУКВЫ. Это число зависит от числа и характера ЗВУКОВ нашей речи. Оно установилось долгими столетиями, и изменить мы его не можем или можем, но с большим затруднением. Оно определено ЗАКОНОМ, действующим в нашем ЯЗЫКЕ. В каждом языке столько букв, сколько требуют его ЗВУКИ.

У нас их, как я сказал, 33, у французов — 26, у итальянцев — 21, у всех по-разному. Их число в основном определяет ЗАКОН ЯЗЫКА.

А вот порядок, в котором эти буквы располагаются в АЗБУКЕ, в АБЕВЕГЕ, тоже не одинаков в различных языках, но он-то уж никак не зависит ни от каких законов. Он у каждого народа устанавливается исторически: с течением времени, со многими переменами и перестановками и вроде бы как «сам собой». Точнее, как раз не «сам собой», а по ПРАВИЛАМ, в разные времена придумываемым учеными, нередко отменяемым и заменяемым другими учеными.

Ну, например, русская азбука начинается: А, Б, В, Г... а французская (или итальянская) — А, В, С, D, Е и так далее.

И наша, и западная азбуки одинаково берут начало в алфавите древних греков. Но у греков буквы располагались так: А (альфа), Б (бета), Г (гамма), Д (дельта). Однако греческая буква бета в разные времена произносилась то как наше Б, то как наше В и называлась то бета, то вита.

Составители славянской азбуки разделили этот двойственный звук между двумя буквами и поставили их рядом: Б для звука, который у греков был бетой, В для того, который они именовали витой.

А римляне — и за ними другие западные народы — сочли удобным для себя изменить начало азбуки, взятой у греков, в несколько ином порядке. Оставив две первые буквы, как у греков, **А**, **Б** (изображают это **Б** они в виде нашего **В**), они третьей поставили **С** (произносится в разных языках то как **С**, то как **К**, то как **Ц**, а у итальянцев даже как **Ч**). Поэтому у них азбука иначе и зовется. Скажем, АБЕСЭ (у французов).

Приходится признать, что порядок букв в азбуках довольно произвольный или случайный. А в то же время надо прямо сказать, что было бы очень трудно разбираться во многих вопросах, если бы наши предки не придумали ее — азбуку, алфавит. Подумайте сами, в классном журнале фамилии учеников расположены по алфавиту. Попробовали бы вы записать весь класс, скажем, по росту или по длине волос — как бы преподаватель мог быстро найти того или другого из учеников или учениц? Ему приходилось бы все время помнить, сколько сантиметров в Огурцове и сколько в Ожеговой. А теперь он не будет искать Огурцова позади Ожеговой: ведь **Г**-то в азбуке — прежде, чем **Ж**! И их обоих он обнаружит не в начале и не в конце, а в середине списка: **О** стоит в русской азбуке на 16-м месте.

Все телефонные книжки, все словари, вплоть до самых ученых, составляются обязательно в порядке азбуки. Да выньте из кармана вашу записную книжку, в которой записаны адреса и телефоны ваших друзей, — и у нее странички размечены в порядке азбуки. А если этого не сделано, не поздравляю вас. Попробуйте-ка отыщите, на каком листке записана у вас Оля Щепкина — на десятом с начала или на седьмом с конца?

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Это не совсем правильный заголовок: лучше было бы сказать так: «Некоторые особенные пары согласных и гласных звуков и букв», но тогда получилось бы чересчур длинно. Оставим так!

Если вы имеете дело с согласным **Б** или **К**, то его можно совершенно одинаково и произносить рядом с любым гласным звуком, и писать буквы **Б** и **К** в сочетании с любой гласной буквой. **Б**: *бе, би, бя, бо, бы*. И гласным, и согласным это решительно все равно. Так ведь, вероятно, и все остальные буквы и звуки ведут себя так же?

Вовсе нет. Возьмите хотя бы четыре капризных согласных **Ж**, **Ш**, **Ч**, **Щ**. **Ж** и **Ш** — звуки согласные твердые. После них выговаривается звук **Ы**. Да, но пишется после них обязательно буква **И**.

Говорим ясно — [шЫло].
 ПИШЕМ ОБЯЗАТЕЛЬНО — шИло.
 Говорим — [жЫр].
 ПИШЕМ ТОЛЬКО — жИр.

Зачем придумано такое правило? Для удобства! Ведь, например, если бы мы условились ПИСАТЬ всюду ТАК, КАК ВЫГОВАРИВАЕТСЯ, то получилось бы, что при изменении одинаковых слов их окончания писались бы в разных случаях по-разному — когда -и, а когда -ы.

Пришлось бы писать от *нетух* множественное число: *нетух-и*, а скажем, от *малыш* или *черныш* — *малыш-ы* и *черныш-ы*. Нечего и думать, что в младших классах школьники плакали бы над окончаниями множественного числа.

Правда, совсем уравнивать правописание этих окончаний для всех таких согласных-гласных все-таки не удастся: в словах на **Ц** появляется обязательное **Ы**: *молдц-ы*, *огурц-ы*.

Но это как раз никого не затрудняет: каждый это чувствует, что звук И, в отличие от Ж и Ч, всегда звучит только твердо, и никому не придет в голову писать *конц-и* или *огурц-и*, потому что так никто и не произносит.

Тут можно припомнить любопытный случай. Как я уже упоминал, в конце 1960-х годов была задумана частичная перестройка нашего правописания. Предлагалось упростить многие правила, в том числе — подогнать на один манер правило с буквами **Ж, Ч, Ш, Щ** и **Ц**: писать после всех одинаково **И**.

Вы и представить себе не можете, какой шум поднялся в газетах и во всем обществе. Всё бы, пожалуй, люди приняли, со всем согласились бы, но вот сочетание **Ц** и **И** на концах слов так резало взгляд, что над новомодным манером писать *отци*, *молодци*, *глупци* и издевались, и сердились, и возмущались. Помню, один почтенный критик даже придумал такой «стишок»: «Эй, отцИ, отдавай концИ!» — и все время повторял его знакомым.

Едва ли не из-за этого *ци* реформа, упрощение правописания, и не прошла (хотя, конечно, были и другие, более основательные возражения). Так что теперь вам придется запомнить: буквы **Ш** и **Ж** питают отвращение к **Ы** — они никак не согласны, чтобы оно стояло сзади за ними. Они требуют обязательно нежного **И**.

ЧА — ЩА

Не думайте: это не слова *ча́ща*, которое значит «густой лес». Это сочетания согласных **Ч** и **Щ** с буквой **А**.

Оба согласных этих, когда мы их употребляем в устной речи, прекрасно уживаются со звуками **Я**, **Е**, **И** справа от себя: мы говорим совершенно ясно [чяща], [во щях], [чяще]. А вот пишем справа от **Щ** непременно **А**, как если бы **Ч** и **Щ** были несомненными ТВЕРДЫМИ СОГЛАСНЫМИ.

На самом же деле это МЯГКИЕ звуки. И можно сказать, что с их стороны непоследовательно именно перед гласным **А** фокусничать, как бы выдавая себя за твердые. Почему-то перед **Е**, перед **И**, перед **Ё** они ведут себя как мягкие, и, изображая их там, мы спокойно ставим буквы **Е** и **И**, а не **Е** и **Ы**...

Правда, как только речь заходит о звуке **Ю**, получается та же картина: нам приходится писать *Щукин рынок* или фамилию *Чуковский*, хотя слышим и выговариваем мы [щю] и [чю].

Мне пришлось бы углубиться в такую ЧА-ЩУ правил и рассуждений о звуках, что я пока не стану объяснять вам, как это произошло. Скажу только:

ЗАКОН русского произношения делает ЗВУКИ Ч и Щ мягкими согласными. ПРАВИЛО НАШЕГО правописания заставляет нас после них писать всегда А, а не Я, всегда У, а не Ю.

Но это — именно правило. Многие наши слова мы на протяжении столетий писали по-разному, то считая **Ч** и **Щ** мягкими, то твердыми согласными. Одно время, например, писалось *чорный*, *чорт*. Теперь, если заглянуть в словарь правописания, вы увидите, что слова эти пишутся *чёрный* и *чёрт*.

А нам что делать? А нам — исполнять установленное правило: будет куда хуже, если каждый начнет писать на свой вкус и лад.

Вот что еще надо отметить, говоря о БУКВЕ и ЗВУКЕ **Ч**. Мягкость этого согласного так ясна каждому русскому человеку, что там, где он встречается с согласными **К** и **Н**, нам трудно пересилить себя. Нам непременно хочется написать после **Ч** мягкий знак: *ручка*, *тачка*. НИКОГДА НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТОГО! Пишите только РУЧКА, ТАЧКА. Почему? На каком основании? Ну, скажем в шутку, чтобы не обижать чванливое **Ч**, лишний раз придавая ему ненавистную мягкость. Пишите: *точ-ный*, *проч-ный*. Пишите потому, что ТАК условились писать.

Вам может показаться странно: почему грамматические правила составляются как-то вроде бы как вздумается, так, что их можно заменить и противоположными?

А ведь то же происходит и со всеми ПРАВИЛАМИ.

В нашей стране и во многих странах при езде или ходьбе по улицам и дорогам придерживаются правила: «Право держи»; расходятся или разъезжаются, отворачивая вправо. А вот в Швеции (и в некоторых других странах) существовало правило: уступать дорогу, сворачивая влево.

Это — именно ПРАВИЛО, а не закон природы. Лет сорок назад Швеция переменяла древний обычай. Было приказано: ПРАВО ДЕРЖАТЬ! И что же? Некоторое время люди сбивались, путались... А потом привыкли и сейчас ездят и ходят «по-нашенски».

А попробовали бы правительства этих стран предписать жителям ходить и ездить СПИНАМИ ВПЕРЕД. Никто бы при всем желании не подчинился бы. Там речь шла о ПРАВИЛЕ, тут о ЗАКОНЕ ЖИЗНИ. Вот какая между ПРАВИЛОМ и ЗАКОНОМ разница.

УДАРЕНИЕ

Чтобы сразу понять, что такое УДАРЕНИЕ, возьмем какие-нибудь веселые стишки:

*Вот лягушка по дорожке
Скачет, вытянувши ножки...*

Попробуйте-ка прочитать эти две строчки, нарочно стараясь, чтобы громче и сильнее звучали звуки, изображенные буквами, которые я поставил ПРОПИСНЫМИ в следующей строке:

*Вот лЯгушка, по дОрожке
СкачЕт, вытянУвши ножкИ...*

Сразу же от стишка ничего не осталось. Так вообще никто не говорит. Нет слова лЯгушка, есть слово лягушка. Нет слова скачЕт, все говорят скáчет.

Значит, по-настоящему «Лягушку» надо читать так:

*Вот лягу́шка по доро́жке
Ска́чет, вы́тянувши но́жки...*

Так вы ее всегда и читали и распевали. А теперь заметьте: звуки, обозначенные буквами со знаком (/) над ними, вы при этом произносили громче и сильнее других. Вот это-то и называется УДАРЕНИЕМ.

Возьмите сравните слова:

за́мок — рыцарский дворец-крепость

и

замо́к — запор на двери.

Сравните слова:

мука́ — измельченное зерно

и

му́ка — страдание,

хлопо́к — легкий удар

и

хлопо́к — сельскохозяйственное растение,

и вы еще лучше поймете, что такое УДАРЕНИЕ.

Важно заметить вот что: в каждом русском слове бывает слог с ударением. И надо помнить, что он может быть в нем то л ь к о о д и н.

Теперь я расскажу про ударения то, что вам обязательно запоминать, но что, может быть, покажется неожиданным и интересным. В нашем языке ударение в разных словах может приходиться на самые разные слоги:

в слове *ту́-ча* — на первый слог с начала,

в слове *жу-ра́вль* — на второй с начала,

в слове *каб-лу-чо́к* — на третий с начала,

в слове *при-глу-по-ва́-тый* — на четвертый,

в слове *э-лек-тро-снаб-же́-ни-е* — на пятый слог.

Вы можете, подумав, составить такую же табличку, где ударения в словах будут стоять:

на последнем слоге — *бло-ха́*,

на предпоследнем — *бло́ш-ка*,

на третьем с конца — *о́-пе-ра*,

на четвертом с конца — *пе́-пель-ни-ца* и так далее.

Что, и во всех языках мира так?

Так вот: в мире есть множество языков, ГДЕ ВО ВСЕХ СЛОВАХ ударение ВСЕГДА стоит обязательно на определенном слоге слова.

Ну, скажем, во французском языке оно непременно падает на последний, конечный слог его:

beaucoup [бокú] — много

durabilité [дюрабилитэ́] — прочность

exceptionnellement [экссепсионэльмáн] — исключительно.

То же самое видим мы и у турок:

atá [атá] — отец

italyán [италиáн] — итальянец

kâgithelvasí [кяхытхелвасы́] — слоеный пирожок.

Есть языки, в которых ударение чаще всего приходится, наоборот, на первые слоги слова. Так, в немецком языке даже слова, составленные из двух слов, обыкновенно имеют ГЛАВНОЕ ударение на первом слоге. Для этого языка нам могут послужить хорошими примерами немецкие фамилии:

Schiller — Шíллер

Goethe — Гёте

Schumann — Ш^уман

Hoffmann — Го^фман

У поляков положение, на наш вкус, еще своеобразнее: у них ударение непременно ложится на второй слог с конца слова:

gigant [г^игант] — гигант

tytan [ты^тан] — титан

sosna [со^сна] — сосна

При этом следует заметить, что если эти слова будут изменяться, то у них получается более похоже на наши ударения: как и у нас, по-польски тоже будет:

nos gigánta [нос гига^нта] — нос гиганта

oko tytána [око тыта^на] — глаз титана

las sosnówy [ляс сосно^вы] — лес сосновый

Удивляться не приходится: все в порядке — ударение осталось везде НА ВТОРЫХ ОТ КОНЦА СЛОГАХ.

Давно идет спор: кому какому языку легче учиться: нам — французскому или польскому или им — нашему? На первый взгляд — у нас проще: ударение, что называется, свободное, незачем все время держать в памяти: «первый с конца», «первый с начала».

Однако иностранцы жалуются. У французов — запомнил сразу: ударение на конце, и уже никогда не ошибешься:

petit [пё^тИ] — маленький

ami [ам^и] — друг

vapeur [вапё^р] — пар

voler [волё^т] — летать.

А по-русски ма^ленький — ударение на первом слоге, а вот ма^люсенький — уже на втором. Ле^тать — на

втором, а, скажем, лё^тчик — на первом. Попробуй сохрани в памяти десятки тысяч слов, у каждого из которых ударение обязательно стоит на своем, никак не определимом заранее месте.

Мы привыкаем в огромном большинстве слов ставить ударение правильно с самого раннего детства. Никому не придет в голову назвать лисицу — ли^сица, а ворону — воро^на.

Однако надо сказать: в незнакомых словах, особенно в тех, которые к нам пришли из других языков, ошибки и у чисто говорящих по-русски людей встречаются.

Нередко приходится слышать, как вместо порт^фель говорят по^ртфель, и вместо процё^нт — про^цент. Надо прямо сказать, такое произношение сразу же выдает человека необразованного. Поэтому, прежде чем произносить слова, где вы не уверены в месте ударения, лучше сначала прислушаться, как его выговаривает заведомо образованный человек, а то и без всякого стыда подойти и спросить у такого человека: «Скажите, пожалуйста, как нужно говорить: так или вот так?» Ничего неловкого в этом нет. Гораздо хуже, не спрашивая, смешить людей неверным выговором.

ДВУЛИКИЕ ГЛАСНЫЕ

Когда-то, много лет назад, я вошел в одно здание, где помещалось большое учреждение. Я просто хотел позвонить по телефону-автомату. В зале у входа стояло много будок с такими телефонами. Но на них на всех были прикреплены листки бумаги с одной и той же очень ясной и заметной надписью:

тЙлЙфОн
нЙ
рАбОтАЙт!

Как вы сами можете сказать, в надписи в трех словах были четыре грубые орфографические ошибки. Почему писавший их сделал? Думаете, беспричинно? Нет, по очень определенной причине.

Посмотрите: я поставил значки (/) над теми буквами, на которые при чтении падает ударение, а знач-

ки (,) там, где ударения нет. И вот: все ошибки оказались в БЕЗУДАРНЫХ СЛОГАХ. В чем дело?

Есть в русском языке ЗАКОН: з в у к и **Е, И, Ы**а в слогах, на которые падает УДАРЕНИЕ, ПРОИЗНОСЯТСЯ ЧИСТО, ЯСНО: их не спутаешь ни с какими другими. Поэтому ПИСАТЬ их в этих слогах легко и просто:

дѐнь не напишешь ни *дйнь*, ни *дянь*,

яма не напишешь ни *ема*, ни *има*.

Но стоит взять такие слова, в которых ударение падает на другие слоги, и начинаются сомнения:

денѐк как писать? Слышится не то *денѐк*, не то *динѐк*,

пятѐк один расслышит *питок*, другой — *петок*, третий — *пяток*.

Какую же букву надо ставить на месте этого ДВУЛИКОГО (а то и ТРЕХЛИКОГО) ЗВУКА?

Вот теперь начинается ПРАВИЛО.

Чтобы узнать, какую гласную БУКВУ надо ставить в том слове, на котором НЕТ УДАРЕНИЯ, надо посмотреть, какой ЗВУК услышится в этом слогѐ, когда он попадет ПОД УДАРЕНИЕ.

Вот мы только что видели: *д-нѐк* — неясно, что писать после Д, зато *день* — совершенно ясно: **Е**. ЗНАЧИТ, и в слове *денѐк* тоже надо ставить **Е**.

П-ток — неясно, а *пЯть* — никаких сомнений нет: **Я**. ЗНАЧИТ, и в *пяток* надо в безударном слоге ставить **Я**... То, что вы только что узнали, относится не только к **Е, И, Я**. Такой же «двуличный» характер проявляют и гласные **А** и **О**.

...Одна девочка лет двенадцати смотрела фильм «Война и мир». Там есть сцена, где маленькая Наташа

Ростова хочет, чтобы во время бала все гости глядели на ее танцующего отца, которого по обычаю дворян того времени она звала на французский лад — *papá*. Наташа кричит на весь зал: «Смотрите на папá! Смотрите на папá!»

Сразу же затем веселая сцена бала исчезает с экрана, а на нем появляется грустная картина похорон одного вельможи. На похоронах присутствует множество священников в золотых одеяниях — попов. Так вот, та девочка, во-первых, не знала, что по-французски *pápa* звучит *papá*, а во-вторых, как всякий русский человек, звук **О** в слове без ударения и произносила и слышала как что-то похожее на **А**.

Она пришла домой в полном недоумении: «Наташа на балу кричит: «Смотрите на папá! — говорила она, — а появляется столько попов сразу, что не поймешь, на какого смотреть. Или я что-то пропустила?»

А все дело в ударении. Если бы Наташа закричала: *Смотрите на пАпа*, моя знакомая школьница никак не подумала бы, что ей нужно смотреть на *попа*. И если бы она услышала слово *поп*, ей бы и в голову не пришло, что его можно спутать со словом *пап*, даже если бы было сказано: *На бал пришло много мам и ПАП*. По-

тому что и в русских *папа* и *поп* «двуличный гласный» стоит под ударением.

Я сказал, что звуки эти произносятся тут ПО ЗАКОНУ языка. Это верно! Однако...

В нашей стране есть такие области, жители которых ВСЕГДА, под ударением и без ударения, произносят звук **О** как ясно слышимое **О**. Такие слова, как *кОрОва*, они так и произносят [корова], [борода], [добро], тогда как мы с вами говорим не очень ясно [ка°рова], [ба°ра°да]. Такое, как у них, произношение называется **ОКАЮЩИМ**.

В других местах люди выговаривают совсем ясно — везде, где **О** не попадает под ударение, — чистое протяжное **А**. У них получается [каровушка]. Это **АКАНИЕ**. Таких акающих русских людей окающие даже поддразнивали: «С Масквы, с П-а-с-а-ду, ск-а-л-а-шна-в-а ряду».

Дразнить, конечно, можно кого угодно и за что угодно, но ученые давно уже заметили, что оканье и аканье — не повод для насмешек.

*Великая Москва в язы́ке толь нежна,
Что «А» произносить за «О» велит она, —*

писал Михаил Ломоносов, первый наш языковед.

Он справедливо советовал и всем русским людям следовать примеру москвичей, то есть произносить **А** вместо **О**, там, где это **О** стоит в безударном слове. Само собой, получилось бы плохо, если бы люди окающие вздумали писать свое **О** всюду, в том числе и там, где акающие и слышат и пишут **А** в подударном

слоге. Но ведь и — наоборот: «окальщикам» было бы и неприятно, и нелегко читать такие слова, как [кАрова] или [бАрАда].

Вот чтобы избежать таких неприятностей, и создано правило о п р о в е р о ч н ы х с л о в а х. Мы с вами пока что тоже будем употреблять это название: п р о в е р о ч н ы е; в дальнейшем, возможно, мы заменим его другим, более точным.

Если неясно, какой звук стоит в безударном слоге, надо подобрать другое, близкое к этому слово или его само изменить так, чтобы ударение переместилось и попало бы на «подозрительное» место.

Как писать: БАБРА или БОБРА?

Вспомним слово *бобр*, и все станет ясно.

Как писать: ДАМÁ или ДОМÁ?

Вспомним, что есть слово *домик* или что на вопрос: «Где ты бываешь после школы?» — мы отвечаем: «Дóма!» — и нам станет ясно, как поступить.

ГЛУХИЕ И ЗВОНКИЕ БРАТЦЫ

Вслушайтесь, как кто-нибудь из ваших друзей читает вслух стихотворение Пушкина «У лукоморья».

Наверняка он начинает его так:

У лукоморья [дуп] зеленый.

Если вы плохо знаете грамоту, вы и запишете за ним эту строчку так:

Дуп зеленый.

Но в следующей строчке он прочтет:

Златая цепь на дубе том.

Вот и задача: почему мы произносим Б, говоря о *дубе*, но выговариваем П, рассказывая про [дуп]? А пишем при этом и там и там БУКВУ Б.

Среди наших русских согласных есть такие, которые как бы выстроены парами. Это Б и П; В и Ф; Д и Т;

Ж и Ш; З и С; можно для ясности построить их в виде столбика:

Б — П	Д — Т
В — Ф	Ж — Ш
Г — К	З — С

Прислушайтесь к ним, и вы сразу заметите: в каждой паре первый звук звучит ЗВОНКО, второй — ГЛУХО. Это как бы тот же звук, только глуховатый. Ну, как если бы они были родными братьями, но один обладал приглушенным голосом.

Когда эти звуки попадают на нас где-нибудь «вообще», посреди устной речи, мы с вами обычно легко и твердо замечаем и различаем их. Одно дело — *вот-то*, совсем другое — **фото**. Спутать невозможно; и если надо эти слова написать, даже первоклассник в сентябре напишет в одном случае **В**, в другом **Ф**.

То же самое можно сказать о таких парах слов, как *дом* и *том*, как *жесть* и *шесть*, как *год* и *кот*, — никто не спутает в них **Д** и **Т**, **Ж** и **Ш**, **Г** и **К**.

Но представьте себе, что вам продиктовали строчки из стихотворения С.Я. Маршака «Кот и лодыри»:

*Замаяукал жалобно
Серый кот:
— Мне, коту усатому,
Скоро год.
И красив я, лодыри,
И умен,
А письму и грамоте
Не учен!*

Вот к á к вы — представьте себе, что вы первоклассник, — напишете слово *год* в конце второй строчки? Ведь звучит-то оно очень ясно, как [гот]; если бы этого не было, поэт и не поставил бы его в рифму к *кот*!

Такие случаи попадают на каждом шагу. Я посидел с полчаса и выписал довольно много подобных пар из «Сказки о царе Салтане» Пушкина — вы сами можете найти их там:

*Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили...*

или:

*Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут.*

или:

*Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.*

Если перейти к другим сочинениям Пушкина, там таких «звонко-глухих» рифм обнаружится еще много больше:

*друг — внук
недосут — наук
не раз — васисдас
уголок — пирог
философ — Горчаков
слов — строф
феб — слеп*

Васисдас — так назывались форточки в окнах, через которые лет сто пятьдесят назад немцы-булочники продавали желающим свой товар. *Феб* — бог солнца у древних греков.

Поэты, сами того не замечая, прекрасно показывают нам, как произносились в их время те или другие звуки и какими буквами они изображали их, когда записывали свои стихи. Пушкин никогда не поставил бы в рифму *рощ* и *дочь*, хотя звуки **Ч** и **Щ** несколько напоминают друг друга. Он старался рифмовать слова лишь тогда, когда конечные звуки их **СОВЕРШЕННО ОДИНАКОВО ВЫГОВАРИВАЛИСЬ**. Поэтому мы можем твердо сказать, что и во дни Пушкина, как и во дни Маршака, **Г, З, Д, В, Ж, Б** произносились, как парные к ним глухие звуки **К, С, Т, Ф Ш, П** и т. п.

Почему так? Таков **ЗАКОН РУССКОГО ЯЗЫКА** — звонкий согласный, попав у нас на конец слова, начинает звучать, как парный к нему глухой.

А **ПРАВИЛО** письма при этом таково: эти звуки, **п р и т в о р и в ш и е с я ГЛУХИМИ**, изображаются все же буквами, которые означают **ПАРНЫЕ** к ним **ЗВОНКИЕ** звуки.

Читаем:

*Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь.*

а произносим: [чему-нибуть] и [как-нибуть].

Зачем так установлено? Как всегда — для удобства, вот возьмите еще раз смешные строчки С. Маршака:

*Замяукал жалобно
Серый кот
— Мне, коту усатому,
Скоро [гот].*

Но ведь если бы вы захотели узнать, сколько этому *коту* будет лет через два **ГОДА**, вы услышали бы на этом месте совершенно ясное **Д**. А в *два кота* — остались бы **Т**.

Так вот: наша грамматика и требует, чтобы мы писали те звуки, которые для нас сомнительны — глухие или звонкие, так, как они звучат не на **КОНЦАХ** слов, а в их серединах. Везде? Да нет, не везде.

Вот я вспомнил, как запертый в бочке царевич, желая выбраться из нее,

*Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.*

Видите: Пушкин опять «показывает **РИФМОЙ**», что в его время **Ж** и **Ш** звучали одинаково не **ТОЛЬКО НА КОНЦАХ СЛОВ**! А **ГДЕ ЖЕ ЕЩЕ?** Вспомните: в слове *жук*, в слове *жужжать* все **Ж** слышатся ясно: **Ж**. Это потому, что после них идет либо гласный звук *ж-у-к*, либо звонкий согласный *жу-жж-ать*. Как только справа от одного из наших «звонких братьев» оказывается «глухой брат», так и сам звонкий приглушается:

немнож-ко звучит как [немнош-ко].

Где же круж-ка, как [круш-ка] и... можете сами подбирать другие примеры. Значит, ПРАВИЛО в этом случае надо запомнить так:

КОГДА ЗВОНКИЕ СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ Б, В, Г, Д, Ж, З оказываются на концах слов, они ЗВУЧАТ, КАК ПАРНЫЕ К НИМ ГЛУХИЕ — П, Ф, К, Т, Ц, С. То же случается, если справа от них оказывается любой ГЛУХОЙ СОГЛАСНЫЙ. ПИШУТСЯ ЖЕ ОНИ ВО ВСЕХ ЭТИХ СЛУЧАЯХ, КАК ЗВОНКИЕ, то есть мы изображаем их БУКВАМИ, которые употребляем для обозначения этих самых ЗВОНКИХ звуков.

Интересно — это я говорю уже самым любознательным моим читателям, — что же, так дело обстоит и ВО ВСЕХ ЯЗЫКАХ МИРА? Ничего подобного! У множества народов вообще нет разницы между произношением звонких звуков в любых местах слов. Другие народы плохо различают даже свои собственные глухие и звонкие звуки и произносят их почти одинаково. К ним относятся хотя бы немцы.

Я думаю, самому немцу вы поверите в этом случае скорее, чем мне, и потому приведу тут пересказанный моими словами рассказик большого немецкого писателя Л. Бёрне о том, какое беспокойство причинило ему это произношение.

«Французы, — пишет Людвиг Бёрне в своих «Парижских письмах», — меня уверяли, что они узнают немца, сколько бы лет он ни прожил во Франции, потому, что он не умеет правильно произнести звуки Б и П. Как бы немец ни старался, если он говорит Б, француз слышит П. Самое грустное для немца, ЧТО ОН И САМ НЕВАЖНО ОТЛИЧАЕТ СВОЕ Б ОТ П.

Я однажды попал в связи с этим в совсем печальное положение. Моя фамилия начинается как раз на Б. И вот, когда во Франции я в первый раз пришел в сберегательную кассу, на которую были из дому присланы для меня деньги, заведующий пожелал узнать, как меня зовут. Я сказал «Бёрне», но получилось «Пёрне». Принесли огромную книгу, где были записаны все, чьи деньги хранятся в кассе. Фамилии там, конечно, расположены в азбучном порядке. Служащий стал искать, но меня не нашел. Счастье мое, я заметил, что он думал найти меня очень далеко от буквы А, и сказал ему: «Моя фамилия начинается не с «ПЕ», а с «БЕ»!» Но получилось-то у меня все равно: «не с «ПЕ», а с «ПЕ»! Заведующий, пожав плечами, сказал, что выплатить мне ничего не может. Сообразив, что дело может кончиться плохо, я протянул свою нечестивую руку к их свя-

щенной книге, открыл ее на букве **Б** и, ударив по листу кулаком, сказал: «Вот где мое место!» Заведующий и его помощник бросили на меня свирепые взгляды, но я оказался прав и обнаружился именно на той странице, на которую показал...»

Забавно? А это случается сплошь и рядом. Арабы, например, с трудом привыкают произносить наше глухое **П**: у них непременно получается звонкое **Б**: [Бубл́ичная библиотека]. Те же немцы с громадным усилием выучиваются выговаривать наше **Ж**: в немецком языке просто нет ни такого звука, ни соответствующей ему буквы. Даже прожив в России всю жизнь, многие из них, бывало, говорили: [нушно], [шелесная торока] и так далее.

Но, конечно, нам нет оснований чваниться и гордиться — вот какие мы особенные! Как мы хорошо можем в любом языке произносить любой тамошний ЗВУК! Это совсем неправда. Для примера приведу вам,

пожалуй, только один такой звук — это звук **ГАЙН**, встречающийся в турецком языке. Ни изобразить его в виде сочетания каких-нибудь русских букв, ни даже произнести его вслух перед вами, если бы мы встретились, я бы, пожалуй, не смог. Даже сами турецкие ученые, отлично описывающие все звуки своего языка, относительно «гайна» обычно учат так: «Этот звук представляет собою нечто среднее между тем звуком, которым голодный теленок просит молока у своей матери-коровы, и тем, который издает непривычный к морским путешествиям человек, когда его в хорошую волну сильно тошнит и он подбегает к борту, чтобы не запачкать палубу корабля».

Придравшись к случаю, скажу вам заодно: помимо трех десятков звуков, которыми пользуемся мы, русские, в языках других народов существует великое множество таких, произнести которые нам столь же трудно, как, скажем, сделать какое-нибудь тройное сальто, спрыгивая с «коня». Можно, если очень долго упражняться, но — чрезвычайно трудно!

Так, например, в языках народностей Южной Африки — готтентотов и кафров — встречаются так называемые «щелкающие» и «всасывающие» звуки. Они произносятся, в отличие от наших звуков, без всякого в ы д о х а воздуха, а просто соприкосновением и отнятием друг от друга губ, языка, зубов.

Передать их еще труднее, чем турецкий «гайн»; но можно сказать, что иногда мы сами пускаем в дело — обычно в виде восклицаний и разных причмокиваний — звуки, в какой-то степени напоминающие готтентотские.

Так, например, вы иногда — наверное, неправильно — будет здесь сказать «произносите», а вернее — «издаете» созвучие *ти-ти-ти!* или звук, подобный чмокающему поцелую*. Разница заключается в том, что для нас это — лишь отдельные звуки, которые не столько выражают какое-то значение, но, скорее, передают наши смутные ощущения или настроения. Человек устал и отдувается: *Ф-ф-ф*. Он сомневается и прищелкивает языком: *Ти-ти-ти!*

У готтентотов же звуки эти входят в состав их слов, а это, как вы понимаете, совсем другое дело...

Не следует, однако, думать, что только в далеких Африке, Австралии или в еще более удаленных от нас странах встречаются труднопроизносимые для русского человека звуки.

Мы иногда посмеиваемся над чьим-либо резко выраженным иностранным произношением русских слов. При этом у нас в душе возникает такое приглушенное чувство: «Какой смешной! Самых простых звуков и не может выговорить! Точно ребенок!»

При этом мы забываем или не хотим принять в расчет, что этот самый «точно ребенок» точно так же смеялся бы над нами, вздумай мы заговорить с ним на его языке.

У французов и у поляков есть, например, так называемые «носовые звуки». Чтобы вы поняли, что это такое, произнесите: **А, О, УЭ** и просто **Э**, но при этом плотно зажмите обе ноздри. Вот то, что у вас получится, французы на письме обозначают двумя буквами

каждый звук, как [ан], [эн], [он] и [уэн], но произносят-то они эти звуки, не хватаясь поминутно за нос, а так же просто, как мы с вами выговариваем свои **А, О, Э** и **У**. Только — «в нос».

И в польском языке имеются свои носовые звуки: [он] и [эн], или, если точнее сказать, несколько похожие на **О** и **Э**, произнесенные с зажатым носом. Нужно только оговориться, чтобы не было недоразумения: оба эти звука в польском письме обозначаются каждый одной буквой, однако с маленьким «хвостиком» или «лапкой» вниз. Но если звук [ен] изображается как **ѐ**, то [он] пишется, как это ни странно, не как **ą**, а как **õ**. Звука же [ан] у поляков нет.

* Скажем, приказывая лошади тронуться с места.

ВАЖНЫЕ СЛОВА

Посмотрите на странице 76, там у меня написано: «во дни Пушкина, как и во дни Маршака». На странице 78 есть такая фраза: «Французы, — пишет Людвиг Бёрне»...

То, что слово *французы* тут написано *Французы*, а не *французы* — понятно: чтобы было легче при чтении находить концы и начала предложения, уже очень давно люди условились: кончив фразу, ставить точку, а начиная новую, начинать ее с прописной, или большой, буквы. Но почему мы пишем *Пушкин, Бёрне, Людвиг?*

Историки русского языка хорошо знают, что было время, когда даже правила «начинать предложение с прописной буквы» еще не придумали. Читать написанные в те далекие времена рукописи, уверяю вас, очень нелегко. Правда, тем труднее читать написанное еще двумя-тремя сотнями лет раньше: тогда не только

не ставили точек и прописных букв, но даже не делали промежутков между двумя фразами.

Так или иначе — правила о точках и прописных буквах были придуманы ОЧЕНЬ РАЗУМНО, хотя они в совсем малой степени отражают ЗАКОНЫ ЯЗЫКА. Быстро говоря, мы обычно не делаем никаких задержек, не переводим дыхания между двумя предложениями, не оставляем между ними ни «промежутков», ни «точки». А уж насчет ПРОПИСНЫХ БУКВ, так тут и говорить не приходится: никакого подобия их в устной речи мы не встречаем. Да и как бы вы произвели такого рода ЗВУКИ? Какая получилась бы разница между **Ф** и **ф**? Между **А** и **а**?

...У писателя Сергея Семенова, уже давно скончавшегося, было в одном из его произведений действующее лицо, старый рабочий, которого звали Шипиусов.

Писатель сообщал читателям, что этот Шипиусов имел обыкновение говорить, странно выделяя произношением некоторые слова, как, по его соображению, о с о б о в а ж н ы е.

У меня нет сейчас под руками этой книги, и поэтому я не могу сделать вам из нее точную выписку; но примерно речи Шипиусова выглядели так: «Вот, встал сегодня я, знаете, П о р а н ь ш е, и пошел С п о з а р а н к у на свой завод. П е р е х о ж у У л и ц у, и вдруг в этот М и г встречаю своего Х о р о ш е г о Д р у г а».

Очень трудно, конечно, было понять, к а к н а с а м о м д е л е произносил Шипиусов первые звуки этих слов и тем более к а к с л е д о в а л о произносить их, читая С. Семенова, нам, читателям. В начале предло-

жений еще, может быть, и можно расслышать какое-то различие между первыми буквами и всеми предыдущими. Может быть, когда в классе учительница вызывает вас: «Ну, вот ты — иди к доске!» — она, пожалуй, может вложить в первый звук **Н** какое-нибудь «особенное выражение». Однако читая фамилию «Успенский» или «Григорьев», вы, конечно, прочтете ее совершенно одинаково, будут ли звуки **У** и **Г** изображены прописными или строчными буквами. Даже когда на какой-нибудь театральной афише вы читаете фамилию **ЮРИЙ НИКУЛИН** или **АРКАДИЙ РАЙКИН**, напечатанную буквами, каждая из которых не уместится на вашей ладони, в вашем произношении от их величины решительно ничего не изменится.

А в то же время мы всегда пишем и человеческие имена-отчества-фамилии и клички (а клички — тоже имена) наших домашних животных, а кроме того, названия (почему бы и их не считать именами?) городов, деревень, рек, озер, горных хребтов и вершин (а иногда даже самых маленьких холмиков, ручейков, прудиков) с **ПРОПИСНЫХ БУКВ**.

Что же, все эти слова чем-то отличаются от других, которые мы не достаиваем **БОЛЬШИХ БУКВ** в их начале?

Да, отличаются!

Вот вы спросили у сестры: «Кто там свистит на дворе?» А она отвечает вам не очень вежливо, но ясно: «Какой-то верзила!» или «Малышка какая-то!» В обоих случаях вы сразу же нарисуете перед собой картину: свистит долговязый субъект какой-нибудь, по меньшей мере десятиклассник, или, наоборот, свистит ка-

кой-то малыш... И тот и другой именно «какие-то», «какие-нибудь».

А теперь вообразите: вы задали тот же вопрос, а вам ответили: «Да это Виталька!» Тут может получиться двоякое положение: или вы знаете мальчишку по имени Виталька, или вы его не знаете. Тогда в первом случае вы ясно представите себе, каков он, а во втором — решительно ничего не представите. Кто это Виталька? Совсем «клоп» или студент первого курса? Белокурый или черный как жук? С нашего двора или из другого города? Ничего вы о нем **НЕ УЗНАЕТЕ**, кроме одного: зовут Виталькой. Потом, когда он вырастет, начнут звать Виталием Владимировичем или Антоновичем. И, наверное, у него есть еще фамилия. Можно поручиться в одном: если у него есть брат, этого брата **н е д о л ж н ы Т О Ж Е з в а т ь В И Т А Л ь К О й ***.

Слово *верзила* можно перевести на любой другой язык. Можно слово *верзила* заменить каким-нибудь другим русским словом, ну хотя бы *дылда*.

А вот уж слово *Виталик* никак не заменишь словом *Степочка* — это окажется совсем другой мальчик. И на французский язык его не переведешь: *Виталик* и во Франции останется *Виталик*. Только французы (как вы уже знаете) будут называть его *Витали́к*: они ведь все слова произносят с ударением **НА ПОСЛЕД- НЕМ СЛОГЕ**.

* До революции среди крестьян бывало и иначе. Я знал в свое время псковскую семью, где были три сестры — Машки: Машка большая, Машка средняя и Машка маленькая. Не скажу, чтобы это было удобно.

Вот потому-то такие слова, как ВИТАЛИК, ОЛЯ, МАРИНА, ТАНЕЧКА, МАШКА, не похожи на другие слова, вроде *третьеклассник*, *дошкольница*, *чернушка*, *куколка*. Эти слова — собственные имена. Они как бы принадлежат только этому мальчику, девочке, школьнику, взрослому человеку.

Вы можете сказать: «Год назад я был третьеклассник, а теперь стал четвероклассником». Но нельзя сказать: «Вчера я была Валя, а сегодня — уже Наташа». Нельзя сказать: «У меня два брата: один — Юрка, а другой — мальчишка».

Вот слова-имена пишутся всегда с ПРОПИСНЫХ БУКВ, безразлично, к кому бы они ни относились — к людям, домашним зверькам, улицам городов, большим лесам, морям и озерам.

Почему их стали писать именно так? Тут даже трудно объяснить, как это случилось. Скорее всего, произошло это потому, что нашим предкам казалось удивительным и таинственным, что каждый человек имеет СВОЕ ИМЯ. Имя представлялось им частью человеческой души, может быть, даже самой важной ее частью.

Существовал почти у всех народов обычай побратимства. Совершая разные секретные обряды, люди обменивались именами: Петр становился Григорием, а Григорий — Петром. После этого Петр считал Григория роднее родного брата: он должен был идти за своего побратима на любые лишения и даже на смерть.

Ну, а раз так, удивительно ли, что такая необыкновенная и драгоценная вещь, как ИМЯ, стала на письме выделяться — писаться с большой буквы.

Впрочем, это у нас такой честью пользуются только ИМЕНА — все равно, людей ли или гор, морей.

Помните «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло в переводе И.А. Бунина?

*Вдоль потоков, по равнинам,
Шли вожди от всех народов,
Шли Чоктосы и Койанчи,
Шли Шошоны и Омоги,
Шли Гуроны и Мэндэны,
Делавэры и Могоки,
Черноногие и Поны,
Оджибвеи и Дакоты...*

С прописных букв начинаются названия всех индейских племен.

В некоторых же других языках дело обстоит по-иному. Так, немцы, например, начинают с прописной буквы каждое существительное, любое слово, отвечающее на вопрос «кто? что?». С непривычки нам бывает странно читать немецкую книгу или газету — такое впечатление, что на каждой строчке упоминается несколько личных имен.

Хотя ведь и в нас, русских, тем, о чем я уже рассказал, дело не ограничивается. Прописная буква у нас иногда служит для выделения слов, называющих что-либо возвышенное, почетное, дорогое всем. Очень часто, говоря о нашей стране, мы пишем слово *Родина* с прописной буквы.

Так же пишем мы названия самых высоких должностей в нашей стране и наивысшие почетные звания. Надо писать: *Герой Социалистического Труда* (1939–1991 г. — *Прим. ред.*), *Маршал Советского Союза* (ныне *Маршал Российской Федерации*. — *Прим. ред.*)

С прописных букв принято начинать каждую новую строчку стихотворения. Вот на этом и следующем примерах, пожалуй, всего яснее видно, чем ПРАВИЛО отличается от ЗАКОНА ЯЗЫКА.

ВЕРНЕМСЯ НА СТРАНИЦУ 33

На 33-й странице я очень коротко написал о том, что из наших русских букв две никаких ЗВУКОВ не изображают: мы и зовем их «знаками» — твердым и мягким.

На страницах 34 и 44–45 я опять заговорил о мягком знаке: мы выяснили, что один из способов придавать «мягкое» звучание твердому согласному, выражая это на письме, как раз и заключается в том, что справа от согласного, который надо смягчить, мы ставим мягкий знак.

Надо сказать, у обоих этих знаков есть и другие названия: **Ъ** зовется «ер» и **Ь** — «ерь». Слова «мягкий знак» звучат понятно, а вот «ерь» — загадочно, как и «ер».

Это не удивительно: **Ъ** и **Ь** — очень древние буквы. И первоначально смягчать согласные вовсе не было главной задачей «еря». Некогда он был вообще не знаком, а самой настоящей полноценной буквой, письменным значком для определенного ЗВУКА.

Я уже рассказывал о смешном случае в учреждении, где давным-давно, еще в 20-х годах, не слишком грамотные уборщицы залепили кабинки телефонов-автоматов надписями:

Т и л и ф о н
н и
р а б о т а и т

Раскинув умом, мы с вами поняли, что грубые ошибки были допущены тут по причинам хоть и непростительным, но имеющим объяснение. Во всех местах буква **И** попала на место **Е** только там, где на нее не падало ударение.

Заметим: именно в таких случаях и впрямь становится не так-то легко различить на слух, какой гласный звук тут произносится: не то **Е**, не то **И**?!

Пожалуй, я открыл вам, как говорится, «секрет Полишинеля», всем давно известный. Вы же сами знаете, что, скажем, в слове *лепить* не сразу расслышишь, какой гласный стоит в первом слоге.

Я однажды слышал такой разговор между неким дедушкой и его сластеной внуком. Дедушка лежал на тахте в своей комнате, а трехлетка-внук играл на ковре в соседней.

— Деда, ты что делаешь? — спросил этот «внук как все внуки».

— Лежу! — в полудреме ответил «как многие деды дед».

— А что л**И**жешь? — сейчас же появился внук в двери: а вдруг дед л**И**жет шоколадку?

Это таинственное явление ученые давно описали: это р е д у к ц и я г л а с н ы х з в у к о в, а сами такие звуки называли р е д у ц и р о в а н н ы м и, то есть «ослабленными». Собственно, когда мы быстро говорим, почти все неударные гласные звуки становятся редуцированными (или, как еще говорят, «звуками неполного образования»). Но я выбрал для примера именно пару звуков **Е** и **И** вот по какой причине.

То, что я сейчас расскажу, необязательно запоминать: по-настоящему все это вам будут объяснять только в вузе. Но в каждом возрасте есть ребята-хитроумцы: им все интересно; не беда, если я сообщу им это лет на пять или семь раньше. В древности в славянских языках (а русский — тоже славянский) было несколько звуков, потом исчезнувших или сильно изменившихся.

Мудрецы, которые создали славянскую азбуку, конечно, не стали бы выдумывать лишние буквы, которые не изображали бы НИКАКИХ ЗВУКОВ. Они создали их как раз столько, чтобы можно было написать

ими любое слово, состоящее из звуков славянского языка. Но наряду со звуками, произносимыми всегда более или менее отчетливо, нашлись в их языке и такие, которые, когда на них не падало ударение, слышались совсем невнятно, а иногда и вовсе как бы исчезали. Вот слово *мышь*. Древние славяне писали «ерь» на его конце не потому, что хотели «смягчить» стоящее перед ним **Ш**, и не с намерением указать на женский род этого слова.

Просто оно произносилось у них как-то вроде [мыш^и] или [мыш^е] — трудно сказать, как именно. После шипящего шел редуцированный звук, что-то среднее между **Е** и **И**. Его-то они и изображали «ерем».

Где этому доказательства?

В древних рукописях. В них слово *день* писалось как *дѣнь*. **Е** в нем значило явно наше **Е**: ведь в слове *песо* (в старославянском не было слова *песо*) оно произносилось тоже так — **Е**. По-видимому, «ери» в слове *дѣнь* тоже звучали, как **Е**, но одно, подударное, как настоящее **Е**, а второе, на конце слова, как редуцированное. И с ним случилось то, что обычно происходит со «звуками неполного образования», когда на них не падает ударение: оно просто исчезает.

Любопытно, что родительный падеж от этого слова перемещает ударение на его окончание. И тотчас же редуцируется и **Е** в корне: мы говорим *дня* (а может быть, и как-то вроде [д^иня]).

То же самое произошло и со словом *пѣсо*. И в нем звуки **Б** и **О** когда-то почти не выговаривались. Наш *пес* звучал тогда примерно как [п^ес^о]; наш *день* слы-

шался бы вам как нечто среднее между [д^ен^е] и [д^ин^и]. Повторяю: по-настоящему вы разберетесь с этой сложной историей только в вузе, да и то лишь в филологическом. Я же тут дал вам только первый намек на его решение.

Так как странные древние «полузвуки» эти (редуцированные звуки авось не обидятся, если мы назовем их пока так непочтительно) всюду, где на них не падало ударение, и особенно на конце слов ослабевали вплоть до полного исчезновения... Но тут судьбы «ера» и «еря», до сих пор почти совпадающие, разошлись. Твердый знак наш потерял не только тень какого-либо значения, но и почти полностью утратил смысл существования. Ну, скажем, в слове *домъ* что мог выражать он, болтаясь на конце слова, после согласного, который и без него произносится т в е р д о? Никто никогда и не попытался бы выговаривать *дом* с мягким **М**, если бы после **М** не стояло «ера».

Очень долго, до самого 1918 года, правописание наше сохраняло все-таки его на всех концах слов, завершающихся твердыми согласными. Это было так же умно, как если бы на месте хвоста у ежика прикреплять табличку *конец* или на последнем вагоне поезда писать: *последний*. Но по привычке старый «ер» держался. В одной книге я уже подсчитал, какую уйму денег и бумаги приходилось тратить на него до самой революции. В любом большом романе твердыми знаками бывало занято столько места, что если бы напечатать их все подряд, получилось бы много томов,

взамен которых можно было бы напечатать сотни нужных книг.

А вот «ерик» продолжал приносить пользу. Он стал удобным знаком письма там, где надо было показать, что слово оканчивает МЯГКИЙ СОГЛАСНЫЙ (*рябь* — одно, а *ряб* — другое; *новь* отвечает на вопрос «что?», а *нов* на вопрос «каков?»; *сел* — значит: опустил-ся на сиденье, а *сель* — грязевая лавина в горах... Как же не разница?).

НА КАКОЙ ВОПРОС ОТВЕЧАЕТ ЭТО СЛОВО?

Каждый раз, как мне приходится обратить внимание на то или другое слово — то есть не просто выговорить или услышать его, а и «прислушаться» к нему, — я удивляюсь, как хитро устроены наши даже самые простые слова.

Вот, возьмите, я напишу здесь три колонки слов:

стол	столоваться	столовый
дерево	одеревенеть	деревянный
ворона	проворонить	вороной
Павлик	Павлик	Павлик

А теперь спрошу вас: все ли благополучно в этих трех столбиках? Все ли, по вашему мнению, в них В ПОРЯДКЕ?

Поразмыслив немного, каждый из вас наверняка ответит: нет, не все! А подумает еще немного и уточ-

нит: в двух последних столбиках слово **Павлик** ни к селу ни к городу. А почему вы так думаете?

Это не совсем простой вопрос. Ведь каждое из моих десяти слов имеет СВОЕ, отличное от всех других ЗНАЧЕНИЕ.

Вы могли бы и сами кое-как объяснить мне, что́ они значат:

СТОЛ — доска на одной или нескольких ножках, приспособленная для того, чтобы на нее ставить и держать на ней нужные для еды или работы предметы;

ДЕРЕВО — растение, способное вырастить много выше других растений, причем ствол его становится твердым и ветвистым;

ВОРОНА — крупная серая птица с черными крыльями и головой.

Точно так же, пораздумав побольше, вы смогли бы объяснить и слова из второй и третьей колонки:

проворонить — то же, что прозевать;

вороной — иссиня-черный, по цвету похожий на крыло птицы вóрона, и так далее.

Теперь пора задать вам вопрос: почему же вы считаете, что слово *Павлик* является подходящим в первом столбце, но никак не идет ко второй и третьей колонке?

По своему значению? Да нет: ведь и у *дерева*, и у *вороны*, и *стола* значения тоже совсем различные, но этого мало. Павлик, правда, тоже мог бы либо «посадить дерево», либо же «влезть на дерево». Но точно так же Павлик может и «одеревенеть» и «проворонить» что-нибудь.

Так почему же вы ясно понимаете, что в первом столбце это слово *Павлик* на месте, а в двух остальных его нужно как можно скорее вычеркнуть и заменить другим?

Я же сказал вам, что это совсем не простой вопрос, и придется мне подсказать вам, как он решается.

В левом столбике я собрал такие слова, к которым может относиться вопрос «КТО ЭТО?» или «ЧТО ЭТО?».

«Чт о это такое покрыто в углу какой-то тряпкой?» — «Да наш сломанный СТОЛ».

«Чт о чернеет там, за домом?» — «Засохшее ДЕРЕВО, старый дуб».

«Кт о летит?» — «ВОРОНА!»

«Кт о пришел к нам?» — «ПАВЛИК!»

Ни к одному из слов второго и третьего столбца эти вопросы никак не подходят. В самом деле, нельзя же спросить: «Что это?» — и услышать ответ: «Это — ОДЕРЕВЕНЕТЬ» или «А, это — ПРОВОРОНИТЬ». Точно так же, если вам захочется узнать, *воронóй* этот конь или буланый, вам не придет в голову спрашивать про него: «ЧТО ЭТО?» или «КТО ЭТО?» Вы наверняка зададите вопрос иначе: «Это конь? А КАКОЙ он?» — и вам ответят: «Вороной».

Ну, хорошо: вопросы вопросами, но интересно же другое: что обозначают те слова, к которым подходит вопрос «КТО? ЧТО?», и чем они отличаются от других, отвечающих на вопрос «КАКОЙ?». Ведь именно от этого-то и зависит, что *Павлика* мы поставили в один ряд с *воронóй*, *деревом* и *столом*, а в двух других столбиках он показался нам НЕ НА МЕСТЕ.

Что такое *стол*? Конечно, стол — это вещь, предмет. Он имеет высоту, ширину и длину. Его можно *п о т р о г а т ь*, ощупать. Про предметы мы и спрашиваем: «Что?»

«ЧТО ты принес?» — «ЯБЛОКИ!»

«КТО мчится, КТО скачет под хладною мглой?» — «ЕЗДОК запоздалый! С ним СЫН молодой!»

Да, но ведь *сын*, и *ездок*, и *кошечка* — они-то не ВЕЩИ, а живые существа. Верно, про них мы поэтому и спрашиваем: «КТО?» — но считаем их все же как бы «предметами»: мы ведь даже называем «предметами» не только то, что имеет вес, размеры, форму. Мы говорим: «Какие ПРЕДМЕТЫ вы проходите?» — и можем получить ответ: «Математику, русский язык, природоведение...» Случается слышать выражение вроде: «Охрана природы — ПРЕДМЕТ, заслуживающий большого внимания».

Приходится сказать, что как раз самым постоянным признаком тех слов, которые стоят в левом столбце, и является то, что они как бы отвечают на вопросы «кто?» или «что?». Может быть, можно было бы описать их как-нибудь и по-другому, но описание получилось бы такое длинное и сложное, что принято считать достаточным то, что мы сказали.

В школе обыкновенно, говоря о словах, подобных тем, что стоят в первом столбике, и останавливаются на этом: «Слова, отвечающие на вопросы «кто?» и «что?»».

Мы, пожалуй, попробуем все же немного поломать голову, чтобы выяснить получше: чем же такие слова отличаются от других, стоящих в соседних колонках?

Это совсем не легко сделать. Ученые, после долгих споров, условились считать, что главное значение, которое выражают такие слова, это именно значение предмета. Когда мы говорим *предмет*, мы имеем в виду «что-то», «нечто». На первый взгляд кажется, что «что-то» непременно должно быть либо живым, либо неживым, или существом, или вещью. Но оказывается, что мы совершенно так же понимаем, как «нечто», и различные явления природы, и наши собственные мысли и чувства. Вопрос «что?» может быть задан и о *буре*, и о *погоде*, и о *мысли*, и о *доброте* или *зlobe*. Все это можно тоже считать *предметами*, *вещами*. Да наш язык и без нашего согласия нередко называет все это так. А.С. Пушкин — а уж ему ли наш язык не покорялся, как хозяину? — преспокойно писал другу: «...добился ты наконец... точности языка — единственной ВЕЩИ, которой тебе не хватало». Видите? «Вещью» стало такое сложное явление, как не то что сам «язык», но даже и его «точность». Под словом *предмет* нередко тоже подразумевается не «кубик», не «мячик от пинг-понга», то есть не все, что мы обыкновенно называем «вещью», а просто тот или другой «факт». Тот же Пушкин рассказывает, как его герой, арап Петра Великого, беседовал с царем: «Государь с ним разговаривал о разных ПРЕДМЕТАХ, расспрашивал его о Испанской войне, о внутренних делах Франции...» Видите: тут под словом *предмет* разумеется и *война*, и *дела* — словом, как раз все то, что мы и называем «что-нибудь», «нечто».

Слова, отвечающие на вопросы «кто?» и «что?», очень важные слова и нашего и любого другого языка.

Как только вы захотите про что-нибудь рассказать, вам сейчас же подвернется на язык именно такое слово — с него обычно весь разговор и начинается, потому что все, что случается в мире, происходит либо «с кем-нибудь», либо «с чем-нибудь».

Помните, как начинается «Конек-горбунок»?

За ГОРАМИ, за ЛЕСАМИ,
За широкими МОРЯМИ,
Не на НЕБЕ — на ЗЕМЛЕ
Жил СТАРИК в одном СЕЛЕ.

Я подчеркнул в этих стихах слова, отвечающие на вопрос «кто?» и «что?». Как видите, всего в четырех строчках — семнадцать слов. А из них шесть отвечают на вопрос «что?» и на вопрос «кто?» — одно слово. Помоему, довольно ясно, что если из семнадцати слов, отвечающих на р а з н ы е в о п р о с ы, оказывается семь отвечающих на вопрос «кто?» или «что?», то значение подобных слов очень велико.

Да и чему тут особенно удивляться? Ведь мы живем в бесконечно огромном мире, даже самая малая часть которого состоит из множества еще более мелких частей. Ты просыпаешься, и твой глаз сразу же видит комнату, в которой ты провел ночь, а в ней — пол и потолок, стены и двери, окна и занавески на них. Под тобой — кровать, на ней простынки, одеяло, подушка. Под нижней простынкой тюфяк, еще ниже пружинный матрас. Вон стоит шкаф; в нем — два отделения, каждое закрыто дверцей. Если вставить ключи в их замочные скважины и открыть шкаф — там ты увидишь

десятки, если не сотни, разных предметов: рубашек и штанишек, наволочек и полотенец, маминых платьев и папиных костюмов... Легко понять, что полный перечень только тех вещей, только тех «что-слов», которые находятся у тебя в комнате, занял бы не одну тетрадку. Подумай, что у кровати есть еще ножки и спинки, а, возможно, на ножках небольшие колесики, чтобы катать ее взад-вперед при надобности. А дверцы шкафа держатся на петлях, а петли прикреплены к шкафу и к дверцам винтиками, причем у каждого винтика есть шляпка или головка с пересекающей ее прорезью (ее мастера зовут еще шлиц), а также длинный стержень с той самой винтовой нарезкой, которая и держит винт в дереве. Кстати сказать, тот же винт можно называть еще и шурупом: оба слова обозначают приблизительно одно и то же.

А что будет, если, одевшись, ты выбежишь на кухню, где есть и плита, и холодильник, и полки, уставленные всякой посудой, для доброй половины которой ты, может быть, и названий не знаешь (их знают мама и сестра), а рядом раковина с краном, с водосливным отверстием, с водопроводными трубами под ней и над ней...

Вот когда ты представишь себе по-настоящему это все да поймешь, что ведь ты еще не успел как следует осмотреть две комнаты, а есть еще и ванная, и вся ваша трехкомнатная квартира, а за ее окнами шумный и широкий проспект, по которому катятся машины, автобусы, троллейбусы, спешат люди, прохаживаются милиционеры, за баранками машин сидят водители, и если ты попросишь одного из них открыть капот

своей машины да показать тебе, из каких сотен, если не тысяч, деталей (а каждая деталь называется словом, отвечающим на вопрос «что?», как каждый «водитель» есть еще один «кто?») состоит мотор, — так тебя охватит страх и ужас, и ты решишь, что перечислить все *предметы*, как и написать все слова, отвечающие на вопрос «что?», просто невозможно.

Ты ошибешься, мой друг! Существуют такие книги — СЛОВАРИ, в одних из которых записаны названия всех предметов и явлений мира, а значит, там стоят и все слова, отвечающие на вопрос «что?» да и на вопрос «кто?» то же самое. Есть и другие словари, в которых не только записаны все слова, отвечающие на два эти вопроса, но рассказано про каждый предмет, который они называют, все, что о нем известно людям.

Но из того, что другие люди, люди ученые, все это сделали, не следует, что и тебе надо тотчас же хватать тетрадку и начинать записывать названия всех вещей и живых существ и вообще всех явлений мира.

Пока что будет вполне достаточно, если ты почувствуешь уважение к замечательным СЛОВАМ, ОТВЕЧАЮЩИМ НА ВОПРОСЫ «КТО?» И «ЧТО?», и научишься как следует отличать их от тех не менее важных и нужных слов, которые отвечают на совсем другие вопросы.

ЗНАЧИТ, ОБЯЗАТЕЛЬНО — ВОПРОС?

Что ж, выходит, что какое ни взять слово, обязательно должен быть подходящий для него вопрос, а если такого вопроса не придумать, так это и не слово? Неверно!

Вернемся к «Коньку-горбунку»:

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе...*

Вот слово *за*. Можно ли к нему подобрать какой-нибудь хоть мало-мальски подходящий вопрос? Пожалуй что — нет! Если вы скажете мне, что подойдет вопрос «где?», я сразу придумаю вам сочетание слов: *Я зашел ЗА шкаф*, и теперь уж к *за* скорее подойдет

вопрос «куда?». Но в следующий миг я скажу вам фразу: *Он выдает себя ЗА пай-мальчика*, и вы сами увидите, что тут к э т о м у за ни один из только что заданных вами вопросов да и вообще никакой другой вопрос не подойдет.

Могут сказать: «А вопрос “за кого?”» Однако и дошкольник сообразит, что дело неладно: ведь слово *где* не может быть вопросом к слову *где* и слово *что* никогда не является ответом на вопрос «что?»! Точно так же и сочетание слов *за что?* нельзя выдавать за вопрос к слову *за*. Оно, скорее, может быть вопросом к словосочетанию *за шкаф*. Но ведь *за шкаф* не слово.

Ясно: слова *В, ИЗ, К, НА, ОТ, ПО, С, У* — особые слова. Недаром ученые называют их словами СЛУЖЕБНЫМИ. Этим указывается на то, что мы их никогда не встречаем в речи «отдельно от других слов». Мы можем — хоть и нечасто — воскликнуть: *Буря!* — или промычать: *Холодновато!* И тот, кто услышит нас, поймет, что мы хотели сказать. А вот чтоб кто-нибудь вдруг произнес: *К!* или *По!* — если и может произойти, то лишь в искусственных обстоятельствах, когда я, скажем, задаю вам вопрос: *В или На?* — имея в виду узнать, где вы хотите, чтобы я нашел вещь — *В столе или НА нем**.

В школьных учебниках про эти слова говорится, что они ПИШУТСЯ ОТДЕЛЬНО ОТ ДРУГИХ СЛОВ. Это совершенно справедливо, но почему на этом есть смысл настаивать? Ведь и все вообще слова уже много

* «С ним или на нем?» — спрашивали когда-то спартанки, услышав, что их сыновья вернулись из боя. Это значило: «Со щитом или на щите?» — то есть живым или мертвым?

столетий ПИШУТСЯ ОТДЕЛЬНО ДРУГ ОТ ДРУГА.

Попробую объяснить — почему, хотя то, что я скажу, может показаться вам не совсем ясным. Ничего, не огорчайтесь, а просто отложите эту страничку до будущего времени. Через два-три года вы наверняка легко разберетесь в ней.

Про интересующие нас слова сказано так вот по какой причине. У вас иной раз может создаться впечатление, что они как раз, наоборот, пишутся слитно с другими словами. Ведь сравните такие примеры:

Я подумаю	и	Я думаю по-другому
Он заслонился	и	За слоном стоял его сторож
Отряд внедрил ся	и	В недрах земли есть
в глубь леса		сокровища

Подумайте над ними! Ведь можно сказать: *Отойди прочь!*, а можно выразиться и так: *Уйди прочь от меня!*

Что же получается? Что это — те же самые *В, ИЗ, К, НА, ПО, ОТ, С, У* вдруг присоединяются к следующим за ними словам, а в других случаях отдаляются от них и живут в речи сами по себе? Например: *Я **влез** в лаз*. Что, оба подчеркнутых **В** одно и то же **В**?

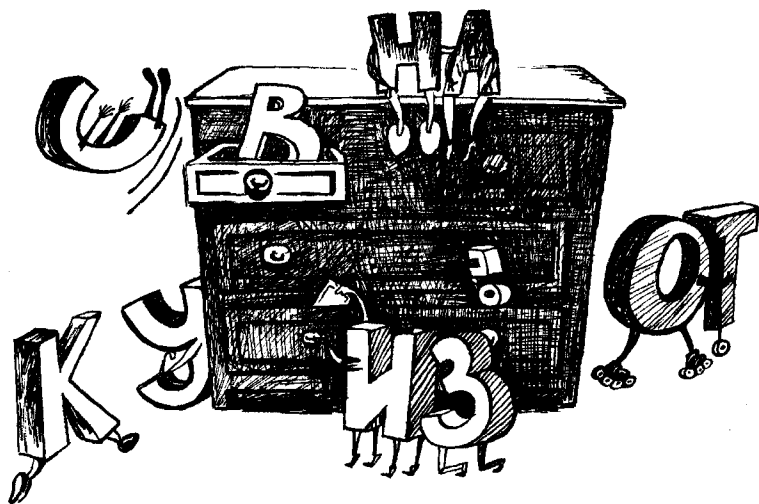

Нет, это два совершенно разных **В**. И словом называется только в т о р о е **В**, то, которое написано отдельно от существительного. П е р в о е **В**, слитое с лез (**Я влез**), не слово, а только часть слова *влез*.

Разбирая с вами четыре первых строки «Конька-горбунка», я, как вы могли заметить, не делал в них различия между служебными и любыми другими словами; найдите это место: я насчитал в этих строчках 17 слов, но целые 6 из них были как раз служебными словами: три *за*, два *на* и одно *в*.

Конечно, помимо своего сходства с частями других неслужебных слов, все перечисленные мною коротенькие словечки имеют и существенное различие с ними: у каждого из них есть свой, совершенно самостоятельный, смысл, значение, нередко даже не одно.

Правда, выразить эти значения при помощи других слов бывает обычно нелегко. *В* означает, что нечто находится внутри чего-либо (или направляется внутрь

какого-нибудь предмета). Пожалуй, проще передать, если не все, то хоть некоторые из их значений при помощи рисунка. Попробуем сделать это.

В НА ЗА ИЗ К ОТ ПОД

Ну вот, видите, хоть и не так внятно, как при объяснении «обыкновенных» неслужебных слов, но все-таки удалось в какой-то степени передать значение каждого из этих коротеньких словечек.

Значит, то, есть ли значение или его нет, не отличает такие слова от тех, которые мы в первую очередь считаем настоящими значимыми словами: *кот, танк, мир, рожа...*

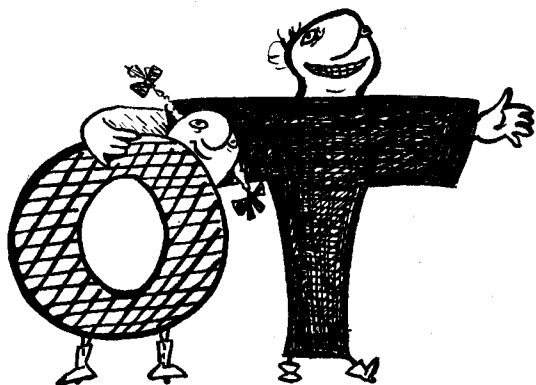
Зато вот вам одно, и довольно важное, отличие: у этих слов **НЕ БЫВАЕТ** ударений, хотя в нашем русском языке каждое слово обязательно имеет ударение.

Но, во-первых, вы, наверное, запомнили, что ударение может падать **ТОЛЬКО НА ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ**. Во многих же словах, которые мы сейчас изучаем, гласных-то и нет: *В, С, К...* В других, правда, гласные тут как тут: *ОТ, НА, У, ИЗ...* Однако подумайте: ведь ударением мы называем более с и л ь н о е, более громкое, более д л и т е л ь н о е произношение о д н о г о и з с л о г о в. Между тем в большинстве случаев служебные слова состоят из одного слога.

Чтобы почувствовать ударение, надо сравнить один слог с другим. Как правило, служебные слова ударений не несут.

Тем более что часто такие слова состоят из одного звука (*У*), да еще и из согласного (*К, С, В...*).

Скажу вам по секрету: отношение между служебными словами и похожими на них частями «значимых», «полноправных» слов не так просто, как я вам тут его обрисовал. Но пока что я не буду подробнее рассказывать вам об этом. Мы коснемся этого вопроса попозже, когда наберемся побольше языковедческой премудрости.

СЛОВА-ОЦЕНКИ

А ну, еще раз перечитаем своего «Конька-горбунка»:

За горами, за лесами,
За **ШИРОКИМИ** морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
СТАРШИЙ УМНЫЙ был детина,
СРЕДНИЙ сын и так и сяк,
МЛАДШИЙ вовсе был дурак.

Как видите, я опять выделил крупным шрифтом четыре слова в этих двух четверостишиях. Я выделил их потому, что они отвечают уже не на вопрос «кто?» или «что?», а на...

Думается, мне незачем подсказывать вам, на какой вопрос отвечает слово *широкий*. С самых ранних дней

нашей жизни мы, увидев любой предмет, любое ЧТО-ТО, привыкаем прежде всего спрашивать у себя и у других: «Что это?», а минуту спустя: «Каково или какое оно?»

Если вы видите небо, оно бывает либо *синим* или *голубым*, иногда *серым*, *затученным*, по ночам *звездным* или *непроглядно-черным*... Не существует на свете решительно ничего, что мы могли бы узнать, увидеть, почуять, услышать, о чем мы могли бы составить себе какое-нибудь представление (даже просто ЗАМЕТИТЬ, ЧТО ОНО — ЕСТЬ), пока мы не ответим себе на вопрос «какое оно?».

Ну попробуйте подобрать какую угодно вещь, любое явление природы, если хотите — даже собственную свою МЫСЛЬ и подумать о ней, не представляя себе, к а к а я она!

Это совершенно немыслимо. Все, что мы знаем о каждом ПРЕДМЕТЕ, есть то, что мы знаем о разных ПРИЗНАКАХ этого предмета. Чтобы увидеть кошку, мы должны увидеть, что она — серая с белыми лапками, ч е т в е р о н о г а я, у с а т а я. Мы должны услышать, как б е с ш у м н а ее походка, ощутить ее мягкую шерстку, г и б к у ю упругость ее спинки, заметить ее зрочки, способные становиться то у з к и м и, то п о ш и р е...

Попробуйте вообразить себе, что кто-то говорит вам: «Пойдем, я тебе покажу одну ВЕЩЬ!» Вы спрашиваете: «А какая она?» — а он отвечает: «Не большая, не маленькая». Вы спрашиваете: «Теплая или холодная?» — а он ворчит: «Никакая она не теплая. И не холодная...» — «Живая или мертвая?» А он и на это не может дать вам ответа.

Что вы подумаете? Я полагаю, что он не нашел никакой вещи, что у него НЕТ НИЧЕГО. Почему? Потому что вещей, предметов «без признаков» не бывает. Ведь даже про электричество совсем недавно говорили, что оно может быть *положительным* и *отрицательным*. И в Большой Советской энциклопедии упоминается об *атмосферном* («каком?») электричестве. Мы говорим об «электричестве *статическом*», об «электричестве *гальваническом*». Правда, эти ответы на вопрос «какое?» в разное время и изменялись и вовсе отменялись! Но все-таки, пока существовало название «электричество», всегда можно было спросить: «Какое оно?» — и получить на свой вопрос какой-то ответ. Правильным или неправильным он был — это нас не касается: есть ведь люди, болеющие дальтонизмом. Если вы покажете дальтонику на красный огонь светофора, он скажет: «Зеленый!» — и наоборот. Но нет таких людей, которые, наткнувшись на что-нибудь, не могли бы ответить на вопрос «какое оно?». Даже будучи слепыми, они на ощупь узнают его свойства.

Для того чтобы судить о признаках любого ПРЕДМЕТА, и служат особые слова, отвечающие на вопрос «какой? какая? какое?». Если подумать хорошенько, которые из уже разобранных и сейчас разбираемых нами слов являются более, которые менее главными в нашем языке, довольно скоро придешь к выводу, что нельзя между ними установить такой разницы в чинах, как в армии: это — солдат, а то — генерал. Все слова нужны, каждое может когда-нибудь оказаться незаменимым. Нет слов-рядовых и слов-маршалов!

Но в то же время некоторые различия наблюдать можно.

Можно попытаться составить целый небольшой рассказик или написать стихотворение, в котором не участвовали бы никакие слова, кроме тех, которые ОТВЕЧАЮТ НА ВОПРОС «КТО?» И «ЧТО?» Да, впрочем, зачем составлять?

Есть у А. Пушкина в его гениальном романе в стихах «Евгений Онегин» описание приезда Тани Лариной из далекой деревни в Москву. Вот как Пушкин рисует, что увидела в громадном городе Татьяна:

*Возок несется чрез ухабы,
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.*

Вот возьмите карандаш и посчитайте. Начиная со слова *возок* и до конца отрывка вы насчитаете всего 35 слов. Заметьте, что среди них нет ни одного, которое отвечало бы на вопрос «какой? какая? какое?» или «какие?». Среди них только два служебных слова известного нам вида, а точнее, дважды повторяющееся одно — *на*. Есть еще словечко *и*, но мы пока с такими еще не встречались. Однако даже если мы и его примем

в расчет, все равно получится, что на 32 «кто-что»-слова попало всего лишь 3 слова, подобных известным нам служебным.

Все это могло бы оказаться простой случайностью. Но попробуйте-ка нарисовать хоть маленькую картинку какого-нибудь уголка нашей страны, прибегая не ко «кто-что»-словам, а к «какой-какая»-словам. Думаю, что у вас решительно ничего не получится: «Я вижу — синий, красный, хорошее, незаменимые, добрым, тепловатенькими, на резвых, кислому, сияющих»...

Не знаю, как у вас, у меня не получилось как раз того, что удалось Пушкину в его «водопаде слов», отвечающих на вопросы «кто?» и «что?»; не получилось никакой «картины», ничего похожего на описание части мира. Может быть, это потому, что я не Пушкин? Но — нет! Я мог бы привести вам еще несколько похожих на пушкинские описаний, составленных из одних или почти из одних «кто-что»-слов, но мне не случилось ни разу наткнуться ни у одного талантливого писателя или поэта на стихотворение или на самую малую главку в рассказе, которая состояла бы из одних только «какой-какая»-слов. Пусть даже с несколькими служебными словами между ними.

Мы с вами сейчас изучали так и этак уже три разных разряда слов, и может быть, некоторым из вас могло показаться, что между ними идет война, существует какая-то «неприязнь», или, на худой конец, «соперничество». Ну так ничего подобного!

Как раз наоборот: все эти разряды или отряды слов, можно сказать, живут в тесной дружбе, все ока-

зывают друг другу в нашей живой речи большую помощь. Можно даже выразиться и определенней: друг без друга им было бы трудно существовать!

Вот я беру стихотворение, которое очень давно, еще в 1940 году, написал один маленький мальчик, оно было напечатано в тогдашнем детском журнале «Чиж», и мальчик тот теперь, наверно, уже давно папа, если не дедушка.

Начиналось оно так:

*Нарисую синий-синий
Ледовитый океан,
Ледокол ведет по льдинам
Самый смелый капитан.*

Фамилия мальчика была Снегирев, но нам сейчас важно другое. Вот разберем его четверостишие. В нем всего двенадцать слов. Из них, как вы видите, «кто-что»-слов четыре — *океан, ледокол, льдины, капитан*; «какой-какая»-слов целых пять — два раза *синий*, затем *ледовитый, самый и смелый*. Есть тут и одно-единственное служебное слово — *по*, но легко сообразить, что без него автору никак не удалось бы соединить слова *ледокол ведет* и *льдины*. Без «кто-что»-слов вообще ничего не получилось бы.

Нарисую синий-синий ледовитый ведет по самый смелый.

Чепуха! Очень проиграло бы сообщение маленького автора, если бы он выбросил и «какой-какая»-слово.

Нарисую океан. Ледокол ведет по льдинам капитан.

Я думаю, теперь вы убедились: все слова, которые мы с вами успели рассмотреть, нужны для того, чтобы мы могли говорить и писать. Правда, в четверостишии, которое я выбрал в пример, встречаются еще незнакомые нам «породы» слов. На какой вопрос отвечают, например, слова *нарисую* и *ведет*?

А вот как раз сейчас нам и пришлось время поговорить про них.

СЛОВО И ДЕЛО

Сын на ножки ПОДНЯЛСЯ,
В дно головкой УПЕРСЯ
ПОНАТУЖИЛСЯ немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам ПРОДЕЛАТЬ?» — МОЛВИЛ он,
ВЫШИБ дно и ВЫШЕЛ вон.

Такая живая сценка есть у Пушкина в «Сказке о царе Салтане...». Перечитайте эти стихи еще раз или два и подумайте: чем вызывается ее живость? Почему получается впечатление, что перед нами что-то очень быстро и порывисто ДЕЛАЕТСЯ?

Да потому в основном, что Пушкин, как вы видите, на двадцать пять слов этого отрывочка взял семь слов, напоминающих по своему характеру те *нарисую* и *ведет*, какие мы видели с вами в совсем другом стихотворении.

Каково значение у всех этих слов? Все они означают ДЕЙСТВИЕ, не так ли? *Нарисовать* — это значит «подействовать карандашом и красками», *ведет* — в данном случае означает «управляет кораблем», то есть опять-таки что-то делает. То же самое можно сказать и про слова *подниматься*, *упираться*, *понатуживаться*, *проделать*, *вышибать*, *молвить*, *выходить*.

Теперь вот что: как вы думаете, если человек отвечает другому человеку: ПОДНИМАЮСЬ! — какой вопрос был ему задан? Не кажется ли вам, что, всего вернее, его спросили: «Что ты там делаешь?» И если вас спросят: «Что надо ДЕЛАТЬ, чтобы не бояться утонуть?» — вы, наверное, ответите так: «УЧИТЬСЯ ПЛАВАТЬ!»

Вот мы и столкнулись с новым «племенем» русских слов — с теми, которые отвечают на вопрос «ЧТО ДЕЛАТЬ?» (или на его разновидности: ЧТО ДЕЛАЕТ? ЧТО БУДЕТ ДЕЛАТЬ? ЧТО ДЕЛАЛИ? ЧТО СДЕЛАЛИ? и так далее).

Пожалуй, хотелось бы эти слова так и описать: слова, КОТОРЫЕ ВЫРАЖАЮТ ДЕЛАНИЕ, ДЕЙСТВИЕ.

Но получается некоторое неудобство. Есть много слов, про которые никак не скажешь, что они описывают какое-нибудь делание. Ну, вот хотя бы мы постоянно говорим: *небо синее*, *человек умирает*, *воздух охлаждается*. Ведь небо-то ничего НЕ ДЕЛАЕТ, когда СИНЕЕТ. Скорее, с ним что-то такое делается, ПРОИСХОДИТ. А тем не менее мы то и дело позволяем себе говорить и про такие «бездейственные действия»: «ЧТО ДЕЛАЕТ?»

Можно было бы, конечно, поломать голову и придумать какое-нибудь общее объяснение и для тех, и для

других слов. Но это ученые уже сделали, и объяснение для нас с вами получилось чересчур сложное. Поэтому пока (потом мы посмотрим, как со всем этим поступить) мы всю эту семью слов так и определим: СЛОВА, ОТВЕЧАЮЩИЕ НА ВОПРОС «ЧТО ДЕЛАТЬ?».

Что, такие слова необходимы для того, чтобы можно было ГОВОРИТЬ (конечно, и писать)?

Ну, чтобы понять это, достаточно, если хотите, зачеркнуть в пушкинских строчках все выделенные мною слова и посмотреть, что останется от значения стихов.

Можно поступить и по-другому: попытаться написать своему товарищу хоть самую коротенькую записочку, ну, скажем, о том, что катание на коньках и приятно и полезно, и поэтому...

Вот видите, я старался как можно дольше обойтись без слов, выражающих действие (то есть отвечающих на вопрос «что делать?» и ему подобные), но и у меня наконец дух перехватило: «И поэтому — ДАВАЙ ПОЕДЕМ на каток!», или «Не ХОЧЕШЬ ли сегодня ПОКАТАТЬСЯ на лыжах вместо коньков?», или «ПОПРОСИ маму, чтобы она ОТПУСТИЛА тебя ПОКАТАТЬСЯ на санках»... Без таких слов очень трудно, почти совсем невозможно выразить даже самую несложную мысль.

Постарайтесь замечать: когда вокруг начинается разговор, сколько времени говорящие смогут обходиться без «что делать»-слов?

Вот я беру в руки «Русский язык» для первого класса и открываю на странице 3 (первые две относятся к обложке книги).

Наверху идет ЗАГОЛОВОК; мы его не будем считать: он — просто перечисление того, о чем пойдет разговор в первой главе.

Дальше идет маленький подзаголовок: «Упражнение первое». Это пока что тоже еще не разговор, а извещение о разговоре. А за этим сразу идет ПЕРВОЕ СЛОВО, которое составители учебника говорят ПЕРВОКЛАССНИКАМ, и оно отвечает на вопрос «сделайте что?»:

ПРОЧИТАЙТЕ.

Дальше идет первое в жизни школьника читаемое в классе стихотворение:

Зима ПРИШЛА

Первый зимний снежок

Белым пухом ЛЕТИТ.

Первый легкий мороз

ВЕСЕЛИТ и БОДРИТ.

Тут четыре «кто-что»-слова, пять «какой-какая»-слов и четыре «что делать»-слова: *пришла, летит, веселит и бодрит*.

Подумаешь и решишь: очевидно, все эти слова примерно одинаково необходимы при разговоре.

Так-то оно так, но все-таки, пожалуй, ГЛАВНЕЙ ВСЕГО, НУЖНЕЙ ВСЕГО именно эти два разряда слов: «кто-что»-слова и «что делать»-слова. Без них и совсем простого сообщения никому не передать, а ведь все-таки главная работа нашего языка — передавать друг от друга и друг другу всевозможные СООБЩЕНИЯ.

Как только вы просыпаетесь утром, вы начинаете говорить, и в первых же ваших речах обязательно

будут попадаться и «кто-что»-слова, и «что делать»-слова. Без них никак не обойдешься:

— *Мама, я уже проснулся!*

— *Ну, одевайся и вставай! Я завтрак приготовила.*

Возьмем первую попавшуюся книгу. Вот «Маугли» английского писателя Киплинга. Начинается первая глава:

НАСТУПАЛ седьмой час очень жаркого вечера в Сионийских горах. Отец Волк ПРОСНУЛСЯ после дневного отдыха, ПОЧЕСАЛСЯ, ЗЕВНУЛ и РАСПРАВИЛ онемевшие лапы одну за другой.

Первое же слово отвечает на вопрос «что делал?». Тот же вопрос может быть поставлен к 12-му, 16-му, 17-му, 19-му словам. Я выделил их ПРОПИСНЫМИ буквами. Вопрос «кто? что?» может пригодиться перед 3-м, 6-м, 9-м, 10-м, 11-м, 15-м, 21-м словами: они напечатаны вразрядку.

Семь слов — вразрядку, пять — ПРОПИСНЫМИ буквами. И ведь заметьте: если пропустить все остальные слова, эти двенадцать слов все-таки передадут читателю какой-то смысл:

Наступал час вечера в горах. Отец Волк почесался, зевнул и расправил лапы.

(Я чуть-чуть схитрил: пустил в дело служебное словечко *в* и, наоборот, пропустил одно «кто-что»-слово — *отдыха*: но тут и удивляться нечему: когда проделываешь такие опыты над живым рассказом писателя, невольно приходится как-то выкручиваться, потому что ведь никто не говорит, нарочито употребляя только один или два разряда слов.)

Опыт наш, во всяком случае, показывает, что, пользуясь ТОЛЬКО «кто-что»-словами и «что делать»-словами, какую-то связную речь построить можно. Вы сами понимаете, что ее никак не соорудишь из одних служебных слов. Как хочешь: *по, из, в, к, за, на, от, у...* Переставляйте их в любом порядке, общего смысла из такого их сочетания не получится.

Сомневаюсь, чтобы можно было слепить что-нибудь осмысленное и из одних «какой-какая»-слов, даже если их не разлучать с теми «кто-что»-словами, возле которых они стоят.

Вернемся еще раз в «Сионийские горы»:

Седьмой час жаркого вечера. Дневного отдыха. Онемевшие лапы.

Какое-то перечисление получилось, никакого рассказа не вышло. А уж тем более если пытаться брать слова всех четырех «пород» в одиночку:

Слова: *жара!, холодина!, солнышко!* — даже отдельно взятые, могут передать вашу мысль.

Слова: *смеркалось, парило, вечерело, морозит* — выполняют эту задачу очень хорошо.

Я не возьмусь подобрать десяток таких «какой-какая»-слов, которые могли бы также в полном одиночестве выразить целую мысль.

А вот уж со служебными словами нечего и пытаться проделать что-либо подобное.

Надо оговориться: мы можем иногда как бы превратить служебное слово в слово, отвечающее на вопрос «кто? что?». Например, я могу сказать: *Все эти «по» и «на» мне прямо надоели.* Так вот, если предварительно уже было совершено такое превращение, тогда и

отдельное служебное слово оказывается способным ответить на вопрос, а значит, и передать какую-то мысль.

Один человек невнятно произнес: *Я иду с рынка!* Второй его спрашивает: *С или из?* А первый отвечает: *С! С! С!* Вспомните вопрос древних гречанок, обращаемый к возвращающимся воинам: *С или на?* (то есть «со щитом — живой» или «на щите — мертвый?»)*.

Но вы сами понимаете, что это дело совершенно искусственное. Так можно сделать «кто-что»-словом и любое звукосочетание, скажем *а-пчхи!*

Не расслышав, кто-нибудь может спросить у чихнувшего: *Ты что сказал?* А тот преспокойно ответит: *А-пчхи!* Пусть так, все равно мы это *а-пчхи* не можем и не должны считать словом: это просто звукоподражание, наподобие *пиф-паф* или *гав-гав*.

Таким образом, хотя, как я говорил, и нельзя среди слов выискивать слов-генералов и слов-солдат, некоторая разница между ними ПО САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ есть. Это так же, как в вопросе о паровозах и вагонах. Невозможно сказать, что в поезде главное — ЛОКОМОТИВ или ВАГОНЫ. Если убрать вагоны, и самый мощный тепловоз окажется грудой никому не нужного железа. Но и вагоны без тепловоза не сдвинутся с места. Однако, разумеется, локомотив все же несколько самостоятельнее любого самого грузоподъемного вагона: он один может сдвинуться с места и уехать, а вагон останется беспомощно стоять там, где от него отцепили тепловоз.

Вот это пока и намотаем себе на ус.

* См. с. 106.

РОДНЫЕ И ПОСТОРОННИЕ

В старом Петербурге была улица, которая называлась ГОРОХОВАЯ. Кто-то сочинил довольно глупые стишки:

*По Гороховой я шел,
А гороху не нашел!*

Бывает же так: у многих крупных русских писателей эти две стихотворные строчки почему-то часто поминаются: не могу уж вам сказать, чем они их так пленили: скорее всего, как раз своей глуповатостью!

Однако интересно, почему сочинитель этого двустишия написал, что он не нашел на *Горóховой* именно *горóха*! Ведь ни бобов, ни овса, ни картофеля там совершенно также не было. Почему бы ему не написать, скажем, так:

*По Гороховой я шел,
Но горчицы не нашел!*

Я думаю, вы и сами понимаете, что тогда две г л у п о в а т ы е строчки превратились бы уж окончательно в г л у п ы е, целиком бессмысленные.

Здесь в них вся суть именно в том, что рядом поставлены два слова: *Гороховая* и *горох*.

А чем эта пара отличается от *ГОР*оховая и *ГОР*чица? Только одним: первые два слова имеют в своем составе общую (и притом осмысленную) часть: *горох*. Они связаны друг с другом. Они состоят одно с другим в р о д с т в е.

Заметьте: слова *ГОР*чица и *ГОР*ох тоже как будто имеют в себе общую часть: «гор...», но тем не менее они не родственники. Это — случайное совпадение. А вот слова *ГОР*чица и *ГОР*ький опять состоят между собой в родстве. Таким образом, надо иметь в виду: родство слов доказывается тем, что у них есть часть, общая не только ПО ЗВУКАМ, но и ПО СМЫСЛУ.

дом и *домовой* состоят в родстве

дом и *домчаться* — не состоят

пар и **паровоз** — родичи

пар и **пара** — посторонние друг другу

Тут интересно обратить внимание вот на что. Есть слова, у которых прямо громадные СЕМЬИ, необыкновенно широкое и сложное РОДСТВО. Но бывают и слова-одиночки: хорошо, если у них насчитаешь двух-трех родичей, а то и ни одного.

Вот посмотрите: у слова *лов* я без особого труда насчитал 44 близких родственника: я уверен, что, поломав голову, вы сможете прибавить к этому семейному списку по крайней мере еще «полстолька». Вот эти слова:

блохолов	лов	ловкость
выловить	ловец	ловля
изловить	ловецкий	ловушка
изловчиться	ловитва	ловчий
зверолов	ловить	ловчила
кротовлов	ловкач	ловчить
крысолов	ловкий	мухоловка
мышелов	подловить	словить
мышеловка	птицелов	словчить
наловчить	рыболов	словчиться
наловчиться	рыболовецкий	улов
неловкий	рыболовный	уловить
неловкость	тигровлов	уловка
обловить	самолов	
переловить	самоловный	

Видите, какая их уйма?!

А теперь я задам вам слово *редиска*. А вы поищите, сколько у него найдется в нашем языке родствен-

ников? Чуть ли не одно только вежливое: *редис*. Ну, в крайнем случае, еще *редисочный* и — стоп!

Почему это так? Причин можно найти много. Основное, пожалуй, что слово *лов* — очень старое русское слово. Еще лет 600–700 назад киевские князья *ловы* *де-яли* — охотились. А *редис* — слово совсем новенькое. Не больше 200–250 лет, как оно пришло к нам из Франции, где такой же овощ зовется *radis* [ради́]*, причем по-французски в этом слове пишется, но не выговаривается еще буква эс.

Довольно понятно, что за почти тысячелетие от простого слова успело произойти множество слов-детей, слов-внуков, слов-племянников и еще более далеких родственников. А вот от сравнительно нового для русского языка слова *ради(с)*, потом превратившегося в *редис* и даже *редиску*, таких родичей образоваться еще не успело, да, по правде сказать, и неизвестно, появятся ли они у него в будущем.

Многое зависит еще и от того, какую важность и значение оба основных слова имели и имеют для языка. По сорока четырём словам-родственникам можно убедиться, что значение это у «многосемейных» слов весьма велико, а у *редиски* — куда меньше. В самом деле, представьте себе, что в распоряжении птицевода имеется две породы птиц: с одной стороны — куры или гуси, способные бурно размножаться в том климате, где расположена птицефабрика, а с другой — какой-нибудь фазан-аргус или колибри, которые в этом месте вообще не дают потомства или выводят в год

* Это от латинского слова *radix* [ра́дикс] — корень.

только одного-двух птенцов... Какой породе птиц директор фабрики отдаст предпочтение?

В мире слов труднее, конечно, сравнивать необходимость тех из них, которые обладают способностью давать большое потомство, и тех, которые веками или десятилетиями ведут жизнь бесплодных одиночек.

Но все-таки подавляющее большинство слов имеет много или мало родственников, и то, что это так, облегчает вам трудности правописания. Помните (на страницах 68–72) я говорил о том, как надо узнавать, какую букву следует написать на месте сомнительного гласного звука в неударном слоге слова? А потом — как находить правильное написание для тех случаев, когда звонкий согласный оказывается перед глухим или на конце слова и звучит и сам глухо? Получалось, что надо подобрать такое слово (или такое изменение слова), где этот подозрительный согласный очутился бы в середине слова, и притом перед гласным звуком. А тот сомнительный гласный оказался бы в другом слове или в измененном слове, но обязательно в слоге ПОД УДАРЕНИЕМ.

Так вот: тогда я не мог сказать вам главного, потому что вы еще ничего не слыхали про РОДСТВО СЛОВ. А теперь я могу договорить.

Если вам попалось слово *бе(и)лек*, которое означает «совсем маленький белошерстый тюлененок», и не ясно, какой звук находится в первом слоге (я показал это, поставив около **Е** в скобочках **И**), — вы должны поискать в вашей памяти не просто какое-нибудь слово, в котором слог **бе** — **би** стоит под ударением, а слово, РОДСТВЕННОЕ тому, над которым вы трудитесь.

Так, скажем, если вы к вашему *бе(и)льку* подберете для проверки слова *бешеный* или *беглый*, то никакого толку не будет, хотя под ударением вы и слышите ясно звук **Е**.

А вот взяв слова *бЕлый* или *бЕлка*, вы получите точное доказательство: эти слова *р о д с т в е н н ы* слову *белек**, а в их первых слогах звучит ясное **Е**, — значит, и тут и там писать нужно также **Е**.

Совершенно так же и с глухими и звонкими согласными. Мы уже видели: в слове *дуб(н)* трудно понять, какой звук стоит и какую букву следует писать на его конце. Но стоит взять **РОДСТВЕННОЕ СЛОВО**, хотя бы *дубняк* или *дубрава*, и все прояснится. А вот если бы вы выбрали слова, которые тоже содержат слог *дуб* или *дуп* под ударением, но по смыслу своему оказываются словами, не родственными нашему **ДУБУ** (ну, допустим, *дублон* — название старинной западной золотой монеты, часто упоминаемой, скажем, в «Робинзоне Крузо», или *дупель* — имя птицы из породы куликов), они не принесли бы вам никакой пользы: сомнительный звук стоит в обоих случаях в таком месте слова, что не возникает никаких недоумений насчет необходимой в этом месте **БУКВЫ**; однако опираться в ваших догадках на эти случаи никак нельзя. Да вы и сами видите: они дают вам в обоих случаях прямо противоположные советы.

Таким образом, надо запомнить раз и навсегда: решать орфографические недоумения (в тех случаях, конечно, когда рекомендуется подбирать к ним пары

сходных слов) можно и нужно, **ОБЯЗАТЕЛЬНО СОВЕТУЯСЬ С РОДСТВЕННЫМИ СЛОВАМИ, И ТОЛЬКО С НИМИ.**

Хотите поупражняться? Пожалуйста! Соберите в один столбик родственные слова, позволяющие проверять правописание, а в другой — только созвучные, по которым проверять его нельзя:

*гриб, гриппозный, грибница, грипп
сом, самовар, самый, сомовий*

л-зейка, л-зовый (сделанный из лозы), *л-з* (отверстие, в которое пролезает), *л-зы* (множественное число от *лоза* — *дерево*)

с-довый, зас-ды, с-довый, с-д, с-да (лекарство)

В заключение я посоветую вам как можно внимательнее приглядеться к тем частям родственных слов, которые оказываются общими в целом ряду их. Сейчас мы не будем заниматься ими, но в недалеком будущем нам придется уделить им много времени и сил: это очень интересные и важные части наших слов.

* Тюлени появляются на свет в белой (светло-желтой) шерстке.

НАЧИНАЕМ ЗАНИМАТЬСЯ БОЛЬШИМ КОНСТРУКТОРОМ ЯЗЫКА

До сих пор мы имели дело только с отдельными «винтиками», «болтиками» и «шайбочками» языка — звуками, буквами, словами.

Правда, слова — это уже не простые «винтики»: каждое слово составлено из меньших частей, тех же самых звуков, слогов, букв.

Но дело-то в том, что учиться соединять звуки в слова мы начинаем в таком раннем возрасте, о котором большинство из нас даже ничего не помнят. Вот если у вас появится на свет маленький брат или сестра, я очень советую все время наблюдать за ними и, в частности, особое внимание обратить на то время, когда они начнут учиться говорить (это бывает обычно в год-полтора-два от роду).

Вы убедитесь, что хотя, само собой, малыши учатся говорить у взрослых, но совсем другим способом, нежели учились вы, когда вам стало шесть-семь лет, в школе письму и грамоте.

Первоклашек (а иногда и дошколят) настойчиво учат старшие; при этом — что греха таить? — нередко случается, что старшие-то УЧАТ, а младшие, насколько возможно, избегают следовать их наставлениям. Ведь бывает так? Зато вот в том — еще полугрудном — возрасте не наблюдается ничего подобного. Ребят в год-два-три от роду нет надобности приучать говорить. Напротив, чаще приходится наблюдать такую картину, когда вчерашний ползунок всячески тербит мать или бабушку, желая, чтобы они разговаривали с ним, чтобы, если уж нет времени и желания рассказывать сказки, то хотя бы просто говорили о чем угодно при нем вслух. Он чувствует — вернее, сама природа ему подсказывает! — что слушать чужую речь для него значит учиться. Учиться говорить!

— Сыночек! — озабоченно нахмурилась как-то одна молодая мама, заметив, что она и ее подруга заговорили между собой при двухлетнем сыне на научные темы, которыми ему было еще рановато интересоваться. — Сыночек, ты забыл, что я тебе говорила? Ты, кажется, слушаешь, что говорят большие?

— Мамочка, — с полной искренностью ответил малыш, — слушаю! И в с е з а п о м и н а ю !

Вот в этом прислушивании и запоминании для ребят в возрасте «додетсадовском» и заключается их обучение языку.

Никому из нас никто не говорил: чтобы произнести слово БАБА, надо сначала выговорить Б, потом А, затем снова Б и наконец второй раз А! Мы просто слушали, как говорят наши близкие, и повторяли за ними любые слова, сами, с восторгом, с великой охотой.

Так что приходится сказать: составление слов из звуков, пожалуй, не надо расценивать как начало занятий с Большим Конструктором речи. Во всем, что мы до сих пор успели увидеть в явлениях языка, больше всего походило на изучение самых первых действий с этим Конструктором — это когда мы открыли слоги и их роль в нашей речи. Потому что до школы никто из нас даже не подозревает, что слова состоят (или могут состоять) из слогов. Можно сказать больше: и относительно ЗВУКОВ мы в раннем детстве пребываем в таком же незнании. Мы выучиваемся сразу целым словам, и только начиная учиться ПИСЬМУ, с удивлением узнаем, что слово *мяч* — не сплошное целое, как настоящий литой резиновый мячик, а оказывается, СОСТОИТ из трех звуков [м-я-ч]. Не знаю, как для вас, но для многих — и для меня в частности — это в свое время стало настоящим открытием.

Так как книга моя пишется все-таки для тех, кто уже давно уразумел этот секрет языка и даже научился (или учится) правильно передавать звуки речи в виде своеобразных и удивительных значков на бумаге, а также, наоборот, понимать, что означает в письменной речи и каждый такой значок, и их разнообразные сочетания (иногда очень длинные и сложные), —

я имею право считать, что мы УЖЕ немного позанимались нашим КОНСТРУКТОРОМ, то составляя из простых частей более сложные «устройства», то, наоборот, разделяя эти последние на отдельные малые детальки.

И все же только сейчас, по-моему, мы с вами переходим к разговору о таких предметах (вспомните: «предмет — это все то, к чему может быть приложен вопрос «что? кто?»), которые являются уже по-настоящему связанными с представлением о подлинном языковом Конструкторе. Мы будем говорить о ПРЕДЛОЖЕНИЯХ.

Я ГОВОРЮ ПО-РУССКИ

Я читаю начало стихотворения, написанного лет пятьдесят назад одним тогдашним довольно известным русским поэтом:

*Сгáра áмба, сгáра áмба,
— Безгранáра, безконцáмба...*

Пожалуй, дальше не стоит. Но я спрашиваю у вас: что это — язык, речь, разговор? Нет: ни то, ни другое, ни третье. Что больше всего мешает признать эти две стихотворные строчки речью? То, что они состоят н е и з слов. Автор, насколько я помню, назвал свое стихотворение — оно было довольно длинным — «Жонглер»; но узнать точнее, о чем в нем говорилось, было невозможно. Надо прямо сказать: ни о чем.

Значит, дело в словах? Не только!

Вот я аккуратно выписываю строчку или полторы из одного рассказа, напечатанного в детском журнале «Пионер» в 1965 году:

Уж стемнело, Василий, освещал. Он наизусть. Быстро связь.

Вы поняли что-нибудь? Разумеется, ничего. Оно и не удивительно: я выписал не все те слова, которые были напечатаны на странице 53 того номера журнала, а ЧЕРЕЗ ОДНО. Никакой речи, никакого понятного сообщения не осталось. Получилось бессмысленное нагромождение слов. Совершенно так, как если бы вы, собирая из деталей конструктора грузовик, взяли бы колеса, а оси оставили в коробке; кабину собрали бы, а корпус и не подумали.

Можно сделать и более простой опыт.

Буду брать п е р в ы е слова на каждой из двенадцати страниц того же журнала и ставить их в ряд друг за дружкой: авось что-нибудь получится.

Возвращались стояли побережью даже справа керосиново-калильной снятся несутся разгладились это день...

Нет, и таким способом, случайно ставя слово за словом в ряд, н е л ь з я п о л у ч и т ь р е ч ь.

Постойте-ка! А почему же это — не речь? Слова эти можно прочесть в том порядке, в каком они стоят. Каждое из них имеет свой смысл, свое значение... Да, все это так, но беда в том, что ВСЯ цепочка слов ВМЕСТЕ — ничего не значит. Прочли вы ее или не прочли, вы не узнаете ничего нового!

А теперь позвольте мне прочесть те четыре слова, с которых начинается эта главка моей книги:

Я ГОВОРЮ ПО-РУССКИ.

Вы понимаете, что они значат? Конечно; кто-то сообщает о своем владении нашим родным языком. Здесь четыре слова. Одно служебное. Одно отвечает на вопрос «какой?» — *русский*. Есть здесь «кто-что»-слово — я и есть «что делать»-слово — *говорю*.

То, что стоит в заголовке над этой главкой, эти четыре связанных друг с дружкой слова образуют ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Это предложение тем-то и отличается от цепочек слов, которые я приводил раньше, что его МОЖНО ПОНЯТЬ. Оно включает в себе какое-то сообщение — важное или пустячное, умное или не очень умное, понятное многим, всем или только двум-трем посвященным в дело людям, это неважно. Важно то, что кто-то захотел сделать сообщение и теперь сообщение это, выраженное в словах, можно ПОНЯТЬ.

В каждом сообщении непременно должно говориться «о ком-то» или «о чем-то». В этом говорится «про меня». Согласитесь со мной, что если кто-то пожелает сообщить «ни о чем», так ему всего правильнее будет вообще промолчать.

Этого мало. Если мы говорим «о чем-то» или «о ком-то», то, естественно, надо знать, что мы хотим про него сообщить. Это «кто-то» или «что-то» либо должно само что-нибудь делать, либо с ним что-либо должно п р о и с х о д и т ь, иначе, если хорошенько подумать, опять-таки останется непонятным, зачем мы вывели на сцену «кого-то» или «что-то», если с ним ничего не случается и сам он (само оно) ничего не делает. «Я, я!» А что — «я»?

Вот почему в нашем предложении наряду с «кто-что»-словом есть и «что делает»-слово — *говорю*.

Собственно, на этом все можно было бы и остановить. В словах я *говорю* уже заключается — с началом и концом — достаточное сообщение. Вы можете спросить кого-нибудь, услышав шум в его комнате: *Что ты там шумишь?* — и, услышав в ответ: *Я говорю* — вероятно, будете удовлетворены его законченностью.

Однако сообщения не имеют пределов по своей длине. Нельзя никогда и никому запретить: «Сказал два слова — и молчи!» Мол, все уже ясно. К вопросам «кто?» и «что делать?» всегда можно прибавить и другие: «с кем я говорю?», «как я говорю?», «по-каковски я говорю?», «с удовольствием ли к говорю?» и еще тысячи разных.

Таким образом, пожалуй, можно будет сказать, что в заголовке этой главы перед нами явилось не «самое простое», не «наиболее короткое» предложение, состоящее — как состоит самое короткое и простое «соединение деталей конструктора» из шурупа и накрученной на него шайбы — из двух частей, а что-то уже немного более сложное. К двум основным словам — «кто»-слову и «что делает»-слову — здесь присоединились еще два: служебное слово *по* и присоединенное при его помощи ко всему предложению слово, которое мы пока что не сумеем определить как «отвечающее на вопрос». Оставим его пока в покое. Оно похоже на типичное «какой-какая»-слово: *русский*.

Суть дела состоит в том, что самым обыкновенным, самым часто встречающимся видом наиболее

простых предложений являются и в нашем и в очень многих других языках такие, которые состоят именно из двух частей: «кто-что»-слова и «что делает»-слова.

Бывают, правда, как исключение и такие высказывания, которые состоят из одного только слова-детали. Я уже упоминал о них. Они могут звучать так: *Жарится!* или *Похолодало!*, но это случаи «из ряда вон выходящие».

ТОЧКА, ТОЧКА, ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК!

Точка, точка, запятая!

Из детской присказки

В конце каждого предложения мы ставим точку. Для чего это делается? Когда мы говорим, даже если мы «тараторим», быстро-быстро произнося все слова, которые подвертываются на язык, мы и в этих случаях, кончая предложение, делаем, во-первых, кратчайший перерыв между ним и следующим предложением, а еще главное — произносим последнее слово (часто даже и последние слова первого предложения) особенным тоном, либо повышая, либо, наоборот, понижая голос и этим самым показывая, что одно сообщение, утверждение, вопрос закончен и мы переходим к следующей нашей мысли.

Когда наша речь записана, изменение *т о н а* в ней пропадает. Где кончается одно «высказывание» и начинается следующее, читая подряд все написанные слова, не разберешь. Получается, как будто в ухо нам, без всякого выражения, равнодушно и бессмысленно кто-то что-то бубнит. И читающему бывает нелегко даже просто понять, что на этой страничке написано или напечатано.

Представьте себе, например, что вы читаете вот какое сочинение:

Зима крестьянин торжествуя на дровнях обновляет путь его лошадка снег почуя плетется рысью как-нибудь бразды пушистые взрывая летит кибитка удалая ямицик сидит на облучке в тулупе в красном кушаке вот бегают дворовый мальчик в салазки жучку посадив себя в коня преобразив шалун уж заморозил пальчик ему и больно и смешно а мать грозит ему в окно.

Конечно, вы наверняка знаете наизусть эти прекрасные стихи. Но и то, читая их вслух, вы несколько раз запнетесь: нелегко с разбегу сообразить, как надо понимать многие мысли автора. Вот, например: *Бразды пушистые взрывая* — про что это сказано? *Бразды пушистые взрывая летит кибитка удалая* или *лошадка плетется рысью как-нибудь бразды пушистые взрывая*. А дальше? *Ямицик сидит на облучке в тулупе в красном кушаке* или *в тулупе в красном кушаке вот бегают дворовый мальчик*?

Приглядитесь, прислушайтесь, и вы найдете еще не одну такую двусмысленность. А уж если бы я взял какой-нибудь незнакомый вам рассказ, так вы, вероятно, и просто отказались бы его читать.

Не надо думать: так ведь это же все — чистые выдумки! Никто и никогда не писал без точек!

Нет, среди древних рукописей можно найти и такие, где предложения еще не отделяются друг от друга точками. Могу вас уверить, что читать (и, главное, понимать) их очень непросто.

Ведь даже если мать оставит вам записку и в ней будет стоять: *Бабушка была утром оставила яблоки в буфете надо отдать Шуре футболку чистить не надо яблоки вымыты Мама*, — то и тут вы будете некоторое время ломать голову: что *не надо чистить* — яблоки или футболку и что *надо отдать Шуре* — футболку или, опять же, оставленные в буфете яблоки?

Таким образом, точка — полезный помощник и очень важный участник речи, необходимая, хотя и очень маленькая деталь нашего ЯЗЫКОВОГО КОНСТРУКТОРА! Она напоминает отчасти те прокладки, которые приходится иногда устанавливать между движущимися деталями какого-нибудь механизма, чтобы они не терлись друг о друга. Пустяк, а без него не обойтись!

«Изобретена» точка очень давно. Даже в чрезвычайно старых рукописях можно обнаружить если не прямо знакомую всем кругленькую блошку-точку, то те или иные знаки — вроде, скажем, черточек поперек строки, — которые исполняли ее должность: показывали, что тут одно предложение кончилось, другое начинается. Позднее, когда люди научились уже не только писать, но и печатать написанное, к точкам на границе предложений были добавлены еще и прописные буквы в начале каждого следующего из них. Именно поэтому

теперь вместо неудобопонятного: *Бабушка была утром оставила яблоки в буфете надо отдать Шуре футболку чистить не надо яблоки вымыты* Мама — вы прочтете ясное и несомненное: *Бабушка была утром. Яблоки оставила в буфете. Надо отдать Шуре футболку. Чистить не надо: яблоки вымыты!* Мама. И вам сразу станет понятно, что *Бабушка была утром* — это одно сообщение. *Яблоки оставила в буфете* — второе; видимо, их оставила вам мама. *Футболку надо отдать Шуре* — дело особое, а *чистить не надо* не футболку, что вас несколько испугало, а все те же *яблоки*, потому что они *вымыты*.

Да, точка — великое дело!

Но как только люди вполне овладели искусством отделять при ее помощи предложение от предложения н а п и с ь м е, так им сразу же стало огорчительно, что, в отличие от «разговора», от «устной речи», предложения, даже и с точками, и с подкрепляющими их «заглавными буквами», как-то омертвели, как бы высохли. Почему? Потому что точка передает нам главным образом такое сведение: «Тут мое одно высказывание кончилось». Но вот живой оттенок той речи все еще остается от читающего скрытым. Так пропадает запах в засушенном цветке.

...Вы вернулись домой, безразлично откуда — из школы или «из дальних странствий». Ваш брат может, проснувшись и протирая глаза, равнодушно отметить этот факт: *Ты приехал*. Мол: «Ага, я знал, что ты вчера выехал, вот ты и на самом деле приехал» (или «пришел»), — если он отдыхал как раз в три часа дня, когда вам и положено приезжать с дачи.

Но может быть, что вы вошли осторожно, прошли в кухню, присели к столу и за обе щеки уписываете то, что вам приготовила бабушка. А брат, отдохнув и не услышав вашего звонка, вошел в кухню и неожиданно увидел вас. И удивился: *Ты приехал?! или Ты пришел?!*

В смысле: «Скажите на милость, а я думал, что для тебя еще совсем рано!»

А теперь вообразите, что вас увидел ваш совсем маленький брат, для которого каждое ваше появление радость, и завопил в восторге: *Ты пйиехал!*

Ведь это будут три предложения, смысл которых всюду один, а вот тон их, чувство, с которым они произнесены, их интонация во всех трех случаях различны...

После изобретения книгопечатания люди вскоре пришли к пониманию того, что одних только знаков, которые позволяют отделять фразу от фразы, недостаточно. Были изобретены восклицательный и вопросительный знаки: ! и ?

Помните, как ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой не хотели отпустить царя Салтана на чудесный остров, где властвовал Гвидон?

*Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя. —
Нынче ж еду!» — тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.*

Вот видите, сколько разных средств передать не только смысл, но и выражение — самый тон — своих речей у говорящего: *топнул, дверью хлопнул* — никаких восклицательных знаков не нужно.

А как только весь рассказ лег на бумагу, так удары кулаком по столу, нахмуренные брови, скрежет зубами, улыбка во весь рот — все это исчезает, как воск от огня.

И для того чтобы заменить все эти способы, придать своей речи выразительность, приходится употреблять различные ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ. *Еду!!!*

Мы с вами пока поговорили только о трех из них, о тех, которые чаще всего встречаются на концах фраз.

Придет срок, мы заглянем и внутрь предложений и познакомимся с другими знаками, имеющими другие цели. Но всему — свое время.

ЧТО-ТО ВРОДЕ СЛОВАРЯ

В той части книги, которую вы уже одолели, вам пришлось встретиться с целым рядом слов, обозначающих разные явления языка и речи. Так как они придуманы учеными, и прежде всего ради научного их употребления, такие слова зовутся ТЕРМИНАМИ.

Не все термины специально изобретаются людьми науки заново. Иногда они, так сказать, «вербуются» из слов нашего обычного языка. Но как только слово стало термином, оно утрачивает некоторые права и способности обыкновенного слова.

СЛОВО. Возьмем самый простой пример. Вот существует слово *слово*. Пока оно остается просто «словом» русского языка, его очень нетрудно объяснить и дать понять, что оно значит. Заглянем в толковый словарь и прочитаем:

во-первых, *с л о в о* — это единица речи, звуковое выражение того, что мы думаем о каком-то предмете или явлении, их название;

во-вторых, это то же самое, что речь, язык. Можно сказать «родное слово», «культура слова»;

в-третьих, разговор, беседа. Говорят, например: «Слово — серебро, молчание — золото»;

в-четвертых, приказ, распоряжение. «Пусть будет по слову твоему»;

в-пятых, обещание сделать что-либо. «Не давши слова — крепись, а давши — держись»;

в-шестых, право высказывать свое мнение. «Свобода слова», «Прошу слова для доклада».

В общем, в том словаре, которым я воспользовался, указано восемь различных значений для слова *слово*, но каждое из этих восьми довольно коротко и четко объясняется.

А вот взяв с полки толстый том Большой советской энциклопедии, в котором должно быть разъяснено значение ТЕРМИНА *слово*, я читаю там другие речи (пересказываю содержание статьи своими словами, потому что в энциклопедии она изложена не в расчете на школьников — трудновато):

«Хотя те, кто г о в о р я т, очень ясно ощущают, что СЛОВО-то и есть основная единица языка, определить, что такое СЛОВО, с научной точностью очень трудно...»

Ну, раз это — трудная тема для составителей и читателей энциклопедии, то и мы с вами сейчас не будем пытаться углубляться в нее больше, чем мы уже сделали.

Скажем только, что само слово *слово* очень древнее. Оно существовало не только в русском языке во все времена, когда мы его знаем. Оно было в языке

древних славян, предков русского и других родственных народов.

Если бы нам понадобилось подыскать к слову *слово* слова-родичи (см. с. 125), пришлось бы указать на такие, как *слава*, *слыть*. Некоторые ученые считают вероятным, что и слово *славяне* тоже в родстве с ним и что сочетание звуков *сл* означает во всех этих случаях «шум, весть, сообщение».

Грамматический термин СЛОВО был взят из общего русского языка и превращен в ученое обозначение известного явления.

СЛОГ. Мы употребляем термин СЛОГ. Это тоже новобранец, завербованный в язык науки из общего языка. Происхождение его — из предлога *со* и слова *лог*; *слог* — это как бы «солегание» вместе некоторых звуков. В ЯЗЫКЕ ВООБЩЕ слово *слог* может также значить разные вещи: «изящный СЛОГ» — изящная манера выражаться. Говорят о «хорошем» и «дурном» *слоге* писателей. В науке о русском языке термин *слог* означает только одно: «самый короткий кусочек слова, состоящий из нескольких звуков (иногда и из одного), способный нести на себе ударение».

ПРЕДЛОЖЕНИЕ. В русском языке есть слово *предложение*, которое обладает несколькими значениями. Основное — «позволение по вашему усмотрению сделать или не сделать что-либо, принять или не принять какую-нибудь вещь, услугу от того, кто “предлагает”». Конечно, и это слово — оно книжного, не народного происхождения, — как большинство слов любого языка, имеет у нас несколько различных значений. Экономисты говорят о «спросе и ПРЕДЛОЖЕНИИ товаров

на рынке». У А.П. Чехова есть смешная пьеска «Предложение» — тут это слово означает обращенную к женщине просьбу выйти за просителя замуж. Можно встретить и такое выражение: *Атташе такого-то по-сольства получил ПРЕДЛОЖЕНИЕ в 24 часа покинуть страну*. Здесь *предложение* равносильно вежливой форме слова *приказ*. Все эти значения не имеют никакого отношения к ПРЕДЛОЖЕНИЮ грамматическому.

Этот термин у нас является заимствованием из латинской грамматики. У древних римлян наименьший отрезок связной речи именовался *praepositio* [прэпозицио]. По-латыни *praе* [прэ] означает *перед, пред*, а глагол *ponere* [понэре] — *класть* или, выражаясь на старинный лад, *полагать*.

Наши предки лет двести с лишком назад, составляя обновленные русские грамматики, перевели этот римский термин на русский язык словом *предложение*.

Я сейчас не смогу ответить вам на вопрос, какое из двух слов *предложение* появилось раньше — грамматический термин или общерусское книжное слово.

БУКВА. В нашем языке слово это живет уже очень давно. Тем не менее не так-то легко сказать: русское оно или нет? Большинство ученых сейчас считают, что скорее всего оно заимствовано нами у немцев, потому что в далекой древности, при первых попытках печатания (вероятно, даже еще не книг, а отдельных заглавных букв в рукописях), трафареты для печати вырезались на БУКОВЫХ колодках. Бук же по-немецки *Buche* [Бүхе].

Отсюда получилось и немецкое название «буквы» — *Buchstabe* [Бухштабе], то есть «буквая палоч-

ка», и старое наше слово *буки*, из которого образовалось и старинное название буквы Б — БУКИ, и даже самое слово АЗ-БУКА.

Вы удивлены: что это за уродец — БУКЫ? А вот имейте в виду, что многие слова, которые у нас теперь оканчиваются на *-ква*, раньше (очень давно) имели окончание *-кы*. Наша теперешняя *ты-ква* звучала как *ты-кы*, *смо-ква* — *смокы*. Даже наша *морковь*, которую в разных местах страны называют *мор-ква*, и та в древности именовалась *мор-кы*.

ГЛАСНЫЕ И СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ. Я уже объяснил происхождение этих терминов на странице 28. Там же я сказал, что термины эти не слишком ТОЧНЫ, но что за долгое время мы так уже привыкли к ним, что продолжаем употреблять их, хотя и прекрасно понимаем, что согласные звуки можно отлично произносить и без присоединения к ним гласных; понимаем

и то, что целый ряд согласных звуков можно так же тянуть и напевать; как и гласные. Таковы, например, звуки **З, Ж, Р**, в какой-то степени — **Л, М** и **Н**. Чтобы дать понять, о каком звуке вы думаете, вам вовсе нет необходимости непременно сказать: о «ЗЕ», хотя, может быть, эта необходимость еще в какой-то степени возникнет при таких звуках, как **Т, П, Б, Д, Г**.

Оба эти термина чисто русские, точнее, славянские. Гласный значит «голосной»; наши предки в свое время, очевидно, хотели сказать этим названием то, что мы говорим сейчас: в звуках этих основу составляют «музыкальные тоны» с очень небольшой примесью того, что называется «шумами».

Ну а значение «согласный» понятно само собой: оно означало — «такой, которого без гласного и не выразишь». Ну что же? Я думаю, главнейшие странности тех терминов, которые попали в первую часть этой книги, я вам объяснил, точнее, я рассказал вам, откуда они взялись и как их придумали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОТ ГДЕ РАСКРОЕТСЯ СЕКРЕТ ЗВУКА «Й»!

Помните (на странице 33 первой части этой книги), я, перечисляя буквы русской азбуки, оставил без внимания букву **Й**? Было сказано, что этой БУКВЕ соответствует вполне определенный ЗВУК, но мы отложили разговор о них — и о букве и о звуке — на будущее.

Мало того (на странице 51 той же первой части), когда нам пришлось говорить о правилах переноса, речь шла и о поведении при этом БУКВЫ **Й**. Конечно, БУКВЫ, а не ЗВУКА, потому что «правила переноса» относятся исключительно к письму. В устной речи (а ведь со звуками мы имеем дело только в ней) никаких п е р е н о с о в со строки на строку не бывает, потому что нет и самых строк! Ну так вот, и при этом я продолжал секретничать, опять отложил разговор о букве и звуке **Й** на дальнейшее.

Я был прав, потому что тогда мне было бы трудно объяснить вам их «тайну». Но теперь, когда уже целая первая часть книги у нас за плечами, пожалуй, это можно сделать. Попробуем!

Начнем издали. Более 200 лет назад (он родился в 1703 году, умер в 1769-м) интересный русский поэт и ученый-языковед Василий Тредиаковский написал, что:

«Знание орфографии — несравненно легчайшее будет, когда каждая буква токмо свой звон (так он называл звук. — Л. У.) означать будет. Буде же один и тот же звон... означается двумя или тремя знаками, то как не быть сомнению и затруднению в писателе?» В тех «п и с а т е л я х», которые пишут, высунув языки и налегши грудью на парту, такие сомнения и затруднения и впрямь возникают нередко. В частности, вызывает их как звук, так и буква **Й**.

Давайте я напишу тут три слова:

ПЯТЬ

ПИАНО, то есть «тихо», так выражаются музыканты (а «громко» — у них **ФОРТЕ**)

ПЬЯНЫЙ

Прежде всего сравним между собой два звука, которые обозначены одной буквой **Я** в первом и третьем слове.

Мы знаем уже, какую роль играет эта буква в слове *пять*. Здесь она показывает только, что стоящая перед ней буква **П** обозначает не твердый звук **П**, а мягкий, как бы *пья*. И — всё! На этом ее роль кончается. Она словно говорит: «Стоящий передо мной согласный произноси мягко, а меня саму, не мудрствуя лукаво, просто как **И** или как **А**: [пъ + ать]!» Что это так, можно

показать, с одной стороны — сравнив произношение слов *па-лец* и [пъ-а-льцы], а с другой — прислушавшись к музыкальному термину *п-и-ано*. Совершенно ясно, что **Пъ** в [пъ-ать] и в [пъ-иано] звучит одинаково, да и гласный **А** в обоих случаях слышится совершенно ясно и без всяких дополнительных призвуков. Он тут просто такой, каким ему надлежит быть после мягкого согласного. И всё?

Ну а теперь прислушаемся повнимательней к неприятному слову *пьяный*. **П** и тут, естественно, прозвучит как **Пъ**, потому что после него здесь стоит самый настоящий **Ь**, «ерь»... А вот на месте звука **А** мы слышим теперь... звук **Я**. Впрочем, так ли? Нет, звук **Я** в его чистом виде мы слышали в слове *пять*. Это было просто **А** после **Пъ**. А тут мы видим (вернее, мы слышим) тесно слившиеся ДВА ЗВУКА: **Й** + **А**.

Может ли быть? ОДНА БУКВА означает ДВА «ЗВОНА», как сказал бы Тредиаковский?!

Совершенно верно. И не удивительно, что то же созвучие **Я** — **ЙА** немцы или латыши, например (у них оно означает «Да!»), пишут двумя буквами: Ja!

Буква **Ј** в латинской азбуке называется «йот», «йот» — это вовсе не гласный, а с о г л а с н ы й звук и в западных языках, и у нас. Мы его пишем: **Й**!

Так говорят одни ученые; другие, не менее осведомленные знатоки, считают, что **Й** обозначает в системе русского языка не «йот», с которым его часто неточно сопоставляют, а неслоговой гласный — то есть именно **И** краткое.

Кому же верить? Надо полагать, ученые там и здесь просто имеют в виду разные **Й**. Энциклопедия гово-

рит о **Й** на концах русских слов, вроде *чей, мой, рой*. Тут ее мнение совершенно справедливо.

Ну а вот если взять — в наших русских книгах и в нашей речи — такие пришедшие из других языков, слова, как *Нью-Йорк*, или *Йокогама*, или имя арабского государства *Йемен*, — тут уже ничего не попишешь: ЗВУК **Й** тут, безусловно, является «среднеязычным согласным», и спорить с этим не приходится.

Говоря о переносах слов на письме по слогам, я назвал ЗВУК **Й** НЕПТОПТЫРЕМ — «хоть не птицей, да птицей». Теперь вы, вероятно, ясно понимаете, почему он заслуживает такого названия?

Однако — в сторону нептоптырей — займемся нашим прямым делом.

ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ РАЗДЕЛИТЕЛЬ

Ясно: в одной из первых главок этой книги мы уже говорили о том, какую роль играет иногда, в середине слова, «ерь» — мягкий знак. Вы, конечно, помните: он работал, так сказать, «на пару» с некоторыми согласными БУКВАМИ: показывал, что стоящая перед ним буква обозначает не твердую, а мягкую разновидность согласного звука. Там, где вслед за этим «вариантом» могли оказаться звуки (а значит, и БУКВЫ) **И, Е, Ю, Я, Ё**, там никакого «ерика» нам не требовалось: звуки, стоящие перед ними, обязательно смягчаются.

Но как быть, если вслед за такими звуками идет СОГЛАСНЫЙ ЗВУК?

Если у меня руки все в **МЫЛЕ**, то как мне, отвечая на вопрос, каковы они — одним словом, с вопросом «какой?», — показать, что **Л** и перед **Н** смягчается?

Вот тут-то и протягивает нам руку помощи **Ь**. Руки у меня оказываются **МЫЛ-Ь-НЫМИ!** Впрочем, в этом для нас никакой новости нет (на странице 34, в части первой мы уже об этом говорили). Возьмем другие слова. Ну хотя бы неинтересное слово *белье*. Или, если угодно, сладкое слово *монпансье*.

Не странно ли: для того чтобы показать, что звук **Л** в первом и **С** во втором случаях должны произноситься «смягченно», нам вполне достаточно было бы написать просто [бе-л-ё] и [монпанс-ё]. К чему же здесь приставлен **Ь**: он выглядит тут совершенно лишним?!

Нет, конечно, он не лишний! Он выполняет здесь сразу две важные роли. Самое главное, он показывает, что между звуком **Л** (или **С**) и звуком **Ё** (или **Е**) замешался тот самый «среднеязычный согласный» «йот», о котором мы кое-что узнали. Звуки **Ё** и **Е** произносятся в данном случае не так, как в словах *тёмный* или *серый*, где они без всякого «еря» превосходно смягчают и **Т** и **С**. Да и на **ЛЬ** можно найти примеры: меня и сейчас зовут не *Лэв*, а *Лев Васильевич*... Вот тут как раз отлично и видно, что в *Лев* — все ограничивается смягчением согласного **Л**, а в *льевич* «ерь» выполняет совсем другую задачу: он превращает **Э** в **ЙЕ**, выходит как бы вроде «Василь-ЙЕВИЧ». Вот какая у него тут цель!

В учебниках **Ь**, когда он занят именно этим делом, называется мягким знаком **РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫМ**. Помоему, нет особенного смысла спорить по поводу этого названия-термина: оно отлично выполняет свою роль — отличает такой **Ь** от «другого», просто смягчающего, **СМЯГЧИТЕЛЬНОГО**.

В будущем, когда вы станете слушать лекции в вузе, первое явление, смягчение согласного, назовут паллатализацией, второе, возникновение между ним и следующим гласным призвука **Й**, — йотацией. Сейчас я не требую запоминать эти ученые названия: потом они сами начнут приходить вам на язык. А пока будем так и считать: *тень* — **Ь** показывает мягкость **Н**. *Тень-ю* — он уже «разделитель», хотя, строго говоря, ничего он здесь не разделяет.

ШИПЕНИЕ ПИТОНА КАА

Помните, в прекрасной книге «Маугли», о которой я уже упоминал, старый огромный удав-питон Каа заволаживает трепещущих перед ним обезьян, испуская долгое шипение: «СССС!»?

Иногда приходится слышать, как некоторые не слишком образованные люди, точно питон Каа, тщательно выговаривают такие слова, как КАССА, МАС-СА, ПРЕССА, ПОЭТЕССА. Можно даже подумать, что у них между обоими С в этих словах и на самом деле имеется какой-нибудь «разделитель»: *мас-са, кас-са*. Или что С здесь не два, а десять!

Так выговаривать эти слова НЕ СЛЕДУЕТ, потому что, вообще-то говоря, русскому языку удвоение согласных НЕ СВОЙСТВЕННО. Оно возникает у нас преимущественно там, где в словах, состоящих из самого слова и слившейся с ним приставки, сходятся два одинаковых звука. Так, например, когда слились при-

ставка ПОД- и слово ДНО, получилось слово ПОДДОН. Тут эти два Д и следует выговаривать, как «двойное Д»: *поддать, поддакивать*, даже *под дубом*...

В чисто русских словах довольно часто встречаются также случаи удвоенного Н: *странный, бранный* и так далее. Ну что же: тут звук Н и заслуживает не только удвоенного написания, но и удвоенного произношения.

Но чаще всего двойные согласные встречаются у нас во многочисленных нерусских по происхождению, заимствованных из других языков слова. Я уже назвал тут раньше четыре таких слова (третье и четвертое реже произносятся с удвоением С). Можно прибавить к ним такие слова, как *гамма, сумма* и еще некоторые другие, в том числе *коммунизм* и *коммуна*. Писать их надо так, как я их тут написал, с двумя М, произносить же следует так, чтобы эта «двойственность» или «удвоенность» согласных никак не выпирала бы, не «ударяла бы по слуху».

Академическая грамматика, предназначенная для уже выучившихся школьной грамматике людей, рекомендует произносить с удвоением согласных только слова вроде: *граммáтика, коллѐгия, баллотиро́вка*, где ударение стоит ЗА НИМИ. Но мне кажется, что с 1953 года, когда эта книга вышла в свет, мы стали значительно менее ясно удваивать согласные и в *гамма, сумма* и уж, во всяком случае, произносить *суммировать* стало просто неудобно.

В чем тут хитрость?

В том, что создается противоречие между ДВУМЯ ЗАКОНАМИ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ. Француз свое *somme* (сумма) произнесет с двойным М без всякого усилия,

потому что ЗАКОН его языка ДОПУСКАЕТ и ПООЩ-
РЯЕТ такое удвоение.

Точно так же, несомненно, произносили свое *сум-
мус* (высочайший) и древние римляне. У них тут ника-
кого расхождения между устной речью и письмом не
ощущалось.

У нас же в нашем языке е г о ЗАКОН (правда, на
этот раз не слишком строгий и допускающий исклю-
чения) неблагосклонно относится к подавляющему
большинству «удвоенных согласных». Даже заимствуя
из других языков и х слова, русские люди сначала (пре-
имущественно книжники) стараются выговаривать их
на иноземный лад — скажем, английское *bill* [билль]*
(в Англии скорее [билл]), тужась произнести его как
[биль-ль], а это вообще для нас почти неисполнимо!

Но мало-помалу происходит любопытное. Во-
первых, в большинстве заимствованных слов удво-
енность звуков начинает сглаживаться, причем чем
слова, в которых они встречаются, о б ы д е н н е й,
проще, употребительней, тем это происходит
скорее и окончательней. Так, например, сейчас, если
в слове *коммуна* большинство из нас еще ощущает и
выговаривает двойное М, то уже в слове *коммунальная*
(квартира) его почти никто не произносит.

Во-вторых же, случается история на первый взгляд
странная, а на самом деле совершенно закономерная.
Произношение удвоенных согласных начинает казаться
признаком высокой интеллигентности, образованно-
сти как раз людям, почему-либо не получившим доста-

* *Bill* — проект закона до его принятия парламентом.

точного образования. И вот в то время как какой-нибудь
профессор называет себя *профеСором* и говорит, что он
хранит деньги в *сберкаСе* (может быть, только чуть-
чуть останавливаясь на звуках С), приходящий к нему
на даче поколоть дрова местный житель «свистит» сов-
сем «по-профессорски», как питон Каа: «Такую масссу
дровищ расколоть, товарищ профессор, это...»

Я уже несколько раз повторил и здесь не упущу
еще заметить: мы, русские, НЕ СЛИШКОМ СКЛОН-
НЫ УДВАИВАТЬ наши согласные; это — проявление
ЗАКОНА нашего языка, или, как говорят ученые, ЗА-
КОНА нашей ФОНЕТИКИ. (Под словом *фонетика*
понимают все звуки языка вместе взятые и законы их
изменения; я от времени до времени, возможно, буду
употреблять это слово: это удобнее, чем каждый раз
повторять: «все звуки русского языка», «весь строй
русских звуков». И вы уж постарайтесь привыкнуть к
нему.) А вот то, что мы считаем нужным непременно
и всюду ПИСАТЬ на месте заимствованных двойных
согласных «двойные русские буквы», — это уже не ЗА-
КОН, а орфографическое ПРАВИЛО. Как и во всех дру-
гих таких случаях, ЗАКОН изменить никаким приказом
невозможно: русские люди до тех пор будут выговари-
вать в разговорной речи кино «Колóсс» как [кино «Ко-
лос»] или *русский* как [русский], пока в языке, мало-по-
малу, не произойдет существенного изменения и в нем
не возникнут новые для исконного русского человека
двойные согласные (не считая НН, оно есть и сейчас)*.
Правописание же, его ПРАВИЛА можно изменить без

* Вернее всего, этого никогда не случится.

особых затруднений, и не исключено, что в данном случае когда-нибудь его «исправят», постановив все двойные согласные изображать в виде одной буквы.

Ведь уже более сорока лет назад академическая грамматика отмечала, что когда в слове *у д а р е н и е* приходится на слог, идущий после двойного согласного, то мы теперь произносим это слово с одинарным согласным. Так даже и само слово *грамматика* мы выговариваем как [граматика]! Пишем же мы его — по старой памяти! — через ДВА ЭМ. Но всегда ли так будет?

Очень может быть, что и не всегда. Однако пока во всех газетах и журналах (или по крайней мере во всех школьных учебниках) не появится «распоряжение»: «Такие-то слова писать через один согласный!» — и вам (и мне) придется поступать «по старинке». Зачем? Ну, хотя бы по той причине, по которой нам неприятно, когда весь отряд идет в ногу, видеть, как один солдат не выдерживает должного «раз-два!». Правила должны выполняться всеми: иначе сначала они перестают быть правилами, а потом и вообще в деле воцаряется полный произвол и беспорядок!

Ну а из существования у нас двойных БУКВ вытекает и еще одно ПРАВИЛО:

при переносе делить слово полагается как раз по линии между этими двумя согласными:

КАСС-

СА

МАС-

СОВЫЙ

КОЛ-

ЛЕКТИВ и т. д.

ПОЕЗД С НЕСКОЛЬКИМИ ВАГОНАМИ

В первой части этой книги мы с вами немного поговорили о таком крупном «изделии» нашего Большого Конструктора — Языка, которое уже несколько сложнее, чем состоящее из звуков и слогов СЛОВО. Мы назвали это «изделие» ПРЕДЛОЖЕНИЕМ.

Пожалуй, стоит в двух словах повторить, что мы о нем узнали.

Мы узнали, что предложение обычно состоит по крайней мере из двух слов; хотя можно, постаравшись, припомнить и ОТДЕЛЬНЫЕ СЛОВА, которые имеют все права предложения. Ну, например: *Жарища!*, *Морозище!* — или, скажем: *Гремит!* (о грозе), *Стемнело* (о наступлении ночи). Такие «как бы предложения» — исключения, и, я думаю, мы поподробнее поговорим о них позже.

Пока что все же будем считать НОРМАЛЬНЫМ САМЫМ КОРОТКИМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ такое, которое состоит из двух слов.

СЛОВО	ПРЕДЛОЖЕНИЕ
КОТ	КОТЫ ДЕРУТСЯ

В первой части книги мы додумались до того, что предложение выражает какое-нибудь СООБЩЕНИЕ. Теперь можно сказать еще и так: «Предложение — это выраженная словами законченная мысль».

Это будет, с одной стороны, верно сказано, но с другой — может быть, все же недостаточно точно.

В самом деле, что понимать под словом законченная? Ведь к «мысли»: *Коты дерутся* можно добавить еще очень много чего: *Белый и рыжий коты яростно дерутся на крыше*.

Да, это так. Но все-таки, если мы вскрикнем: *Коты!* или *Дерутся!*, то хоть и на самом деле какое-то сообщение и в том и в другом слове есть, но «мысли» в обоих случаях оказываются и впрямь как бы «незаконченными».

«КОТЫ!» — а ЧТО «КОТЫ»?

«ДЕРУТСЯ!» — а КТО «ДЕРЕТСЯ»?

Может быть, остановимся сейчас на таком заключении: даже самое простенькое ПРЕДЛОЖЕНИЕ должно передавать слушающему, во-первых, КТО или ЧТО действует и, во-вторых, ЧТО ЖЕ ОН ДЕЛАЕТ? или ЧТО ОНО ДЕЛАЕТ?

Правда, тут же приходится оговориться: как это ни смешно, под ДЕЛАНИЕМ — и мы уже замечали это — сплошь и рядом можно иметь в виду и ПОЛНОЕ БЕЗДЕЛЬЕ. Ну, например: КОТЫ НЕ ДЕРУТСЯ (*Что делают коты? — Они не дерутся!*).

Впрочем, нет надобности специально придумывать примеры: их сколько угодно в произведениях наших великих писателей:

Метель НЕ УТИХАЛА, небо НЕ ПРОЯСНЯЛОСЬ.

А. Пушкин.

Метель

Ибрагим НЕ МОГ НАДИВИТЬСЯ быстрому и твердому его разуму...

А. Пушкин.

Арап Петра Великого

Два случая, и в обоих, вздумай мы разобрать эти предложения, нам пришлось бы поставить вслед за подлежащими вопросы: «Что делала, делало, делал?» А ответы, все как один, прозвучали бы: «НЕ делали того, другого, третьего».

Очень возможно, вам это показалось бы нелепо: что это за ДЕЙСТВИЕ, которое заключается в БЕЗДЕЙСТВИИ?

Но мы с вами занимаемся н а у к о й, а у нее свой подход к явлениям мира. Мы с вами знаем, что есть на свете две разные вещи: ЖАРА и МОРОЗ. А ученые считают тепло просто положительной, холод же отрицательной величиной температуры. Вот и нам теперь придется, по-видимому, согласиться с тем, что БЕЗДЕЙСТВИЕ можно расценивать как ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ, ДЕЙСТВИЕ со знаком минус.

А тогда получится: на вопрос «Что делала метель?» можно дать ответ: «делала ничего: НЕ УТИХАЛА».

Хотя, с другой стороны, если бы метель *утихла*, так вот тут-то как раз она «сделала бы ничего». Она ПРЕКРАТИЛАСЬ бы.

Сложная и причудливая штука наш обыкновенный язык, как только над ним хоть немного поразмыслишь!

Кроме того, вот еще что. «Законченной» наша мысль в этих рассуждениях является лишь в том смысле, что ЕЕ МОЖНО И НЕ РАЗВИВАТЬ ДАЛЬШЕ. Она и в таком виде имеет определенный смысл.

КОТЫ ДЕРУТСЯ.

А какие именно КОТЫ и ЗАЧЕМ или ГДЕ они дерутся, это уже дело десятое. Что я вздумал, то я вам и сказал! Об остальном сами дознавайтесь!

Но любопытно вот что. Эта ЗАКОНЧЕННАЯ МЫСЛЬ может быть выражена, по крайней мере, с тремя различными ЦЕЛЯМИ.

Я могу ведь увидеть дерущихся котов и — если я старый человек, уже тысячи раз видевший такие кошачьи битвы! — равнодушно отметить этот факт: «Луна, мол, светит. Птицы не поют. КОТЫ ДЕРУТСЯ». (Все, словом, идет, как всегда.) Тогда мое предложение окажется ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫМ.

Но я могу и не понять, что это столь шумное происходит на крыше над нашим окном, и встревоженно СПРОСИТЬ:

КОТЫ ДЕРУТСЯ?

(Ну, скажем, если у меня самого есть любимый кот и я очень боюсь, чтобы он не пострадал как-нибудь в этих рыцарских турнирах.)

Теперь то же самое предложение станет уже ВОПРОСИТЕЛЬНЫМ. Наконец, еще одно. Допустим, мне десять лет и зрелище всякой битвы вызывает у меня восторг. Тогда я ворвусь в комнату с воплем:

КОТЫ ДЕРУТСЯ!

Мой вопль образует ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОЕ предложение.

После повествовательного надо поставить равнодушную точку, после вопросительного — крючковатый ЗНАК ВОПРОСА, а после восклицательного — острый, как выкрик, ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК.

Интересно то, что вовсе не безразлично, как расставлены мною слова. Далеко не любое их сочетание может образовать даже самое простое предложение и передать другим хотя бы самую незначительную, но законченную мысль.

КОТЫ ДЕРУТСЯ — предложение,
а вот: *Вчера коты над дерутся* — уже не предложение.

Чтобы сочетание из ДВУХ СЛОВ стало предложением, необходимо, чтобы ОДНО ИЗ ЭТИХ СЛОВ отвечало на вопрос «ЧТО ДЕЛАЕТ?» (со всеми его возможными изменениями: «делал, сделают, доделывали, будем делать» и пр.) Тогда оно станет как бы МОТОРНЫМ ВАГОНОМ в поезде городского трамвая.

Но нужно и второе слово: слово — ОБЫЧНЫЙ ВАГОН. Оно должно отвечать на вопросы «КТО? ЧТО?». Они должны быть сцеплены.

Слова второго типа мы теперь будем звать ПОДЛЕЖАЩИМ, а слово первого типа — СКАЗУЕМЫМ. Откуда взялись странные слова ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ, я расскажу в словарике в конце второй части.

Подлежащее и сказуемое называются ГЛАВНЫМИ ЧЛЕНАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (и я, собственно говоря, мог бы назвать моторным вагоном подлежащее — это было бы П О Ч Т И так же справедливо: оба главных члена равноправны).

Похоже!*

* Я позаимствовал это сравнение предложения с поездом из интереснейшей книги М.А. Колпанчи «Дружеские встречи с английским языком», за что хочу принести автору искреннюю благодарность: сравнение очень удачно!

А ЧТО, ЕСЛИ — ТАК?

Допускаю, что кто-нибудь задаст вопрос: а чем «ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ» главнее второстепенных? Ведь если я говорю: *Я поймал щуку* или даже *Я поймал громадную щуку*, то большая разница, поймал ли я *щуку* или *пескаря*, и ничуть не меньшая — поймал ли я *большую рыбу* или *крошечную*, будь они обе *щуками*!

Еще неизвестно, что ПО СМЫСЛУ важнее, что это поймал «Я» или что я «поймал ЩУКУ». Что «я ПОЙМАЛ» или что «пойманное» оказалось «ТАКОЙ ГРОМАДИНОЙ»?

Ну и как же? Вот как, мне кажется, это надо понимать. Ведь все-таки, если вы прибежите домой и скажете: *Я поймал*, ваши родные узнают существенную вещь: ИМЕННО ТО, ЧТО ВЫ ЧТО-ТО ПОЙМАЛИ. Если же вы пробормочете только: *громадную* или *щуку*, им придется гадать, так сказать, на пустом месте: что *громадную*? кто *громадную*? или даже что и кто —

ЩУКУ? Видел, видела, упустили или не видали, не поймали. Или вспоминали. Или, может быть, громадную тучу, громадную змею, громадную лужу. И там и тут как раз никакой законченной мысли в вашем бесформенном «сообщении» не обнаружится. Вот в этом-то и заключается различие между ГЛАВНЫМИ ЧЛЕНАМИ И ВТОРОСТЕПЕННЫМИ.

Я бы мог сделать и хуже: допустить, что вы кричали вообще громадную щуку!, не употребив ни одного из главных членов. Ну, тогда, как вам и самим ясно, из поднятого вами шума вообще ничего нельзя было бы узнать. Почти так же, как если бы вы произнесли только части слов: *щу...*, *...дную*.

Но более того: если бы мы с вами попытались беседовать, обходясь только одними простыми предложениями, речь наша оказалась бы довольно скучной и убогой.

Подумайте сами. Если я говорю: *Город возвышается. Улицы извиваются. Я живу. Дом строится*, вы узнаете очень мало, а мне примерно так же трудно становится продолжать речь, как, играя в шашки, найти следующий ход, когда я сам себя уже «запер».

Совсем другое дело, если я скажу так: *Город стоит на реке. Широкие улицы извиваются вдоль нее. Я живу в этом городе. Дом моих родителей строится*. Вы начинаете рисовать себе какую-то картину, а я получаю возможность вести свой рассказ дальше.

При этом довольно легко заметить, что слова в таких предложениях хитро связываются друг с другом: далеко не каждое слово и не с каждым другим может образовать прочную пару.

Например, ко «кто-что»-словам легко присоединяются «какой-какая-какое»-слова: так, со словом *улицы* хорошо сцепляется слово *широкие*, а вот слово *широко* с ним соединить нельзя: оно отвечает на вопрос «как?». Зато слово *широкие* никак не приспособишь к слову *дом*. Наоборот, слово *родителей* отлично к нему присоединяется: оно отвечает на вопрос «чей?»; а к слову *родителей* уже можно приложить слово *моих*, которое ответит на вопросы «чьих?» или «каких?».

ПОЛОМАЕМ НЕМНОГО ГОЛОВУ

Кажется, все, что я вам только что рассказал, до того уж просто! Любой третьеклассник да и второклассник побойчее скажут, что это — сущая ерунда...

Хорошо! Тогда ответьте мне, почему в школьном учебнике (и второго класса и следующих), когда речь заходит о главных членах предложения, почти всегда они называются именно так: «ПОДЛЕЖАЩЕЕ и СКАЗУЕМОЕ», а не «СКАЗУЕМОЕ и ПОДЛЕЖАЩЕЕ»? Как по-вашему, есть для такого порядка какие-нибудь основания или слова тут расположены случайно, как вздумалось, с бухты-баракты и можно бы их поменять местами?

Подумайте: вы вышли из дома на улицу. Что прежде всего с вами случается? Вы ВИДИТЕ, вы СЛЫШИТЕ, вы ОЩУЩАЕТЕ. Что вы видите? Прежде всего — различные ПРЕДМЕТЫ: дома, набережную, волны на реке. Что вы слышите? Опять-таки различные РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЙСТВИЙ: грохот, свист, шум ветра, вскрики чаек. Вы и зрением, и слухом, и осязанием быстро начинае-

те отмечать разные качества всех этих предметов: яркую краску одних, неприятный звук других, шершавую поверхность гранитного парапета, острый холодок свежего ветра с моря, быстрый бег облаков по синему небу.

Но заметим себе вот что: я могу видеть, что дом выкрашен красной краской, я могу замечать, как передвигается облако, но я не могу ощутить САМОЙ КРАСНОТЫ или САМОГО БЕГА ОБЛАЧКОВ... Можно прекрасно представить себе ЗЕЛЕНый ЛИСТ, ЗЕЛЕНое ПЯТНО КРАСКИ, даже ЗЕЛЕНый СВЕТ... А вот попробуйте вообразить себе «САМУ ЗЕЛЕНОСТЬ». Сомневаюсь, чтобы вам это удалось.

Совершенно так же вы, смотря на облако, можете видеть, как оно п е р е д в и г а е т с я. Но не думаю, чтобы вы смогли представить себе сам БЕГ. Нет, не БЕГ ОБЛАКА — тогда вы и увидите БЕГУЩЕЕ ОБЛАКО, — а, так сказать, БЕГ НИЧЕГО: не облака, не волны, не мячика. БЕГ сам по себе... БЕГ вообще...

Не кажется ли вам, что именно поэтому мы прежде всего обращаем свое внимание на ВЕЩИ, ПРЕДМЕТЫ, на то, к чему можно прикоснуться, что можно ощупать, оглядеть, осмотреть, постучать — не звучит ли, и что, главное, можно НАЗВАТЬ. Вот это — дерево, а там вон — скала, а наверху — птицы, а в воде — рыбы. Потом уже мы соображаем, что у всех этих предметов есть разные качества: этот — побольше, тот — поострее, третья — поголосистей, четвертое — самое блестящее. Мало-помалу мы начинаем понимать и другое: все эти существа или предметы либо что-то д е л а ю т, как-то д е й с т в у ю т, либо же с ними п р о и с х о д и т что-нибудь. Может быть, даже,

как я уже говорил, они как раз НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЮТ, но ведь и ничего не делать — тоже какое-то, хотя и не очень-то похвальное, занятие.

Так вот: нам различить в мире предметы гораздо легче, чем самые действия или самые их свойства... Когда вас спрашивают «что?» или «кто?», вы легко можете представить себе хоть паука в паутине, хоть росу на траве, хоть лекарство в баночке. А вот когда у вас спросят: «Что делать?», вы наверняка воображаете не просто действие, а действие кого-то или чего-то. Ну, к примеру: *идет* вам вообразится в виде идущего поезда. Или идущего хронометра-часов. Или как ваша мама идет по улице. Может быть, даже как «время идет»: знаете, как в кино — быстро-быстро сменяются листки календаря... Но только не самое «идение».

Отсюда вытекает как будто, что САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ — это обязательно подлежащее...

Да ведь как сказать? Если вы представите себе дома, которые только существуют, или самолеты, которые замерли на аэродроме, или ракету, тяжело лежащую на выставочном стенде, или своего приятеля, руки по швам остановившегося перед вами и даже не мигающего глазом, — вы почувствуете себя неуютно в этом мертвом мире.

Вы поймете, что по-настоящему все существующее только тогда и существует, когда оно действует. И именно поэтому член предложения, выражающий действие, отвечающий на вопрос «что делаем? что делали? что будут делать?», ТАКЖЕ достоин называться ГЛАВНЫМ его ЧЛЕНОМ.

ПОРЯДОК ИЛИ БЕСПОРЯДОК?

Вы можете сказать: *Я сегодня читал газету*. Все именно так вас и поймут. Скажите: *Газету я сегодня читал*. Вас опять-таки поймут точно так же. Наконец, переставьте слова еще по-новому: *Читал я газету сегодня*, — и снова ничего существенного не изменится. Немного потяжелее сказано, и только!

Иначе говоря, в нашем поезде с одним локомотивом, одним большим вагоном и многими товарными-маленькими вы можете довольно спокойно перецеплять их по-разному. Даже если локомотив окажется в середине состава или в самом его хвосте, он будет тянуть и толкать вагоны, и они отправятся именно туда, куда вам нужно.

А что, это так бывает всегда и всюду?

Никак нет! Например, в английском языке ничего подобного быть не может. В английском языке, в повествовательном предложении, например, ПОДЛЕ-

ЖАЩЕЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЛЖНО СТОЯТЬ ВПЕРЕДИ СКАЗУЕМОГО, а ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ выстраиваются уже за этой парой.

Мы, русские, вправе сказать как хотим:

1. Коля гладит собаку

или

2. Собаку гладит Коля.

Англичанин же никак не может поставить подлежащее на конце. Если он употребит такой порядок слов, как в моем примере № 2, его поймут так, что «СОБАКА гладит КОЛЮ» — и, естественно, очень удивятся.

От чего зависит такая разница между двумя языками? Позвольте мне предложить вам странную «ФРАЗУ»:

БИГЛЫЙ ЛЕНЕРЯТНИК ЧУХНО КРУКНУЛ ПОРИСТИШКУ.

Подумайте: понимаете ли вы в этом ПРЕДЛОЖЕНИИ хоть одно слово? Конечно, нет! А тем не менее если я попрошу вас подчеркнуть мне в нем одной чертой подлежащее, двумя сказуемое и тремя второстепенные члены, то, не сомневаюсь, вы это сделаете с легкостью:

Р) БИГЛЫЙ ЛЕНЕРЯТНИК ЧУХНО КРУКНУЛ ПОРИСТИШКУ.

Теперь я попробую вам предложить модель английского предложения (модель — в ней не будет ни одного английского слова):

А) ДЖЕР КУКС ПОР САМИ НУК.

Сможете ли вы здесь узнать, где что? Нет, не сможете, если не знаете, что значит каждое из этих слов.

Чтобы сообразить, в чем разница, я переделаю «русское» предложение (Р) вот так:

БИГЛ ЛЕНЕР ЧУХН ПОРИСТ...

Теперь, ручаюсь, вы уже и тут не разберетесь. А что я сделал? Я оставил от каждого слова лишь те их части, которые должны передавать (если это русские слова) сам их СМЫСЛ. А убрал в основном те частички, которые лишь показывают, на какой именно вопрос каждое слово отвечает и с каким другим словом оно поэтому может быть связано.

На какой вопрос отвечает «слово» БИГЛ-ЫЙ? Вы уверенно говорите: на вопрос «какой?» (как *бег-л-ый!*). А ЛЕНЕРЯТНИК? На вопрос «кто? что?» (как, предположим, *тетерев-ятник* или *перепел-ятник*). ЧУХНО может ответить на вопрос «как?», подобно *слав-но* или *чуд-но*, а ПОРИСТИШКУ на вопрос «кого?», как на него отвечает слово *зайчишку* или *хвастунишку*.

В русском языке громадное большинство слов имеет внутри себя кроме основной, передающей смысл части еще и разные малые частички, указывающие на то, как и с каким другим словом в предложении оно связано.

В английском языке таких «частичек» (я временно взял это неточное обозначение; потом мы будем уточнять их названия, потому что их много) не существует. Там связи между разными ЧЛЕНАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ определяются как раз «частями самих слов», а главным образом — их порядком в предложении.

Поэтому нам как раз можно сказать и *Папа наказывает сынишку* и *Сынишку наказывает папа* — значение остается тем же. А по-английски получится: *Папа*

наказывает сынишка и Сынишка наказывает папа, и понять, кто же тут кого «учит», невозможно; точнее, всегда тот, кто стоит первым, тот и есть главное действующее лицо. ПОДЛЕЖАЩЕЕ! Он и наказывает!

Как хорошо, что у нас в русском языке такая полная свобода на этот счет! Ну, полная, да тоже не до бесконечности... Я уже приводил раньше примеры из стихотворений знаменитого русского поэта А.А. Фета. Фет любил довольно свободно обращаться с порядком слов в каждом из своих предложений. В одном стихотворении на древнегреческую тему он допустил такую строчку:

В какой свои стада пасешь ты стороне?

Великий писатель наш Иван Сергеевич Тургенев не простил Фету такой вольности. «Уж коли подделываться под Петрова (так звался давно забытый поэт, живший еще в XVIII веке, задолго до Пушкина. — Л. У.) — так лучше так поставить слова:

«Пасешь в какой стада свои ты стороне?» —

написал он ему. Ведь и верно: по-русски проще всего следовало бы выразиться так:

В какой стороне пасешь ты свои стада?

Фет в этом стихотворении хотел передать не только смысл, но и самый дух древнегреческой и римской поэзии; а в ней такой причудливый, не употреб-

ляющийся в простой речи порядок слов был очень принят.

*В новые понуждает [меня] вдохновенье
превращенные описывать формы тела! —*

так начинает свою гениальную поэму «Метаморфозы» («Превращения») великий римский поэт Овидий Назон. Фет хотел в чем-то уподобиться Овидию. В русском языке это возможно, хотя и тяжеловато. А вот в английском поступить так было бы просто немыслимо.

НЫРНЕМ В ГЛУБЬ СЛОВА

Последние 100 лет физики все глубже и глубже забираются внутрь ядра атомов, из которых построены все тела нашего мира. Слово А-ТОМ значит по-гречески — «такой, который нельзя разделить». Но когда ученые его все-таки разделили (а без этого не могла бы работать ни одна атомная электростанция!), то они увидели: и каждая часть атома тоже может быть разделена на еще более мелкие частицы. Разделили эти — и снова они оказались делимыми. И не видно этому конца-края...

По нашему с вами счастью, такой бесконечной делимости у наших языка и речи нет. Речь делится на предложения, предложения на слова, слова...

А вот тут-то и следует призадуматься. Мы уже видели, что слова можно разбивать на слоги. Но это было какое-то НЕ ТО деление. Слова имели смысл, а слоги его не имели... И звуки, каждый сам по себе,

тоже были лишены значения (кроме тех случаев, когда они образовывали слова «длиной в один звук» — вроде *и, а, к, в* и прочих).

Но вот теперь мы наткнулись на части слов, каждая из которых в свою очередь что-то меняет в значении слова. Значит, приходится думать: она и сама что-то значит.

Загляните в предыдущую главу. Там я указывал в русском языке на такие части слов, в которых ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ИХ (СЛОВ) СМЫСЛ, и на такие, которые указывают только, с каким словом и как можно это наше слово связать.

Может быть, некоторые подумали, что, следовательно, эти малые частички, как я их назвал, и вовсе лишены собственного смысла, значения?

Нет, это не совсем так.

Возьмем прежде всего такие слова, которые целиком состоят из одной только ЗАКЛЮЧАЮЩЕЙ ИХ СМЫСЛ части:

ДОМ. ДУБ.

Сравним с ними такие слова, как *дуб-ОК* и *дом-ИК*, *дуб-ИЩЕ* и *дом-ИЩЕ*, *дуб-ОВЫЙ* и *дом-ОВЫЙ*. Я думаю, вы теперь сами видите, что эти, как мы их снисходительно назвали, частицы — *-ОК* и *-ИК*, *-ИЩЕ* и *-ОВЫЙ* имеют каждая свое весьма определенное значение. Да ведь, разбираясь в диковатой подделке под «русское» предложение: БИГЛЫЙ ЛЕНЕРЯТНИК... — и так далее, мы уже имели случай убедиться в этом.

Вы видите, что хотя «частиц» этих в грамматике и несколько меньше, чем у нынешних физиков-

ядерщиков, но их тоже немало: **-ище** — это одно, **-ок** или **-ик** — это другое, **-ов** — третье, **-ый** — четвертое. А ведь я мог бы еще взять такие слова, как *наДОМ-Ный* или *ПодДУБный*, и мы столкнулись бы еще с новым видом их: «стоящие перед основной частью слова».

Чтобы не запутаться, мы поступим разумно, если станем рассматривать все это множество в какой-нибудь очередности, а не все вместе.

КОРЕНЬ СЛОВА

Помню, когда я был во втором классе, у самого плохого нашего ученика преподаватель спросил как-то раз: «Что такое корень слова?» Он долго молчал, судорожно натягивая пальцами обшлага рукавов на кулаки, и наконец выдавил: «Это корневище такое!»

Так вот: корень — это не корневище! Рассказывать, что он собою представляет, можно по-разному. Можно и так.

Помните, как на странице 127 мы с вами разговаривали о родственных словах: *лов*, *ловкий*, *наловить*, *ловчила*, *выловить* и множестве других?

Можно было бы подобрать еще любое число подобных семейств:

ВОД-а, ВОД-ян-ой, на-ВОД-нение, под-ВОД-н-ый...

ГАЗ, ГАЗ-о-вый, за-ГАЗ-ов-ать, ГАЗ-о-свет-н-ый...

Легко заметить, что в таких словах не все их части ведут себя одинаково. Есть такие, которые ничем

не похожи друг на друга: *рук-А, рук-Овод*. Есть другие: они если и видоизменяются, то лишь не намного и по особым законам: **РУК-а, РУК-овод, РУЧ-ка**. Вот эти-то ПОЛУНЕИЗМЕННЫЕ части и называются **КОРНЯМИ** слов. Слова С ОДНИМ КОРНЕМ считаются **РОДИЧАМИ**.

Обыкновенно отмечают: **РОДСТВЕННЫЕ СЛОВА БЛИЗКИ ПО СМЫСЛУ**. Ну, может быть, стоило бы сказать прямее и смелее: родственные слова потому близки по смыслу, что все они содержат в себе один и тот же корень, а именно **КОРЕНЬ**-то и несет в себе **ГЛАВНЫЙ, ОСНОВНОЙ** смысл слова.

Пожалуй, это будет точнее; потому что, если не поставить вопрос именно так, можно будет подобрать, допустим, вот какую гроздочку слов:

тел-ёнок, жереб-ёнок, цыпл-ёнок, ут-ёнок, льв-ёнок

и указать на общую всем им часть — **-ёнок** как на «корень». Ведь надо признать, что именно она придает этим словам «близкое значение». Все они называют «детенышей». Однако никаким «корнем» часть слова **-ёнок** никогда и нигде не бывала. Корнями во всех этих пяти словах являются как раз те их несходные части, выделенные курсивом.

Так вот, значит: можно в утверждении «**КОРНЕМ СЛОВА НАЗЫВАЕТСЯ** та часть **РОДСТВЕННЫХ** слов, которая встречается во всех них и придает им общий смысл», приналечь на то, что это — слова **РОДСТВЕННЫЕ**, и именно **п о т о м у** общая часть их называется «корнем» и придает им общий смысл. А можно, наобо-

рот, напереть на то, что часть эта имеет определенный смысл, главный смысл слова: и все слова, в которые она входит, становятся родственными потому, что у них оказывается один **ГЛАВНЫЙ, ОСНОВНОЙ СМЫСЛ**.

Придавая **ОДНОМУ КОРНЮ** разные частицы — мы скоро узнаем их названия, — мы получаем разные, но родственные, то есть с близким значением, слова.

Прибавляя к **РАЗНЫМ КОРНЯМ** одну и ту же «частицу слова», мы будем получать слова не родственные, но тем не менее как бы составляющие одну группу. На странице 127 я подобрал целое «большое гнездо» **РОДСТВЕННЫХ СЛОВ С КОРНЕМ ЛОВ**.

Позвольте сейчас собрать вместе, пусть значительно меньше, но тоже «порядочно» слов, для которых общим является следующая часто за корнями часть **-ник**:

соболятник	троечник	кадочник
подшефник	горшечник	лодочник
политехник	игрушечник	сказочник
табачник	яличник	шпаргалочник
собачник	пограничник	стрелочник
калачник	пряничник	будочник
башмачник	тряпичник	многостаночник
балалаечник	коробочник	пятерочник
фуражечник	трубочник	перчаточник
двоечник	лавочник	

Если вы теперь внимательно изучите все 29 собранных тут вместе слов, оканчивающихся на **-ник**, вы заметите, конечно, что — в несколько другом смысле, правда, — их тоже стоило бы, может быть, признать

«родственными». Ведь большинство из них имеет общее значение: «занимающийся тем, что обозначено корнем».

Соболятник — ловит соболей, *двоечник* — получает двойки. *Башиачник* — делает (тачает) башмаки; *сказочник* — сочиняет сказки.

Верно: точно так же оканчиваться на **-ник** или **-чник** могут и слова, которые будут иметь совершенно не похожие значения: *гале-чник* — место, покрытое галькой, *пробо-чник* — приспособление для вытаскивания пробок из горлышек бутылок... Возможны ошибки!

Да, но ведь мы уже видели — там, в первой части книги, — что и с корнями слов вполне возможны такие же недоразумения: *дом* и *домовитый* — близкие родственники, а *дом* и *дом-крат* — ничуть.

Пар и *парник* — можно сказать, дядя и племянник, а вот *парк* и *припарка* могут быть даже не знакомы друг с другом. Таким образом, будем считать, что наша формула такова:

Родственными называются слова, содержащие общую для них часть, ту, которая включает в себе основное значение слова и называется его корнем.

По-моему, теперь все ясно.

А ЕЩЕ ЧТО ТАМ ЕСТЬ?

Каждому из нас, наверное, доставалось в детстве на орехи за стремление любую игрушку развинтить, разобрать и посмотреть, что там, внутри.

А ведь надо сказать, не такое уж это плохое стремление. Все науки наши занимаются этим же самым: вот и сейчас мы с вами «развинчиваем» слово и любопытствуем, как оно устроено.

Хорошо, конечно, что, разобрав СЛОВО, нам ничего не стоит снова собрать его по-прежнему. С заводным игрушечным танком дело обстояло куда сложнее.

Итак, в центре слова мы находим его КОРЕНЬ. Он, так сказать, «бросается в глаза». Пока слово не живет, пока мы его записали и оставляем неподвижным, может случиться так, что, кроме корня, в нем ничего и не обнаружишь.

КОТ

Вот вам и слово, и оно же корень. Ничего другого в нем не заметно.

Но вот я слышу: «Поймай мне КОТ-а!», «А что ты будешь делать с КОТ-ом?», «А я хочу дать КОТ-у молока», «Да что ты мне все о КОТ-е да о КОТ-е... Даже надоело!»

Слово вступило в связи с другими словами, и у него появилась новая дополнительная часть. Как бы крючок или петелька, стыковочное приспособление, при помощи которых оно и сцепляется с другими словами, потому что и у них есть в свою очередь такие же «зацепки».

Стоит отметить: само слово *кот* отвечало на вопрос «кто?». А вот получив эти дополнительные зажимочки и защелочки, оно начало отвечать сразу же на другие вопросы:

Поймай (кого?) КОТ-а!

Дай молока (кому?) КОТ-у!

Что будем делать (с кем?) с КОТ-ом?

Ты все (о ком?) о КОТ-е.

Эти **-а**, **-у**, **-ом**, **-е** называются **ОКОНЧАНИЯМИ СЛОВ**.

Трудно представить себе, чтобы кто-нибудь не заметил:

КОРЕНЬ слова остается в речи НЕИЗМЕННЫМ.

А вот **о к о н ч а н и я** все время меняются. Мы благодаря этому говорим, что «меняется СЛОВО». И как раз эти изменения (то есть эти изменчивые **ОКОНЧАНИЯ**) позволяют нам увязывать слова в разговор, в письмо, в устную или письменную речь.

Заметим: то, что русские слова изменяются, это **ЗАКОН** нашего русского языка. В мире бывают как

языки, похожие в этом смысле на русский, так и не похожие на него: такие, у которых слова, связываясь, не меняются, не получают разных окончаний и соединяются друг с другом совсем иными способами.

Так, например, в болгарском языке, для того чтобы сказать: *коту*, само слово *кот* не надо изменять, но ему предшествует предлог *на*: *коту* — по-болгарски *на кот*.

То же и в английском языке. *Кот* — по-английски *The cat* [зе кэт]. А *коту* будет звучать: *to the cat* [ту зе кэт]. Слово не меняется, а его сцеплению с другими помогают такие же примерно слова, как наши *в*, *с*, *к*, *от*, *на* и так далее. Русский же язык придает своим **ОКОНЧАНИЯМ** чрезвычайно большое значение, которое так существенно, что ученые, видя, что слово *кот* изменяется окончаниями так: *кот*, *кот-а*, *кот-у*, *кот-ом*, *о кот-е*, считают разумным говорить, что и там, где мы не замечаем **НИКАКОГО ОКОНЧАНИЯ** — *кот*, оно на самом деле все-таки существует. Только оно является тут «н у л е в ы м», то есть «никаким» окончанием. «Никакое», а все-таки **е с т ь**!

ОКОНЧАНИЕ — НА КОНЦЕ. А В НАЧАЛЕ?

Вот есть такое слово: «ПРИ-СТАВ-К-А. А, стоящее на его конце, конечно, окончание, СТАВ — это явный корень. А вот что собою представляет **при**?

ПРИ — это и есть при-ставка!

Помните, мы в первой части книги рассматривали маленькие словечки: *в, из, к, на, от, по, с, у?* Мы могли бы спокойно прибавить к ним и такие, как *при, за, под* и другие. Они были самыми настоящими словами: в предложении мы, естественно, встречали их стоящими отдельно от других слов.

У нас ПОД домом есть ПОДвал.

Машина Въехала В гараж.

Заступись ЗА меня!

Не странно ли, что, оказывается, такие словечки (пора уж нам назвать их не общим именем — СЛУ-

ЖЕБНЫЕ СЛОВА, а специальным — ПРЕДЛОГИ, потому что есть среди служебных слов и НЕпредлоги!) — могут иногда быть самостоятельными, а порою как бы прирастать к началам других, не служебных, слов и таким способом ПРЕВРАЩАТЬСЯ В ПРИСТАВКИ!

Ну, это, конечно, не совсем правильно сказано: ни вы, ни я, никто из наших современников никогда не наблюдал да и не сможет наблюдать такого мгновенного «превращения»: только что был ПРЕДЛОГ — и вдруг он стал уж ПРИСТАВКОЙ.

Но ученые, изучающие ИСТОРИЮ ЯЗЫКОВ (и русского, и немецкого, и других), утверждают, что такой процесс происходил: многие приставки и на самом деле образовывались из предлогов, только случилось это никак не вдруг, а за очень долгое время, и когда такое произошло, мы теперь можем узнавать только благодаря разным сложным умозаключениям. К тому же так образовались НЕ ВСЕ ПРИСТАВКИ.

Полезно заметить, что как только приставка присоединяется к слову, оно, слово, сейчас же меняет свое значение, даже становится совершенно новым, другим словом. Одно дело: «солнце ХОДИТ по небу». Совершенно другое дело: «солнце ЗА-ходит» или «солнце ВОС-ходит» (кстати, вот вам и пример: рядом с приставкой *за-* мы встречаем и предлог *за*, а вот предлога «*вос*» мы, сколько бы ни искали, никогда в русском языке не обнаружим!).

Вот, пожалуйста, стихи, которые я заучил в детстве: в них вы найдете довольно богатый выбор разных приставок:

*ПРИ*шла с поля девица,
Белая метелица.
*Щечки НА*румянила,
*Глазки ЗА*туманила,
*ЗА*плясала бóсая,
Простоволосая...
*ПРИ*читала девица,
Белая метелица:
«Охти мне, Устала я!»

Здесь четыре разные приставки: НА-, ЗА-, ПРИ- и У-. Для каждой из них можно подобрать соответствующий ей предлог. Вся разница в том, что предлоги ПИШУТСЯ ОТДЕЛЬНО от других слов, а приставки сливаются с ними и ПИШУТСЯ СЛИТНО.

Но тогда как же различить, где перед нами ПРЕДЛОГ, а где ПРИСТАВКА?

Есть очень старое и очень верное средство для этого. В тех случаях, когда перед вами ПРЕДЛОГ, всегда можно между ним и идущим за ним вослед словом вставить мысленно либо вопрос, соответствующий этому предлогу, либо же какое-нибудь слово, связанное с тем, которое стоит ЗА предлогом.

Вот в этом небольшом отрывке из стихотворения нигде нельзя такой вставки сделать. Нельзя сказать: «НА хорошо румянила», «ЗА весело плясала». Ничего не получается. Это все — ПРИСТАВКИ.

А теперь, если вспомним строчку из пушкинского «Медного всадника»:

*По миистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там... —*

мы увидим, что поэт и сам уже вставил между ПРЕДЛОГОМ *по* и существительным *берегам* — тем словом, к которому это *по* относится, — целых два слова, отвечающих на вопрос *к а к и м?*: *миистым* и *топким*. Сомнения нет, перед нами — ПРЕДЛОГ.

ЕЩЕ ОДНА ЧАСТЬ СЛОВА

Возьмем слово *глаз-к-и*. Где у него КОРЕНЬ? Ясно — **глаз**, мы ведь можем найти немало РОДСТВЕННЫХ слов с тем же корнем:

ГЛАЗ-астый

ГЛАЗ-ница

косо-ГЛАЗ-ый

Где у него окончание? Тоже ясно — **-и**; *глаз-к-и*, *глаз-к-ами*, *глаз-к-ам*. А теперь спрашивается: что же представляет собой частица **-к-**? Не корень, не окончание, не приставка...

Вы правы: это особая и очень важная часть наших русских (и не только русских, но и — **не** всех в мире!) слов. Называется она не так просто, как все другие нами изученные части его: СУФФИКС.

...Пожалуй, я тут назову вам еще одно слово, которого обычно в школе не произносят: АФФИКС.

Так именуются все части слова, кроме корня и окончания. Те из них, которые стоят в слове ВПЕРЕДИ корня, называются ПРЕ-ФИКСАМИ (или, иначе, ПРИ-СТАВКАМИ). Расположенные ЗА корнем получают наименование СУФ-ФИКСОВ — «подставок», если перевести буквально. Наконец, — правда, не в европейских языках (там она встречалась лишь в древности) — есть и еще одна часть слова: ЫН-ФИКС («вставка»). Она вставляется, как клин, в середину самого корня, как бы раздвигая его в обе стороны. Нам же сейчас важно приглядеться именно к «СУФ-ФИКСАМ» — они в нашем языке имеют очень важное значение.

Чем занят СУФФИКС? Он, так же как и ПРЕ-ФИКС — приставка, придает слову новое значение. Может быть, точнее будет сказать так: СУФФИКС НЕ-СКОЛЬКО ВИДОИЗМЕНЯЕТ значение КОРНЯ слова; сейчас мы посмотрим — как?

Вот КОРЕНЬ: **нож**.

Я прибавлю к нему СУФФИКС **-ик**, и слово, сохраняя тот же корень, приобретает новое значение — «небольшой нож». Небольшой, но все-таки «нож». Подумав, можно отметить, что корень остался тем же, но стал составной частью нового слова: следовательно, что-то изменилось и в нем самом. Так, скажем, как если я вижу даже очень толстую иглу, она остается толстой иглой. А если я вставляю ее в деревянную рукоятку, ИГЛА уже становится ШИЛОМ.

При помощи СУФФИКСОВ МОЖНО ИЗ ОДНИХ СЛОВ ДЕЛАТЬ ДРУГИЕ.

Вот я беру слово *школь-ник*.

А теперь я суффикс **-ник** меняю на суффикс **-ниц** + а. Слово стало значить не «ученик-мальчик», а «ученик-девочка».

Теперь в том же слове *школьник* я меняю суффикс **-к** на суффикс **-ч** + ий. Получилось слово *школьничий*, однокоренное нашему первому слову, но обладающее совсем отличным от него значением. Любопытно, что суффиксы обладают способностью, так сказать, нанизываться или, вернее, прислоняться друг к другу, образуя довольно длинные цепочки, или комки, внутри слов.

Подумайте над словами:

ТОЛСТ-оват-еньк-ий

ЧЕРЕПАШ-он-о-ч-к-а

ПРЕмногорассмотрительствующий*.

А что, если вам самим взяться за поиски еще более многосуффиксных слов? Я вполне допускаю, что вы можете намного превзойти меня. Особенно если возьметесь за это дело в спортивном порядке, вдвоем или впятером! На соревнование!

ЗАМЕЬТЕ!

Уже довольно долго я разбираюсь с вами в СОСТАВЕ СЛОВ, и еще ни разу не пришлось мне сказать: ВОТ ПЕРЕД ВАМИ ЗАКОН ЯЗЫКА, а ВОТ — ПРАВИЛО.

Это по простой причине: во всем, что относится к МОРФОЛОГИИ — то есть учению о том, из каких частей слово состоит, — нам не приходится применять никаких ПРАВИЛ, которые были бы нарочито, по договоренности, для общего удобства ПРИДУМАНЫ. Тут все происходит по глубоким ЗАКОНАМ именно нашего, РУССКОГО языка.

В самом деле, вот правило: «Предлоги пишутся отдельно, приставки — слитно». Но ведь оно подтверждается самим языком: между предлогом и следующим за ним словом можно вставить еще слово, или два, или, при искусстве, даже пять, даже целое предложение. *Вчера НА (этом, уже почти окончательно оттаявшем под апрельским солнцем, которое стало пригревать все сильнее да сильнее) ЛУГУ мы отыскивали три первых желтеньких цветка.*

Видите, какой мощный словесный клин!

Значит, пока что правила соответствовали законам.

* Такое словечко встречается в одном из произведений русского писателя Н.С. Лескова.

ПОВТОРЕНИЕ — МАТЬ УЧЕНИЯ

Пословица эта заслуживает внимания уже потому, что ее выдумали еще римляне две с лишним тысячи лет назад. Справедлива она или нет — судите сами.

Я не слишком склонен без конца повторять одно и то же. Вам-то хорошо: вы что-то прошли в первом классе, что-то во втором. Между тем и другим прошло 365 дней: не грех и повторить то же самое, что уже подзабылось. Мне хуже: во-первых, с тех пор как я вам ЭТО рассказывал, не прошло еще и полгода, а главное — я и без повторения все ЭТО знаю.

Но давайте повторим: как раз эти самые противоречия устного и письменного языка причиняют школярам уйму неприятностей. Вслушиваешься во время диктовки в оба уха, кажется, «выслушал» все до тонкости, и вдруг — ошибка!

Между нами говоря, не могу сказать, чтобы в таких ошибках, о каких сейчас пойдет речь, были бы винова-

ты на все сто сотых частей вы. Отчасти виновниками можно признать и тех ученых разных времен, которые устанавливали, как и м е н н о разные н е я с н ы е звуки русского языка должны изображаться на бумаге. А иногда и того пуще: как (в определенных случаях) нужно о ч е н ь я с н о с л ы ш и м ы й звук писать НЕ ТАК, КАК ВЫ ЕГО СЛЫШИТЕ, а совсем по-другому.

Можно спросить себя: а почему все-таки нельзя устроить так, как когда-то того хотел Василий Кириллович Тредиаковский, чтобы каждому «звону» (то есть звуку. — Л. У.) соответствовала «лично его буква», и при этом только одна? И чтобы, увидев какую-нибудь букву, каждый мог уверенно сказать: раз написана она, значит, выговорить я должен вот такой-то звук, и притом один-единственный.

Если бы сделать так даже и оказалось возможным, то положение учащимся это бы ничуть не облегчило.

Наше письмо складывалось в течение долгих-долгих веков, понемногу накапливая то одни, то другие правила, и нередко одни из них волей-неволей начинали противоречить другим.

Расскажу вам одну историю.

В нашем языке, собственно говоря, нет настоящего ЗВУКА Ф. Если вы встретите где-нибудь слово, у которого в начале, в середине или в конце стоит буква Ф, спорьте на что хотите: оно — не русское по происхождению (конечно, мы не будем принимать в расчет всяких восклицаний: *фу!*, *фи!*, *уф!*, — и тех слов, которые можно образовать от них, приставив к ним разные суффиксы: *фукнуть*, *фыркнуть* и тому подобное...).

А ведь БУКВА-то **Ф** у нас есть? Зачем же она нам и откуда взялась?

Дело в том, что мы свою азбуку позаимствовали у македонских славян, а те взяли ее у греков. Для чего они ее у них взяли? Греки придерживались христианской религии, славяне-македонцы приняли от них христианство и получили от своих вероучителей множество священных книг. Чтобы можно было эти книги перевести на славянские языки, ученые-македонцы по образцу греческой составили свою, славянскую азбуку. Но у греков был звук **Ф**, да даже не один, а два. И, переделывая их азбуку, приспособляя ее для своего языка, македонские ученые монахи никак не рискнули отказаться от этих букв: как же, ведь даже самое слово *Бог* (по-гречески *Феос*) начиналось с буквы **Ф**!

Так — вам это, может быть, и неизвестно, потому что второе **Ф**, так называемая *фита́* упразднено в нашей азбуке с 1918 года — обе буквы для обозначения несуществующих звуков сохранились в нашей азбуке надолго, а одной из них мы пользуемся и сейчас.

Впрочем, погодите! Стараясь растолковать все как можно яснее, я допустил одну неточность, и очень важную.

Вот слушайте, опять «Сказка о царе Салтане...»:

*В сени вышел царь-отец,
Все пустились во дворец.*

Сравните (на слух) эти два стиха с такими:

*Видит, весь сияя В Злате,
Царь Салтан сидит В Палате...*

Ведь в первых двух стихах мы произносим — и при том совершенно ясно! — не *в-се*, а [**ф**-се]; не *в сени*, а [**ф**-сени]. Вот во второй паре строк в словах *видит*, *весь* и даже *в злате* мы также ясно выговариваем звук **В**. А *в палате* — опять слышится [**ф**-палате]. Причем, если вы вдруг решили бы — так, ради любопытства — впредь произносить такие сочетания звуков с ясным **В**, вскоре на вас обратили бы внимание окружающие: «Что это ты так странно говоришь, как иностранец?!»

Вглядитесь: **В** выговаривается как **В** везде, где за ним следует гласный звук. То же происходит, когда за ним стоит звонкий согласный. Там же, где **В** предшествует глухому согласному, оно само становится глухим. А глухое **В** ЗВУЧИТ КАК **Ф**.

Этого мало. Возьмем еще строки:

*У нее для этих слов
И ответ уж был готов...*

И первая строка, и вторая одинаково, при чтении вслух, оканчиваются ясно слышным звуком **Ф**: [*слоф*, *готоф*]. Следовательно, прибавим: **В** начинает звучать глухо, то есть как **Ф**, и на конце слов. Теперь понятно. Тем, кто устанавливал некогда правописание буквы **В**, естественно, казалось недопустимым, чтобы у нее в разных случаях получалось разное звучание. Предлог **В** звучит как несомненное **В**, когда мы берем его само по себе. Так будет же чрезвычайно неудобно тут писать его как **В**, а всюду, где тот же звук попадает на конец слова или перед глухим согласным, вместо того же самого **В**, даже когда оно остается «словом», «предло-

гом» (например, **в палате**), вдруг ставить букву **Ф**: **ф палате**.

Естественно, что, подумав, пришли к решению: «Там, где **В** слышится то так, то эдак, писать его всегда как **В**».

Значит, как бы ясно ни слышали вы три **Ф** в предложении:

Пустослов Петров невзлюбил коров, — придется вам писать все три слова так, как я их тут изобразил.

Вы скажете: это же очень, неудобно! Но согласитесь, что писать **ф саду**, а рядом **в огороде** было бы, пожалуй, не более удобно. **Весь**, но **фсе**, **ф Сибири**, но в *Ливии*... Отсюда и родилось правило:

Когда встречаешь звук Ф в конце слова или внутри него, но перед глухим согласным, попробуй подыскать такое родственное слово, где этот же звук оказался бы перед гласным или звонким согласным, и тогда пиши ту букву, которая окажется написанной там.

Давайте придерживаться его.

Вы думаете, на паре **В-Ф** дело и кончается? Нет, так мы не должны думать, потому что уже обсуждался этот вопрос в первой части книги. Я сейчас вернусь к нему отчасти ради «повторенья — матери ученья», отчасти же для того, чтобы показать вам, как иногда сложно обстоит дело с возникновением в нашем правописании таких хитроумных вопросов и как выходит оно, правописание, из этих каверзных положений. Ведь они возникают у нас постоянно. В той же «Сказке о царе Салтане...» я без труда насчитал сейчас сто

таких случаев, когда звуки, существующие в звонких и глухих разновидностях, оказываются в сомнительном положении, находясь перед глухими согласными, и двадцать шесть таких, где они же вызывают сомнение, попадая на концы слов.

Я не могу прозакладывать голову, что подсчет этот безукоризненно точен: ведь я сделал его наспех, вот сейчас. Возьмите «Сказку о царе Салтане...» и проверьте меня — это довольно любопытная работа.

Но одно верно: такие случаи с этими парными согласными возникают сплошь да рядом; правило, которое я только что привел, надо хорошо помнить и уметь применять.

Я уже рассматривал с вами и другое расхождение ПРАВИЛ нашего правописания с ЗАКОНАМИ нашего же языка.

Оно зависит от той особенности его, языка русского, что в нем некоторые гласные звуки — **А** и **О**, **Е** и **И** — звучат по-разному, в зависимости от того, приходится на них в этом слове ударение или нет.

Когда они оказываются подударными, они звучат так, что не вызывают никакого колебания: в слове *бóем* или *бéлый* мы в первых слогах ясно слышим **О** и **Е**. Но стоит слова эти изменить так, чтобы УДАРЕНИЕ перешло на другие слоги, и ЯСНОСТЬ гласных звуков исчезает. Когда нам диктуют, допустим, такие слова, как *боевѣтый* или *белесовѣтый*, мы ничуть не сомневаемся, что надо писать *-витый* и *-ватый*. А вот в первых слогах этих слов — на них теперь уже не падает ударение! — мы начинаем слышать какие-то *н е я с н ы е* звуки: «полу-О», «полу-А»; не то **Е**, не то **И**.

Почему? Да просто потому, что таков ЗАКОН нашего русского произношения, нашего языка: в безударных слогах звуки **О** и **Е** заменяются «звуками неполного образования», вот как раз такими — то ли **Е**, то ли **И**; вроде бы **О**, а похоже и на **А**, а иногда и на другие звуки, скажем, на **Ы**, а то и просто на полное отсутствие гласного звука. Возьмем слово *полотенце*. Есть люди, которые произносят его так: [пАлАтенцА]. Есть другие, те говорят: [пОлОтенцО]. А нередко можно услышать и такой выговор: [п'лАтенц'], особенно если человек говорит быстро, торопясь.

Это все ничему не мешает, если два человека разговаривают: да, звуки в безударных слогах «невнятные», но все мы к этому привыкли и все друг друга понимаем.

А вот когда дело доходит до письма — тут уж сложнее. Неудобно, если кто-то станет писать *полотенцо*, а рядом другой — *платенц*. Правописание — это такое собрание ПРАВИЛ, которое стремится всячески избежать любого разнобоя. Мы для того и подчиняем свое письмо известным правилам, чтобы ВСЕ ПИСАЛИ ОДИНАКОВО: иначе будет очень нелегко понимать написанное другими. Ну представьте себе, что вы получаете книжку, в которой есть такая фраза:

Билизна бирезавых ствалоф ф сумирки асобинна пражайт.

Признайтесь: вам пришлось поморщить лоб, пока вы разобрали, что тут напечатано, тем более что ведь на письме мы не указываем, какие слоги подударные, какие нет.

Так, ЗАКОН и ПРАВИЛО как бы расходятся. Но ведь они и относятся к разным русским язы-

кам: ЗАКОН больше всего — К УСТНОЙ речи, ПРАВИЛО — К ПИСЬМЕННОЙ.

ПРАВИЛО создано, чтобы КАЖДОМУ русскому человеку писать не так, как именно ЕМУ слышатся слова, а так, как УСТАНОВЛЕНО ДЛЯ ВСЕХ русских людей.

Так и тут: встретив в неподударном слоге сомнительный гласный из пар **А — О** и **И — Е**, прежде чем написать, постарайтесь подыскать какое-нибудь РОДСТВЕННОЕ — то есть того же КОРНЯ — слово, в котором бы на этот слог падало ударение, и пишите в сомнительном месте ту БУКВУ, которая стоит В ПОДУДАРНОМ слоге.

Если говорить по-честному, так я это правило УЖЕ рекомендовал вам в первой части книжки и повторяю его теперь просто для верности. Впрочем, есть тут одна тонкость, на которую мы ТОГДА не обратили внимания, — собственно, даже две такие тонкости или, можно даже сказать, заковыки.

ЗАКАВЫКА ПЕРВАЯ

Правда, в примерах мы с такими казусами уже встречались: бывают слова, в которых сомнительный гласный не один, а их два. Ну вот хотя бы в уже названном мною слове *полотенце*.

Тут попадают различные случаи. Бывает так, что при изучении родственных слов вам повезет и вы обнаружите такие, где ударение ложится на один из подозрительных звуков, и такие, где оно падает как раз на другой. Ну, к примеру: *Гуси гоготали*. Ведь произносим мы что-то вроде [гагага́ли]. Но взяв слово (гусиный) *го́гот*, с одной стороны, и (гуси) *гого́чут* — с другой, вы разрешите оба сомнения.

ЗАКАВЫКА ВТОРАЯ

Она самая огорчительная. Можно встретить бесконечное множество (ну, лучше, чтобы не так пугать вас, скажу: довольно много) слов, для которых просто невозможно подобрать такое «родство», которое показало бы нам, как же они пишутся. (Это относится, кстати говоря, и к парам звонких и глухих согласных.) Вот хотя бы вкусное слово *шокола́д*. Какие родственные слова вы к нему ни подыскиваете, ударение будет упорно оставаться на звуке А. Если хотите, это не так уж удивительно. *Шокола́д* — новое слово, нерусское по происхождению. Народа, который его создал, уже не существует: родилось оно, по-видимому, в языке древних американских индейцев — ацтеков; у них были обычными слова на -тль. Наши *томаты* тоже пришли от них же. Бобы какао назывались у них *чоколатль*, а *томаты*, то есть помидоры, — *томатль*. В нашем языке слова эти еще не успели произвести на-свет

стольких родичей, чтобы среди них попались и сынки и внучки с переместившимся ударением. Так что, как говорится, в таких случаях надо просто ЗАПОМНИТЬ, как это слово пишется, и так его и писать.

Правда, можно иногда порекомендовать довольно трудный способ: взять «Этимологический словарь»* и из него узнать, как это слово образовалось. Не во всех случаях, но иногда это поможет выяснить, какой звук здесь должен быть и — как следствие — какую БУКВУ на его место надо ставить? Вот, скажем, два похожих слова: *дорого́й* (то есть: не дешевый) и *до-ро́га* (в смысле: путь). Для первого очень легко подобрать родственные слова с ударением и на первом слоге — *товар до́рог*, и на втором — *но время е́ще до́роже*. А вот со вторым словом куда хуже, во всяком случае, так было до самого последнего времени... *Доро́га, до-ро́жка, доро́женька, придоро́жный, подоро́жник* — ударение упрямо держится на втором О.

Что же изменилось?

В русском языке в свое время появилось много сокращенных слов, вы их и сами знаете: *кол-хоз, мин-ин-дел, воен-ком* и другие. Появились и такие слова, как *Дор-проф-сож* — профсоюзная организация железнодорожников или одно время часто упоминавшийся в газетах *Гушоссдор* — Главное управление шоссе и дорог. Так вот, уж тут этот слог ДОР вышел наконец на подударное место, пусть несколько искусственным путем...

* Этимологическими называются словари, в которых выясняются происхождение и история изменения слов.

До этого же наличие О в первом слоге можно было установить только очень сложным путем. Языковеды установили, что наша *дорога* в родстве с сербским *драга* — лощина. Наука знает: многие слова, которые в южнославянских языках имеют в своем составе сочетание звуков *ра*, в русском становятся словами с *оро*. *Град* — по-русски *город*, *драгой* — *дорогой* и так далее. Ну, следовательно, и наша *дорога* должна писаться через *оро*, раз она в родстве с сербским *драга*.

Но... вы сами понимаете, что этот способ выяснять правописание русских слов и не самый простой, и далеко не верный. Во множестве же случаев и этимология, наука о происхождении слов, ничем вам не поможет. Остается полагаться на собственную память и утешать себя тем, что ведь и все мы находимся в таком положении, все русские — да и не только русские — люди. Мой совет вам — завести особую тетрадку и выписывать туда такие непокорные слова с неясным правописанием. Довольно скоро вы заметите, что многие из них собираются в своеобразные сообщества. Ну вот, нельзя подыскивать родственников с другим местом ударения для названий месяцев или дней недели. Приходится запоминать, как пишутся *сентябрь, ноябрь, октябрь, декабрь*, а потом, в особицу, *январь* и *февраль*. Точно так же, иначе как по памяти, не установишь правописания сомнительных букв для *понедельника, вторника, четверга, пятницы*... Обижаться в этих случаях не приходится: это же все-таки слова-имена, названия, от которых других слов, чего доброго, и не произведешь. Так что же поделать? Давайте запоминайте!

ЗВУКИ-НЕСЛЫШИМКИ

Мы все называем наше дневное светило, когда говорим о нем, [солнцем]. А когда пишем, оно оказывается *со-л-нцем*. Почему же это Л оказывается таким звуком-неслышимкой? Может быть, его и на самом деле не должно быть в этом слове и стоит упразднить в нем и БУКВУ Л?

Нет, знаете, это не так!

Ну, во-первых, как и в других случаях сомнения в правописании, бывает полезно подобрать к подозрительному слову побольше однокоренных: много шансов, что какое-то из них покажет нам истинный звуковой состав его. Здесь, например, полезно вспомнить детскую песенку:

*Солнышко-ядрышко,
Выгляни в окошечко!*

Она сразу же докажет нам, что в слове [со-нце] обязательно должен присутствовать и неслышимка Л, а значит, и обозначающая его буква.

Очень похоже на происходящее с *солнцем* все, что случается со словом *сердце*. Мы тоже произносим его как [сер-це]. Но, зная такие родственные слова, как *серДечко*, *серДится*, мы на месте этой черточки, когда пишем, вставляем букву Д.

Надо сказать, что в этих случаях история обоих слов помогла бы не сделать ошибки, если бы вы ее знали. Дело в том, что в глубокой древности *солнце* у наших далеких предков именовалось так: *солнь*, а *сердце* — *сьрдь* («ерь» тут везде не «знак», а обозначение звука, «звука неполного образования», чего-то среднего между Е и И). И там и там наши неслышимки стояли на своих местах и БЫЛИ СЛЫШНЫ. К сожалению, когда человек еще не уверен в правописании слов *сердце* и *солнце*, он чаще всего и представления не имеет об их истории. И значит, приходится все же остановиться на старом способе — проверять написание по словам-родичам. Да и все равно далеко не обо всех трудных словах нам удастся найти полезные данные в их прошлой жизни.

Когда мы второпях говорим друг с другом, то слово *здравствуй*те мы произносим, пропуская бóльшую половину входящих в него звуков. Мы кричим на бегу даже учителям: *Здрассьть*, *Муза Николаевна!* Но если нам придется выступать на школьном собрании с докладом о жизни класса, мы — если «мы» юноша воспитанный, — конечно, четко произнесем по всей форме: *ЗдраВствуйте*, *Муза Николаевна!*, и учителя матема-

тики никто из учеников не назовет *Сан Санычем* иначе чем *ЗА ГЛАЗА*, в лицо каждый скажет ему: *Александр Александрович!* Это вы, ученики! А вот учителя, разговаривая в учительской, могут, конечно, уронить беззаботно и: *А вы как полагаете, Альсан Альсаныч?* На них он не обидится; а если бы вы так к нему обратились, он мог бы и вовсе не ответить вам.

Все это происходит по той причине, что мы, говоря, делаем это НЕ НА ОДИН ЛАД И МАНЕР, а на несколько. Одно дело, когда впопыхах, среди равных себе людей — ребята среди ребят, взрослые среди взрослых — мы болтаем, как «бог на душу положит»: тут не только в таких особенных словах, как *солнце, сердце, здравствуйте, радостный, ненастный*, которые приводятся в виде примера в учебниках, тут и в самых обыкновенных словах мы то «сьедаем» их концы, то «проглатываем» середины, то вместо одного звука выговариваем другой.

— *Слушь, Валерь! Ты съводнь п'дешь купацу?*

— *Д'иц' п'думаю!..*

Это не просто мое наблюдение. Об этом есть специальная глава в таком ученом труде, как академическая грамматика. Она называется: «О разных стилях произношения». Там как раз указывается на существование в языках — и особенно «в русском языке, где разница эта наиболее разительна», — по крайней мере двух СТИЛЕЙ ПРОИЗНОШЕНИЯ: *п о л н о г о* (вот как на собрании) и *р а з г о в о р н о г о* (как при вопросе о купании). Таким образом, ясно, что это — не признак того, что пользующиеся разговорным стилем произношения не умеют говорить по-русски. Скорее

наоборот; но только в том случае, если они знают, где и когда МОЖНО применить один из этих стилей и где НУЖНО воспользоваться другим.

Все, что я сейчас рассказал для самых дотошных из моих читателей, может послужить еще одним подтверждением всего, что я уже говорил о ЗАКОНАХ языка и ПРАВИЛАХ речи — преимущественно письменной, но вот, как видите, отчасти и устной. То, что в нашей речи возможны несколько *с т и л е й* говорения, — это ЗАКОН нашего языка. То же, что мы в письменной речи придерживаемся написания, которое соответствует именно *п о л н о м у*, а не *р а з г о в о р н о м у* стилю речи, — это ПРАВИЛО, которое следует соблюдать. Оно разумно: разговорный стиль речи крайне разнообразен. Он может быть у каждого из нас своим: один говорит *Альсан Альсан'ч*, там, где другой, быстрязычный, удовлетворяется просто *Сан Санычем*.

И если бы мы стали писать так, как каждый привык произносить то или другое слово, — при чтении написанного приходилось бы приглашать на помощь специалистов языковедов. Без них никому бы ничего не разобрать.

А вообще-то с неслышимками — как, впрочем, и при разных других спорах о произношении и правописании — тем чаще удастся найти «проверочное слово», чем лучше знает человек наш язык; чем больше у него запас слов, — тем легче.

Ну вот, возьмем для примера слово *лес-т-ница*. Как доказать, что в нем после *С* надо писать *Т*: ведь это *Т* — типичная неслышимка?!

Вы вспоминаете все вам известные слова, родственные *лестнице*. Их немного: *лес(т)ничка* и *лес(т)ничный*; ни то, ни другое ничем не может вам помочь.

А вот я знаю еще одно слово из того же «гнезда»: *лѣсТовка*. Так люди, придерживавшиеся особой веры — старообрядческой, называли, бывало, кожаные четки, род бус, по звеньям-ступенькам которых можно было отсчитывать, сколько раз — тридцать девять или сорок — ты уже повторил молитву, которую тебе приказано прочесть, скажем, сто раз. И вот, так как я знаю это слово, а вы нет, у меня обнаруживается перед вами преимущество: я уверенно могу утверждать, что в слове *лестница* писать букву **Т** обязательно: смотри *лестовка!*..

Когда вы будете читать новые книги, старайтесь запоминать те слова из них, какие вы до сих пор не слышали. А если не надеетесь на свою память, еще раз мой совет: заведите себе толстенькую, красивенькую записную книжку с чистой белой бумагой и записывайте эти слова туда по алфавиту. Пройдет немного времени, вы сами удивитесь, как расширится ваш словарный запас.

ХИТРОСТИ ПРИСТАВОК

Когда доходит до написания слов с приставками, начинают свои трудности.

Во-первых, многие приставки способны прикидываться частью корня самого слова, к которому они ПРИСТАВЛЕНЫ.

Ну вот сравните слова:

Овес

Овевать

В одном из них **О** — один из звуков корня, в другом — приставка. В каком — что? Как отличить?

Попробуйте отбросить это **О** и посмотреть, имеет ли какое-нибудь значение оставшаяся часть слова. Продолжает ли она быть словом БЕЗ этого **О**?

В данном случае такой способ проверки не даст результатов. Но это не значит, что способ плох: в других

случаях он может пригодиться. Скажем, отбросив **О** от слова *окинуть*, вы получите слово *кинуть*: значит, **О** — явная приставка.

Если же дело, как в случае с *овес*, осложняется, примените другой способ. Попробуйте, приняв это **О** за приставку, заменить его какой-нибудь другой приставкой же.

Например, если вы так поступите с *овевать* и замените **О-** на **НА-** или на **РАЗ-**, у вас получатся слова *навевать* и *развевать*. Теперь можно решительно утверждать, что здесь к слову *вевать* (хотя мы его сейчас в нашем языке можем и не встретить) присоединена приставка **О-**.

А вот с *овёс* такой опыт проделать не удастся. Ни *навёс*, ни *развёс*, ни *привёс* — не оказываются осмысленными словами. Следовательно, мы тут не отделили приставку, а просто разломили слово на части.

ПРОГЛАДИТЬ	} все это ВОЗМОЖНО	ПРОстота — можно
ОТГЛАДИТЬ		ВЫ-стота — нельзя
ПОГЛАДИТЬ		ОТ-стота — нельзя
ВЫГЛАДИТЬ		ПРЕ-стота — нельзя
ПРО-, ОТ-, ПО-, ВЫ- — приставки		в ПРОСТОТА ПРО — часть слова, часть его корня, а не приставка.

К одному корню можно приспособливать разные приставки, как к одному трактору — то жнейку, то сеялку, то просто прицеп. Но и каждая приставка способна соединяться со многими корнями: тут уж, скорее,

ПРИСТАВКУ приходится сравнить с трактором-тягачом, а КОРНИ — с прицепами.

Из этого не следует, однако, что можно любую приставку соединять с каждым корнем и наоборот. И те и другие капризны и упрямы.

ПРИСТАВКА	СЛОВО	
ПРИ —	БЫВАТЬ	} можно!
ПРИ —	ЛИВАТЬ	
ПРИ —	ШИВАТЬ	

ПРИСТАВКА	СЛОВО	
ПРИ —	РЕШИТЬ	} нельзя
ПРИ —	ВЕРИТЬ	
ПРИ —	НАЧАТЬ	

ПРИСТАВКА	СЛОВО	
НА —	ЛИТЬ	} можно!
ВЫ —	ЛИТЬ	
ЗА —	ЛИТЬ	

ПРИСТАВКА	СЛОВО	
О —	ЛИТЬ	} нелепо
КО —	ЛИТЬ	
У —	ЛИТЬ	

Что же касается до ПРАВОПИСАНИЯ ПРИСТАВОК, то тут уж ничего не поделаешь: их приходится просто запомнить, благо их не так уж много.

В тех случаях, когда приставки, с гласными звуками в их составе, оказываются не под ударением:

ЗА-, НА-, НАД-	пишутся всегда через А (на писал, на бежал);
ДО-, О-, ОТО- ПО-, ПОДО-, ПРО- и СО-	надо писать всегда через О (до бежал, ото спался, про из- водительный, со гласный).

Когда приставки оканчиваются на согласный, а слово начинается с согласного (и особенно — с глухого), надо помнить:

НАД-, **ПОД-** и **ПРЕД-** — пишутся через Д (**под**писать, **под**даться),

а **ОТ-** — через Т (**от**кинуть, **от**дать, **от**толкнуть).

Приставка **ПЕРЕ-** пишется через два Е (**пере**считать).

Сложновато получается с приставками **при-** и **пре-**. Когда ударение падает не на них (то есть не **при́**был и не **при́**вкус, а **при**кусить, **при**дѣлать), порою нелегко бывает понять, которая из двух тут налицо. Нередко даже в печати встречаешь путаницу между двумя похожими словами: **при**-умножить и **пре**-умножить. На самом же деле существует только слово: ПРИУМНОЖИТЬ. Оно означает «еще **ПРИ**-бавить к тому множеству, которое было».

Имеется другое сходное слово **преувеличивать**, означающее, так сказать, **переувеличивать**, увеличивать больше, чем нужно, через край. Вот с ним-то и путают слово **приумножать**, впрочем, может быть, его смешивают и со словом **преуменьшать**.

Так или иначе, когда вы столкнетесь с таким казусом, сделайте несколько «опытов» В УМЕ.

Прежде всего попробуйте на место сомнительной приставки поместить приставку **пере-** и посмотрите, что получится: сохранит ли слово свое значение — тогда надо писать **пре-**, или изменит — значит, вернее будет **при-**.

Как надо: **при**-ход или **пре**ход? Подставляю **пере-**, получается **переход**. Но ведь у этого слова совсем другое значение! Давайте напомним **приход**.

Как надо писать: **превысить** или **привысить**? Представим **перевысить**. Но ведь **пре**-высить означает ПРЕВЗОЙТИ какую-нибудь высоту. ПЕРЕШАГНУТЬ через рубеж. Очевидно, **превысить** почти равнозначно **перевысить**. Значит, надо писать **пре-**.

Иногда при таких опытах получаются слишком уж неуклюжие слова. Ну, скажем, **ПЕРЕ**-вкусный или **ПЕРЕ**-спокойный. В таких случаях стоит просто подумать: а что, собственно, в данном разе данная приставка обозначает? Ведь у них могут быть разные значения. Так как у приставки **при-** по словарям около десяти-двенадцати значений, а у **пре-** всего только три, то лучше исходить из этих трех.

ПРЕ- перед словом может означать, во-первых, изменение состояния, как в слове **Преобразовать**; во-вторых, избыточность, чрезмерность, как в **ПРЕ**-вышение, **ПРЕ**небрежение, — и тут оно уже близко подходит к значению приставки **пере-**. Наконец, **пре-** просто может значить то же, что и **пере-**, о чем я уже говорил.

Так вот, если вдуматься в значение **пре-** или **при-** в «этом как раз» слове, которое вам попало, можно тоже помочь себе разобраться, которую же из двух приставок следует выбрать.

Допустим, нам досталось слово **ПР-увеличение** и мы хотим узнать, какую букву следует поставить на месте черточки. Каким может тут быть значение этой приставки: идет ли речь о некотором добавлении увеличения или же о том, что в увеличении перейден известный предел, что сделано больше, чем нужно? Ну конечно, когда говорят, например, что у человека **ПР-увеличенное** представление о собственных талантах, это значит, что представление это **ПЕРЕШЛО** нормальный размер, что человек о себе думает чересчур хорошо. Значит, приставка нужна **ПРЕ-**, а не **ПРИ-**.

Если же встречено слово **ПР-купить**, то довольно ясно, что его значение заключается в некотором **ДОБАВЛЕНИИ** к тому, что уже имелось. *У меня был мотоцикл, а я решил ПР-купить к нему коляску и ездить не в одиночестве.* Нельзя сомневаться: в данном случае уместна приставка **ПРИ-**, а не **ПРЕ-**.

ЗМЕЯ, А ПОХОЖАЯ НА КОШКУ...

Я наблюдал как-то из окна за детьми, игравшими на дворе. Их было с полдюжины: пять младшекласников, а один — головастый и неторопливый дошколенок, лет не более четырех-пяти.

Старшие забавлялись его младенческой доверчивостью. Кто-то из них заметил кошку, неспешно пробиравшуюся за спиной малыша от одного подвального окна к другому.

— Вася, а Вася! — закричали малышу. — Смотри: змея ползет!

Пятилетка встревоженно обернулся, взгляделся.

— Змея, а похожая на кошку! — неуверенно сказал он, не зная, чему же поверить: своим глазам или уверению старших...

На страницах 194–195 я уже коснулся того обстоятельства, что **ПРИСТАВКИ**, о которых мы сейчас мно-

Лучше всего нам знакомы ПРОСТЫЕ предлоги. Они чаще всего бывают односложными (на худой конец — двусложными) и, действительно, обыкновенно очень похожи на приставки. Можно сказать больше того: если взять два десятка ПРИСТАВОК, начиная от близ- и до чрез- (оно же через), то среди них, может быть, не хватит лишь одной или двух, чтобы точно соответствовать такому же ряду предлогов. Предлоги для и к — существуют, а приставок к- и для- нет как нет! Остальные же в подавляющем большинстве имеются.

Теперь другая сторона вопроса. Эти — самые ПРОСТЫЕ — предлоги являются и самыми древними в своем племени: они образовались так давно, что теперь даже почти невозможно (хотя они и являются самыми настоящими «словами») подбирать для каждого из них в о п р о с ы. Вернее всего, у них в глубокой древности тоже были предметные значения, как и у всех о б ы к н о в е н н ы х слов. Но время прошло, эти значения утратились, и обыкновенные слова стали служебными словами, былого значения которых теперь нельзя даже угадать.

Однако рядом с предлогами простыми существуют другие, более молодые члены их племени. Мы опять встречаемся со странным явлением, с формулой: «змея, а похожая на кошку».

Вот, скажем, два предложения:

ВПЕРЕДИ была прогалина.

Он ехал ВПЕРЕДИ своего эскадрона.

Во втором предложении слово *вперед* является самым настоящим ПРЕДЛОГОМ. Оно ничем не отличается по своему положению от предлога *перед*, если бы

го подробнее разговорились, в чем-то очень напоминают то, что называется ПРЕДЛОГАМИ... Случаются нередкие недоразумения, когда возникает вопрос: что перед нами — «змея или кошка», ПРИСТАВКА или ПРЕДЛОГ.

Я уже успел предложить вам отличный способ различить их: пытаться между непонятным образованием и следующим за ним словом вставлять тот или иной вопрос или же какое-либо подходящее по смыслу слово.

Казалось бы, таким образом — все было окончательно разъяснено, и змеи, навсегда отделенные от кошек, успокоились.

Змеи-приставки — пожалуй. А вот с котами-предлогами дело обстоит не так-то просто.

Предлоги — тут я обращаюсь уже к настоящим любителям и знатокам языкознания и начинаю говорить о том, о чем в начальной школе, во всяком случае, не рассказывают, — предлоги бывают разные.

мы нашли где-нибудь фразу: *Он ехал ПЕРЕД своим эскадроном.*

В первом же предложении роль этого слова совсем другая. Тут оно является самым настоящим СЛОВОМ, отнюдь не служебным, и отвечает на вопрос «ГДЕ?».

Можно подыскать и другие слова, которые так недавно начали получать значение предлогов, что еще и бывшие их предметные значения не успели забыться и как будто «стоят за их спинами».

«Как! вы живы?»

«БЛАГОДАРЯ железным латам...»

А. Пушкин.

Скупой Рыцарь

*Гость много раз останавливался,
усердно БЛАГОДАРЯ своего хозяина.*

С. Аксаков

Замечаете великую разницу? В первом случае *благодаря* выражает то, что могли бы выразить другие предлоги: скажем, «из-за моих железных лат». Во втором случае гость действительно *благодарит* хозяина: он останавливается не «из-за него», а «чтобы его поблагодарить».

Таким образом, вы видите, что с предлогами дело обстоит не так просто, как могло показаться, когда мы впервые заговорили о них.

Вы видите также, что из многих «пород» (хотя так их ученые не называют) наших предлогов лишь некоторые могут напоминать собою отделившиеся от слов-

хозяев приставки. То же самое *благодаря* никак не сможет явиться перед нами «в должности» приставки.

Но, поразмыслив, можно допустить, что это — дело времени.

Чуть выше я привел в пример слово-предлог *ВПЕРЕДИ*. На первый взгляд, он тоже не может «вдруг» оказаться в роли приставки. Казалось бы, так. Но вот я нахожу в «Морском словаре» слово *впередсмотрящий*. И — размышляйте над ним как хотите — *вперед* уже стало в этом случае ПРИСТАВКОЙ. А ведь оно тоже может быть самым полноценным словом, употребляться совершенно самостоятельно и иметь разные значения, ну, скажем, как у Пушкина в «Евгении Онегине»:

*Вперед, вперед, моя история,
Лицо нас новое зовет, —*

как и совершенно полноценное, отвечающее на вопрос «где?» слово *впереди*. А что? *Впередиидуций, впередистоящий*... Ведь слово *предыдуций* у нас уже есть, а его значение совершенно совпадает со *впередиидущим*...

ЕЩЕ ОДИН РАЗДЕЛИТЕЛЬ

Не сразу, но вы, вероятно, вспомните, как на страницах 159–161 речь у нас шла о мягком знаке, который — внутри слов — показывал, что предшествующий ему согласный произносится как смягченный, а следующий за ним гласный получает перед собою при этом призвук **Й**, подвергается тому, что ученые именуют *й о т а ц и е й*.

Амазонка, река, знаменитая своими ЛЬЯНОСАМИ.

Слово *льяносы* можно было бы написать и так: *льйаносами* — в его произношении ничего бы не изменилось.

В школьных учебниках — вы помните это! — мягкий знак в подобных случаях — в отличие от тех, где он просто указывает на мягкость согласного, и только, — называется не очень удачным, но давно уже употребляющимся и, пожалуй, удобным именем «разделителя».

Казалось бы, после того, что мы наблюдали при знакомстве с **Ь**-разделителем, у нас уж больших трудностей в правописании слов, в которых надо обозначить на письме присутствие звука «йот» перед гласным, а точнее, между согласным и гласным, не осталось.

Однако вот вам несколько слов, в которых тот же «йот» возникает, когда мы видим на его месте совсем не мягкий знак:

Он съехал с горки.
Киносъемка кончилась.
Небо разъяснело.

*И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы...*

А. Пушкин

Интересно, почему же здесь тот же самый «йот» перед гласным звуком нам указывает уже не **Ь**, а **Ъ**?

Довольно легко сообразить это: стоящий перед «ером» согласный, несмотря на присутствие «йота», не смягчается. Он остается твердым! И так как такое положение получается всегда в тех местах, где оканчивающаяся на согласный звук ПРИСТАВКА попадает перед буквами **Е**, **Е** и **Я** (а мы теперь уже сообразили, что буквы эти обозначают звуки: **ЙЕ**, **ЙО**, **ЙА**), то всюду в этих случаях предыдущий согласный не становится мягким, в отличие от слов, подобных *монпансье*, *белье*, *семья*. Он ОСТАЕТСЯ ТВЕРДЫМ. И слово действительно произносится так, как будто оканчивающаяся на ТВЕРДЫЙ СОГЛАСНЫЙ ПРИ-

СТАВКА не сливается с КОРНЕМ, а выговаривается отдельно от него.

Чтобы почувствовать это, стоит сравнить хотя бы слово *подъем* со словом *пойдем* или слово *въявь* со словом *вялый*. Ну, раз уж тут зашел разговор о букве Ъ, грешно было бы не поговорить о ней несколько подробнее.

Мы уже слышали о том, что ОБА эти ЗНАКА, и мягкий и твердый, когда-то обозначали теперь давно исчезнувшие звуки старославянского языка. Можно сказать, что в Болгарии Ъ и сейчас присутствует во многих словах, где слышится особый звук, несколько напоминающий русское Ы.

Поэтому, если в древних рукописях мы находим слово *волк*, написанное как *вълкъ*, мы понимаем, что когда-то оно и произносилось как что-то вроде [вѣлкѣ]. Только эти О звучали не так, как наше О, а неясно, не А, не О, не Ы, — смутно. До самого 1918 года в нашей азбуке Ъ сохранялся как весьма часто употребляемая буква, потому что его ставили не только там, где теперь мы хотим показать, что приставка, ОКАНЧИВАЮЩАЯСЯ НА ТВЕРДЫЙ СОГЛАСНЫЙ, стоит не прямо перед гласным, а перед «йотом», который вклинивается между ними, но, кроме того, еще и на концах всех слов, оканчивающихся на твердый звук, то есть там, где во время оно, при царе Горохе, а может быть, и еще раньше, после этого звука действительно звучал древний Ъ.

Это было очень неразумно: возьмите предыдущий абзац, начиная со слова *поэтому* и до слов *древний Ъ*, и подсчитайте, сколько в нем всего слов. Всего 116 слов. А сколько слов на твердый согласный? 23 слова... Зна-

чит, если бы я писал эти строки до 1918 года, я должен был бы к тем буквам, которые в них стоят и из которых каждая обозначает какой-нибудь звук, прибавить еще 23 лишних буквы, ни одна из которых никакого звука не выражала да и вообще решительно ничего в произношении слов не меняла.

Сейчас я написал *в древних рукописях*, а до революции мне пришлось бы написать так: *въ древнихъ рукописяхъ*. А зачем? Что это давало? Ничего!

Когда-то, в другой книге, я уже подсчитал: в «Таинственном острове» Жюль Верна на все его 986 680 букв приходилось раньше 33 770 твердых знаков (я считал по дореволюционному изданию). Значит, когда эта увлекательная книжка печаталась, на каждые 29 экземпляров ее один томик как бы заполнялся ровно ничего не означающими твердыми знаками. (Я хочу сказать, что так получилось бы, если бы все Ъ печатать не на их обычных местах, а в отдельном томе, все подряд.)

Ничего себе буквочка: сущий тунейдец и бездельник! И представьте себе, против ее уничтожения — боролись! Уверяли, что она — прямо герб и знамя нашей русской письменности! На деле же она угодила лишь многим тогдашним чиновникам, служившим «по части просвещения», только тем, что делала обучение грамоте более трудным, менее доступным деревенским и рабочим ребятам.

Стыд сказать: люди XX века вели себя совершенно так же, как за два-три века до них темные люди, их прапрапрадеды.

Те строго блюли обычаи старины и в церквях пели молитвы на старые напевы. Там, где стояли БУКВЫ Ъ

и Ъ, они выводили голосом звуки Е и О. Поэтому старинные славянские слова вроде *победихом* и *посрамихом* (то есть *победили* и *посрамили*) получались в пении не *победихъмъ* и *посрамихъмъ*, а *победихомо*, и *посрамихомо*. Они настаивали на этом, так как очень боялись хоть в чем-нибудь отойти от древнего напева, а он был сочинен еще тогда, когда Ъ и Ъ действительно звучали, только вовсе не как наши Е и О.

Вот ввиду этих окончаний *хомо* и пение это получило название *хомового*. Его отменили и запретили, после долгих споров, только триста с небольшим лет назад. Но ведь то были еще стародавние времена, когда связи Московии с остальным миром, до преобразований Петра Первого, были слабыми. А теперь уже не за произношение, так за написание того же «*ера*» горой стояли образованные люди спустя три столетия после этого — вот что удивительно и вроде бы даже и стыдновато!

Но 1918 год покончил с твердым знаком на конце слова. Его оставили только «работать разделителем», то есть указывать на «йотацию» гласных Е, Ё, Я — после твердых согласных, оканчивающих приставки, на появление Й перед Э, О, А.

Как и в отношении мягкого знака, название «разделитель» не кажется мне самым удачным, но, чтобы не выдумывать нового, можно остановиться и на нем.

ЕЩЕ РАЗ О СУФФИКСАХ

Мы уже о них беседовали. Мы убедились: это такая часть слова, которая способна, не придавая корню совсем нового смысла, как бы несколько изменить этот смысл, придавать ему дополнительный оттенок. Чтобы окончательно у к р е п и т ь с я на занятых позициях, давайте еще раз применим способ КАЖУЩЕЙСЯ БЕССМЫСЛИЦЫ.

Вот я беру бессмысленное сочетание звуков (тут они, конечно, выражены буквами):

РЫР

Что вы можете сказать о нем, даже если я заявлю, что это корень какого-то слова? Вы не сможете сказать ни о корне, ни о слове решительно ничего. У такого звукосочетания либо НЕТ значения, либо же их даже МНОГО, но ни одно из них нам не известно.

Больше того: слыша это РЫР, вы не способны хотя бы предположить, что оно — корень или приставка? Просто три соединенные вместе звука.

А вот теперь я прибавлю к нему суффикс и окончание:

РЫР-ОЧ-К-А,

и вы сразу же начинаете соображать: «Ага! Это, видимо, что-то маленькое и притом симпатичное». Если бы было небольшое, но не слишком приятное, вероятно, было бы

РЫР-К-А.

Вы теперь сразу можете уверенно сказать: *РЫРОЧКА* — это предмет, и притом женского рода.

Соединим с нашим РЫР другие суффиксы:

РЫР-ЯВ-ЫЙ,

РЫР-ОВАТ-ЫЙ

или, если хотите,

РЫР-ЯТЬ,

РЫР-Н-УТЬ.

Можно, красоты ради, прирастить к этому нашему РЫР и приставки:

ПО-РЫР-ИВ-А-Ю,

РАЗ-РЫР-ЯЛ-С-Я.

И даже с «ером»-разделителем превратить самое РЫР в приставку.

Вот мы его сейчас багром РЫРЬЯЗВИМ.

Словом, видите? Не беря НАСТОЯЩЕГО КОРНЯ ИЛИ ДАЖЕ ПРИСТАВКИ, мы, при помощи деталей нашего Большого Языкового Конструктора — суффиксов, смогли придать ему если не настоящий «полно-весный» смысл, то хотя бы какую-то ТЕНЬ СМЫСЛА, ВИДИМОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ.

Вы без всякой моей подсказки смогли бы определить, что «слово» РЫРОЧКА отвечает на вопрос «кто?

что?», *РЫРНУТЬ* — на вопрос «что сделать?», а РЫРОВАТЫЙ — на вопрос «какой?».

Вот почему — это не моя мысль, я повторяю тут только моего давнего учителя, прославленного академика Льва Владимировича Щербу, — если хочешь выучить какой-нибудь язык, то, прежде даже, чем начинать сотнями зазубривать его слова, надо основательно познакомиться с тем, из каких частей они состоят, какую роль играет каждая из этих частей и каким образом при их помощи слова соединяются в предложения. Если не усвоить всего этого, то зная даже десять тысяч слов любого языка, никакой связной речи на нем не произнесешь.

Кстати, ведь и то курьезное *-хѣмъ*, которое мы встретили, когда говорили о хомовом пении, тоже являлось «суффиксальным образованием».

Если бы я подумал в этой главке не о современных, а о древнерусских или старославянских суффиксах, я мог бы предложить вашему вниманию форму:

РЫР-ОВА-ХОМЪ.

Она значила бы что-то вроде: *МЫ РЫРОВАЛИ*.

СЛЕДУЮЩИЙ ЭТАЖ

Мы с вами довольно долго рассматривали слово и изучали его внутреннее устройство. Мы увидели, что оно состоит из различных частей (ученые называют их морфемами, «формообразующими частями»). Мы уже видели, что, соединяясь друг с другом, слова образуют ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Можно и нужно прибавить при этом: «образуют по строгим законам».

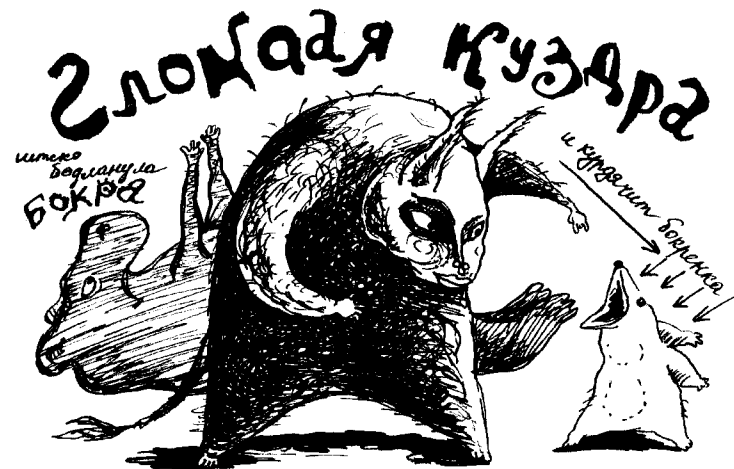
В самом деле, как ни странно, но вот ряд слов:

КАПУСТНЫМИ ЛЕВ ОТ НЕГДЕ СЛУЧАЛОСЬ
ТРИЖДЫ ПОВЕЛО.

Это самые настоящие русские слова, каждое из которых имеет ясное значение, но в целом они не складываются в предложение.

А блестящий пример, приведенный когда-то Л.В. Щербою на одной из лекций:

ГЛОКАЯ КЎЗДРА ШТЁКО БУДЛАНУЛА БОКРА И
КУРДЯЧИТ БОКРЁНКА,

не содержа в своем составе НИ ЕДИНОГО РУССКОГО СЛОВА, является по внешности настоящим РУССКИМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ.

Вы хотите, чтобы я показал вам, что это так? Пожалуйста!

Где в этом «полупредложении» слово, отвечающее на вопрос «кто? что?»? «А! — радуетесь вы. — Конечно, кўздра!»

А то, что отвечает на вопрос «какой? какая? какое?»? Сомнения нет, это глОкая.

Теперь на вопрос «что сделала?»: будлану́ла — раз и курдя́чит — два... При этом вы не затруднитесь сказать мне, что «будланула» она его однажды и когда-то раньше, а вот «курдячит» до сего момента... И — сейчас!

До сих пор нам было удобно разные слова отличать друг от друга «по вопросам»: те, которые обозначают предметы, живые существа, явления, отвечали на вопрос «кто? что?», другие типы слов — на вопросы: «какой? какая?», «что делать?» или «что сделала?» и тому подобные.

Теперь настало время от этих неуклюжих и сложных обозначений перейти к более удобным. Одновременно с этим нам пришла пора заняться первым изучением состава уже не СЛОВА, а ПРЕДЛОЖЕНИЯ, потому что, очевидно, и оно тоже состоит из слов не одинакового порядка и все они в нем играют каждое свою особую роль.

Немного задумаемся — перед тем как заняться этим — над целым СЛОВОМ вообще. Какая это удивительная вещь, какое чудо!

Вот давайте назовем первое подвернувшееся на язык слово, ну, скажем, РЕЧЬ.

Теперь я задаю вам две строчки:

- 1) камень, слон, звезда, электричество, мысль;
 - 2) быстро, еще, седлать, каменистый, зелено —
- и спрашиваю: к какому из этих маленьких рядов вы приписали бы наше *речь*?

Я уверен: не задумываясь, вы ответили бы — к первому! А почему? Да вот именно потому, что оно, как и все эти пять совсем на него не похожих по значению слов, отвечает на вопрос «кто? что?».

Я понимаю, такое объяснение и мне самому кажется недостаточным. Оно напоминает мне одного толстого десятилетнего мальчишку, которого лет 65 назад едва не побил разъяренный класс. Он спросил у кого-то: «А ты знаешь, что такое ОПОССУМ? Нет? Это ДВУУТРОБКА!» — «А что такое ДВУУТРОБКА?» — удивился спрошенный. «Это ОПОССУМ!» — гордо отвечал толстяк.

Через час весь класс приставал к нему с этими же вопросами, но на первый он невозмутимо отвечает: «двуутробка», а на второй: «опоссум». Пришлось вмешаться педагогам.

Однако этот рассказ не вполне подходит к случаю: мы уже раньше объяснили, что на вопрос «кто?» или «что?» отвечают те слова, которыми люди обозначают все то, что они могут увидеть, услышать, потрогать, или даже то, о чем они способны подумать как о чем-то СУЩЕСТВУЮЩЕМ. Ведь вы, наверное, согласитесь со мной, что *пряник* или *котенок* существуют, а вот *есть* или *зеленоватый* не существуют сами по себе. *Есть* можно только ч т о-т о и *зеленоватым* может быть тоже только ч т о-т о, хотя бы небо на закате. Так вот и *пряник*, и *котенок*, и *небо* — существительные.

Я могу написать два столбика слов:

стол	ласточка
река	кит
стекло	человек

Немного раскинув умом, вы отнесли бы слово *речь* к левому столбику. Почему именно сюда? Да потому, что в правом столбце собраны слова, называющие живые существа, тогда как в левом все три — названия материальных, но неживых предметов... Правый столбец откликается на вопрос «кто?», левому столбцу свойствен вопрос «что?».

Теперь давайте вернемся к первым двум строкам перечислениям. Присмотримся ко второй из них: *быстро, еще, седлать...*

Какие вопросы можно подобрать к этим словам? К первому подойдет вопрос «как?», вопрос ко второму вы навряд ли быстро подберете; третье, по-видимому, отвечает на вопрос «что делать?», четвертое — «какой?», пятое — «каково?».

Как видите, различные слова отвечают на разные вопросы.

Можно их распределить по «группам»: вот эти — *стол, микроб, трава, небо, кусок, дым* — отвечают все на вопрос «что?». Вот эти — *крокодил, ласточка, мальчик, анаконда, жеребенок, медуза* — на вопрос «кто?».

К таким, как *быстро, хорошо, гадко, неторопливо, весело*, можно отнести вопрос «как?».

Если рассматривать слова с этой точки зрения и определять, на какой вопрос каждое из них отвечает, то тогда эти разряды слов будут называться ЧАСТЯМИ РЕЧИ. Ну, естественно, и каждое слово, входящее или могущее войти в нашу речь, тоже можно назвать частью речи, а какой именно частью, зависит от того, в какую из подмеченных нами групп оно входит.

Слова, отвечающие на вопрос «кто? что?», — ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ.

Те, которые отвечают на вопрос «что делать?» (делаем, делают, будешь делать и другие возможные его разновидности), являются ГЛАГОЛАМИ.

«Какой? какая? какое? какие?» — это ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

«Как? где?» (дома), «куда?» (домой) — НАРЕЧИЯ.

Нам с вами попадались и некоторые такие слова, к которым никак не подобрать вопроса, — *из, на, к, от, под*, и мы уже узнали их общее название: ПРЕДЛОГИ. Предлоги — это тоже часть речи.

Когда мы употребляем слова, означающие число (два, тысяча) или номер по порядку (седьмой, пятый), мы употребляем еще одну часть речи — ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ.

Я бы мог назвать и другие, но мы поговорим о них при случае в будущем.

Скажу прямо: понятие о частях речи — очень сложное и непростое понятие.

Части речи разделяются прежде всего на знаменательные, то есть такие, которые отражают окружающий нас мир, называя составляющие его ПРЕДМЕТЫ, ДЕЙСТВИЯ и их СВОЙСТВА, и служебные — благодаря им становится ясно, как эти предметы, действия и свойства связаны между собой. Ну вот, скажем:

1		2	3	4
ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ		СТОИТ		НА РЕКЕ

Слова 1, 2, 4 называют два предмета и одно действие, а слово 3 показывает, какая связь между 1-м и 2-м, с одной стороны, и 4-м, с другой.

Однажды дала объявление

Улитка:

«Сдается квартира с отдельной

Калиткой.

Покой, тишина, огород...»

В. Инбер

Смешное детское стихотворение. Но и в нем налицо все части речи, какие встречаются в самых мудрых и ученых взрослых книгах.

(Когда?) ОДНАЖДЫ. Наречие.

(Что сделала?) ДАЛА. Глагол.

(Что?) ОБЪЯВЛЕНИЕ. Существительное.

(Кто?) УЛИТКА. Существительное.

(Что делает?) СДАЕТСЯ. Глагол.

(Что?) КВАРТИРА. Существительное.

С. Предлог.

(Какой?) ОТДЕЛЬНОЙ. Прилагательное.

(Чем?) КАЛИТКОЙ. Существительное.

(Что?) ПОКОЙ, ТИШИНА, ОГОРОД. Существительные.

Какой бы кусочек человеческой речи вы ни взяли, она обязательно будет состоять из слов, и каждое слово, если к нему прислушаться или приглядеться, окажется той или другой ЧАСТЬЮ РЕЧИ.

...Ожогом

рот

скривило господину.

Это

господин чиновник

берет

Мою

краснокожую паспортину.

В. Маяковский

Разберитесь в этих — очень серьезных! — строчках сами. И тут вы обнаружите и существительные — *ожогом, рот, господину, чиновник, паспортину*, и глаголы — *скривило, берет*, и прилагательные — *краснокожую*.

И еще некоторые, нам пока не известные части речи, вроде *это* или *мою*.

Человек имеет такое особенное свойство — одно из тех, которые отличают его от всех других живущих: как только он увидит перед собой множество вещей, живых существ, чьих-то поступков, различных свойств и качеств, он сейчас же начинает не просто перечислять и запоминать все, что ему попало на глаза и слух, а «расставлять по полочкам».

Кошка, например, увидев, что движется мышь или бумажка — все равно, кидается на них и ловит. А человек, видя уйму движущихся предметов, прежде всего делит их на живые и неживые, а затем начинает и живые делить на разные сорта. Вот это — насекомые, это — птицы, это — земноводные, а там вон сидят млекопитающие.

Эта способность чрезвычайно важна. Если бы человек не умел классифицировать, не было бы

на свете никаких наук. Люди остались бы не то что дикарями, а просто одним из видов позвоночных животных.

Человек необразованный, конечно, понимает, что язык состоит из СЛОВ. Но о том, что слова можно поделить на разряды, которые называются ЧАСТЯМИ РЕЧИ, он и не подозревает. А надо сказать, если бы мы, люди, не установили возможности такого (и многих других) РАЗДЕЛЕНИЯ СЛОВ, мы никогда не смогли бы по-настоящему изучить, как устроены языки, на которых мы говорим, как происходит чудо превращения мысли в звуки или письменные значки и, наоборот, букв и звуков в наши мысли.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ — ХЛЕБ ЯЗЫКА

Я уже успел вам сказать, что очень трудно выбрать среди ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ те, которые следует считать более важными, и те, к которым можно относиться с некоторым пренебрежением: а, мол, всякая никому не интересная мелочь!

Это же самое можно сказать и по поводу частей речи: все они важны, все они нужны. Тем не менее наш язык назвал слова, отвечающие на вопросы «кто? что?», ИМЕНАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ. Существительное — звучит серьезно. Недаром писатель М. Алексеев свой роман назвал: «Хлеб — имя существительное». Очевидно, понимать это надо как: «Хлеб — вещь самая СУЩЕСТВЕННАЯ», важная...

Да чему тут и удивляться? Представьте себе, что вы перелетели в звездолете на иную планету, где-нибудь в далекой Галактике. Вы сквозь иллюминаторы вашей

го звездного корабля впервые взглядываете на неведомый мир. Что вы прежде всего увидите в нем? Ну конечно же, разные «кто-что», разные предметы, живые существа; и первое, что вы сделаете, — вы начнете либо подбирать им названия, имена, которые привыкли связывать с п о х о ж и м и предметами у себя на Земле, либо же станете отмечать полное несходство того, что вы видите, с тем, что встречали у себя дома, и ощутите необходимость немедленно наименовать эти неизвестные вещи или существа... «Вижу г о р ы! — закричите вы своим товарищам-космонавтам. — И как будто — река! По ее берегам что-то вроде леса. Похоже на з а р о с л и каких-то д е р е в ь е в».

Навряд ли вы сначала и сразу же заметите какие-либо д е й с т в и я. Только рассмотрев ПРЕДМЕТЫ, вы станете отдавать себе отчет об ИХ КАЧЕСТВАХ: крутая ГОРА, и з в и л и с т а я РЕКА... Легко себе представить, что вы хорошо увидите ПРЕДМЕТ и сумеете подобрать к нему подходящее ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, а вот выяснить, к а к о в этот предмет, удастся только во вторую очередь: «гора, и как будто довольно «неприступная». Но уж, во всяком случае, никогда вам не посчастливится сначала определить качество, ответить на вопрос «к а к о е?» и лишь затем отнести это качество к предмету...

Впрочем, пожалуй, я поторопился. Вы можете воскликнуть: «Вижу ч т о - т о БУРОЕ!» — и остаться в недоумении: зверь это или камень? Но тогда вы еще яснее почувствуете: самое главное — определить, ЧТО ЭТО. Качество — тоже нечто весьма значительное, но все же второстепенное. Проще сказать: то, что тигр

ПОЛОСАТЫЙ, — не пустяк; но вот то, что он ТИГР, — это куда существеннее! Не так ли? Может быть, чтобы показать вам, что СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ — действительно очень СУЩЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ, стоит привести вам несколько строк из одного прелестного лирического стихотворения А.А. Фета. Оно примечательно тем, что ПОЧТИ ЦЕЛИКОМ состоит из одних только СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. И тем не менее его можно от начала до конца понять:

*ШЕПОТ, робкое ДЫХАНЬЕ,
ТРЕЛИ СОЛОВЬЯ.
СЕРЕБРО и КОЛЫХАНЬЕ
Сонного РУЧЬЯ.
СВЕТ ночной. Ночные ТЕНИ,
ТЕНИ без КОНЦА.
РЯД волшебных ИЗМЕНЕНИЙ
Милого ЛИЦА...*

Из 22 слов 14 существительных, 6 прилагательных и два служебных слова. А получилась не столько связанная речь, но, как видите, чудесная ночная картинка, ночной пейзаж.

МУДРАЯ НЕЛЕПОСТЬ

Давайте вернемся на минутку к этому стихотворению и содержащимся в нем именам существительным. Вот они:

ШЕПОТ
ДЫХАНЬЕ
ТРЕЛИ
СОЛОВЬЯ
СЕРЕБРО
КОЛЫХАНЬЕ
РУЧЬЯ

Так, на вид они все одинаковы: существительные как существительные. Но вот попробуем с каждым из них связать какое вам вздумается имя прилагательное:

тихий ШЕПОТ
робкое ДЫХАНЬЕ

нежная ТРЕЛЬ
голосистый СОЛОВЕЙ
зыбкое СЕРЕБРО
сонный РУЧЕЙ

Как вы думаете, почему в одних случаях у прилагательных мы видим окончания **-ий** или **-ый**, в других — **-ое**, в третьем — **-ая**? Ну как же! — возразите вы мне насмешливо. — Что за вопрос?! Потому, что *шепот*, *соловей* и *ручей* — мужского рода, *трель* — женского, а *дыханье*, *колыханье* и *серебро* — рода среднего. Очень просто!

Вам кажется — просто, а мне — совершенно непонятно. Если бы речь шла о соловье и соловьяхе, я бы понял, что он — мужского рода, она — женского. Но почему *шепот* — мужчина, а *трель* — женщина, мне кажется необъяснимым, да, уверен, и вам тоже. Или попробовали бы вы растолковать мне: что общего между *дыханьем*, *колыханьем* и *серебром*? Почему все они оказались одного, какого-то «среднего», рода! Вы бы весьма затруднились. Ну еще *дыханье-колыханье* — оба «действия». Но *серебро*-то — металл, «вещество». Не так-то легко разобраться, в чем тут дело.

В действительности никакого убедительного довода в пользу того, что, допустим, *дуб* — мужчина, а *сосна* — вроде бы женщина, что *стул* — куда помужественнее *табуретки* или *простокваша*, напротив, женственнее *кефира*, вы не найдете.

Больше того: можно указать целую кучу предметов, которые в одно и то же время могут быть названы то словом одного рода, то другого. Вот, например,

Пушкин в «Евгении Онегине» рассказывает, как его героиня, Таня Ларина, вздумала погадать:

*Татьяна на широкий двор
В открытом платьице выходит,
На МЕСЯЦ зеркало наводит;
Но в темном зеркале одна
Дрожит печальная ЛУНА...*

Что случилось? Таня по ошибке навела зеркало не на то светило? Да ничего подобного: и *луна* — существительное женского рода, и *месяц* — имя рода мужского обозначают один и тот же предмет — естественный спутник земного шара!

У Пушкина же в разных стихотворениях упоминается одно и то же дерево — тополь, и называет его Пушкин то *тополь*, и тогда «хмель литовских берегов» оказывается плененным «немецкой *топостью*», то, наоборот, с «*тополем* сплетается младая ива»: одно и то же дерево играет роль то мужчины, то женщины.

Когда над этим задумаешься, то приходит в голову, что все эти «роды» — совершенная нелепость. Тем более что в других языках бывает не три рода — как у нас, а только два — как во французском языке, а то и ни одного или, если хотите, один-единственный. Так обстоит дело и в английском, и в турецком, и во многих других языках.

Так что же это? Глупость? Нет, так судить об этом было бы опрометчиво. Все языки, развиваясь, проходят разные этапы существования. Во многих из них случается, что имена существительные (да даже и сами

называемые ими предметы) начинают рассматриваться как разделяющиеся на разнообразные разряды. Есть языки, где существуют роды предметов «круглых» и «длинных», которые совершенно по-разному сочетаются с другими словами. В китайском языке есть роды существительных (точнее, предметов, которые они называют), «обладающих плоской поверхностью», например: *железнодорожный билет* или *лист фанеры*; таких, которые имеют ручку или можно их представить себе с ручкой, скажем: *чашка* и *фотоаппарат*; и наконец, «предметов средней величины». В этот род (или, точнее, класс) попадают такие совершенно несходные друг с другом предметы (и обозначающие их слова), как, например, *миноносец* — потому что он меньше *крейсера*, но больше *торпедного катера*; *тигр* — так как он больше *волка*, но меньше *слона*; *крыса* — она ведь стоит на середине между *мышью* и, скажем, *бобром* или *зайцем*.

У наших предков, древних славян, когда-то все вещи и существа разделялись на три класса — мужского рода, женского и «вещественного»: точнее, пожалуй, сказать «вещного».

Естественно, что самцов любого вида животных древние славяне называли именами МУЖСКОГО РОДА: *петух*, *баран*; самок — ЖЕНСКОГО: *кура*, *овца*. Нам теперь уже трудно, а то и невозможно понять, почему они считали одни деревья или травы МУЖЧИНАМИ, другие — ЖЕНЩИНАМИ: *осокорь* рядом с *осиной*; *сосна* и тут же *кедр*; *крапива* и *лютик*... Но ведь надо помнить: предки наши, как и все народы, стоящие на низших ступеньках развития, верили, что

любое растение, любое животное да даже и вообще всякий предмет — скорее существо, чем п р е д м е т. И по-своему они определяли их положение в мире. Нам неизвестно, по каким причинам для них *утес* стал предметом мужского рода, а *скала* — женского, но, по-видимому, у них были для этого какие-то свои основания. И надо полагать, скорее они были МУДРЫМИ, ХОТЬ И НЕПОНЯТНЫМИ НАМ, НЕЖЕЛИ ГЛУПЫМИ или НЕЛЕПЫМИ.

Известно одно небольшое о к о ш к о, сквозь которое мы можем бросить взгляд в их не похожий на наш мир, хоть в одном случае, да уяснить себе причину придания предмету такого, а не другого рода.

Я сказал чуть раньше, что нынешний средний род было бы правильнее называть «вещным»: в самые древние времена наши предки относили к нему все то, что могло быть чьей-либо собственностью, вещью, а само не могло ничем владеть.

Вот возьмите слово *дитя*. Дети во все времена не имели права обладать своей личной собственностью — мечами, щитами, рабами, скотом.

Наоборот, они считались принадлежащими своим родителям. Вот поэтому-то слово *дитя* и стало существительным СРЕДНЕГО — вещного — РОДА.

В немецком языке все обстоит еще показательней. Там не только ребенок и сейчас называется *das Kind* [дас Кинд] — словом вещного рода *дитя*, но и женщина называлась (зовется по привычке и сегодня) *das Weib* [дас Вайб], *das Frau* [дас Фрай] — именами рода среднего: в древности у германских племен женщина была собственностью мужа и не имела права обладать

решительно ничем. Значит, она была вещью, почему существительные, обозначающие ее, и оказались именами ВЕЩНОГО рода.

А потом... Ну, потом, конечно, все изменилось на свете. Но язык — он великий лентяй, он ничего не любит менять в своем хозяйстве. Вот он и сохранил нам свидетельства о давно прошедших временах в таком, казалось бы, далеком от жизни вопросе, как РОД ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.

...Мне кажется, вот что еще любопытно заметить, раз уж мы заговорили о грамматическом РОДЕ.

Во-первых, нет ничего общего между ним и полом живых существ. Когда мы говорим *лисица*, мы употребляем слово женского рода, но речь может идти и о *лисё* — матери пяти маленьких лисят, и о ее «супруге». Слово *лис* или *лисови́н* (так говорят охотники) — это уже нарочно, искусственно произведенные от *лиса́* словечки.

Наоборот, говоря *рак* или *кузнечик*, мы подразумеваем в этих словах и *гражданку рак* и *мадам кузнечик*. Нет мужского рода от слов *плотва*, *корюшка*, *кукушка*, *кабарга*, *пантера*. А женского рода нет у названий животных *ястреб*, *казуар*, *жаворонок*, *кашалот*, *носорог*... Конечно, мы можем прибавить к этим именам мужского рода суффиксы, обозначающие род женский, но это будут опять-таки искусственные образования, а не обычные слова. Подумайте сами: нам ничего не стоит сказать: «шли *человек* и *человечиха*», но *человек* — это полноценное слово, а *человечиха* — искусственный уродец. Когда мы хотим применять и в этом случае ЕСТЕСТВЕННЫЕ слова, мы говорим: «шли

ЖЕНЩИНА и МУЖЧИНА». Это — раз. А второе — вы, может быть, думаете: «Бедняги англичане! Как им трудно, наверное, обходиться без родов имен существительных!» Успокойтесь: англичане, начиная заниматься русским языком, чешут затылки и ужасаются: «Несчастные русские! Ведь это ж подумать надо: держать в голове про каждый предмет еще и сведение — какого он рода! Всегда помнить, что *домик* — дяденька, а *избушка* — тетенька! Нет, это невозможно!»

А мы с вами все это помним и не видим в этом никакого особенного труда: *бактерия* — женщина, а *микроб* — мужчина! Да, да, да! Вы скажете, что это так, ни на минуту не задумавшись. А ведь ни той, ни другого вы и разглядеть-то не можете без микроскопа, да и не видели никогда.

Вот какая сложная и хитрая вещь — грамматический род имен существительных*.

* Мне повезло: написав эти слова, я взял в руки «Ленинградскую правду» от 29 сентября 1975 года и прочел в ней о «подводном вертолете» — аппарате для работы под водой. Его называли «Обитаемый Стабилизированный Аппарат», сокращенно *ОСА*. А сами испытатели зовут его «осой», склоняя по всем падежам. Так написал корреспондент газеты. Видите! Слово *ОСА* получилось совершенно случайно, из сокращения. А «аппарат» — значит, «он» — после этого превратился в «нее», как бы в женщину: «наша *ОСА...*», «милая *ОСА*». Только по сходству с названием известного насекомого! Удивительно!

РАЗ, ДВА, ТРИ... ТЫСЯЧА

Вот на телеграфном проводе против моего дачного окна с и д и т в о р о б е й. Прилетел еще один воробей. Прилетел еще один. И еще один. Мы, конечно, могли бы сказать: «Сидит воробей, да еще воробей, да еще воробей и еще воробей».

Но вместо этого мы показываем пальцем и кричим: **ВОРОБЬИ!** Таким образом, мы сразу дали слушателям понять, что воробьев не один, а несколько. Сколько — неизвестно или безразлично, но их, во всяком случае, больше одного.

Отсюда ясно видно, что имена существительные могут **ИЗМЕНЯТЬ СВОЕ ЧИСЛО**, или, как принято говорить, **ИЗМЕНЯТЬСЯ ПО ЧИСЛАМ**.

Я думаю, нет надобности объяснять, зачем языку нашему понадобилось такое изменение имен?

Ведь человек не только может сосчитать любые одинаковые предметы, перечисляя их. Он может сразу

окинуть их одним взглядом и понять, что их много. И думать о них теперь не «поодиночке», а обо всех сразу. Об их множестве. Вот для того, чтобы говорить (и думать) о множествах предметов, и создал язык **МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО** имен существительных.

Собственно говоря, по поводу изменения существительного по числам у вас не может появиться никакой заботы: каждый из нас умеет их изменять с ясельного возраста. Если перед вами лежит один сочный плод, вы назовете его *яблоко, груша, слива*. Если лежит десять одинаковых фруктов, вы скажете: *яблоки, груши, сливы*, очень просто переменив окончание единственного числа на окончание **МНОЖЕСТВЕННОГО**... Если же там положены и *яблоки*, и *груши*, и *апельсины*, вы тоже можете употребить множественное число, но только не от слова *яблоко* или *апельсин*, а от общего для них слова *фрукт*. О, *фрукты!* — обрадуетесь вы.

Я думаю, что, забегаая вперед, мы с вами уже сейчас заметим: есть такие имена существительные, которые **НЕ ИМЕЮТ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА**. Ну, хотя бы *грамотность*. Это понятно: грамотностей-то нескольких и быть не может! Однако с течением времени иные такие одинокие существительные могут превращаться в способные получать и множественное число.

Вот раньше люди знали только *нефть* вообще, одну-единственную. А теперь специалисты-нефтяники различают множество сортов нефти; и стали уже говорить о «легких бакинских *нефтях*», подразумевая под этим «разные сорта **НЕФТИ**».

Да вот уж чего, кажется, может быть «единственней», чем *Вселенная*. Но в наши дни астрономы совершенно спокойно говорят о «других **ВСЕЛЕННЫХ**» или «о бесчисленном множестве **МИРОВ**», существующих рядом с «нашим **МИРОМ**».

Все это — не какая-нибудь грамматическая новость. В написанной больше ста лет назад поэме Н.А. Некрасова «Мороз — Красный нос» есть такие строчки:

«Бог помощь! А где же Гришуха?» —
Отец мимоходом сказал.
«В **ГОРОХАХ**», — сказала старуха.
«Гришуха!» — отец закричал.

Слово *горох* обычно тоже употребляется только в единственном числе. Но вот, видите: в народном русском языке оно могло встретиться и во множественном. Оно означало тогда не просто растение *горох* и

не его уже очищенные от листьев, стручков и стеблей плоды, а целую ниву, засеянную горохом: место, куда можно было пойти и полакомиться им.

Бывает и обратное: есть существительные, которые мы встречаем только во множественном числе, а единственное от них можно образовать только искусственно, нарочито. Ну, вспомните слова *ножницы, сани, последки...*

Ведь подумайте, вы не только не можете сразу сказать — а какое же у этих существительных единственное число, но даже не способны уверенно ответить: *сани* — мужского рода или женского; для этого надо знать, как же будет — *одна сань* (или *саня*) или *один сань*?

Открою вам секрет: если вам очень захочется узнать это, спросите себя: чего у нас много? И ответьте: «много САН-ЕЙ»; «много НОЖНИЦ», «много ПОСЛЕДКОВ сена осталось после зимы в колхозных сараях».

Так вот: *саней* — как *змея* или как *степеней**. Значит, единственное число от слова *сани*, скорее всего, будет *сань* (или *саня*), вероятно, женского рода. И верно: в далеком прошлом в нашем русском языке жило слово *сань*. Оно значило *змея*. Зимнюю повозку называли *саниями*, то есть *змеями*, потому что ее полозья так же скользили по снегу, как *змея* по земле.

* Можно возразить: а почему не как *гвоздей* от *гвоздь* — мужского рода? Почему не как *мужчина* — тоже мужского рода?.. Да, конечно; но ведь всегда можно найти какие-нибудь исключения из общих правил: в большинстве случаев, рассуждая так, вы не ошибетесь.

А от *последки* единственное будет *последок*, *гудков* — *гудки* — *гудок*, *следков* — *следки* — *следок*. Точно так же и *последков* — *последки* — *последок*.

Для САМЫХ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ расскажу вот еще о чем: специально запоминать это нет надобности. Ну а уж если само запомнится — тем лучше...

Чисел мы знаем два: ЕДИНСТВЕННОЕ и МНОЖЕСТВЕННОЕ. Так у нас, в русском языке. Позвольте, что значит «так у нас»? А в других языках может быть только одно число? Или, наоборот, десять? Но тогда какие же? И что они могут обозначать?

Ну, таких языков, где существовало бы ТОЛЬКО ОДНО ЧИСЛО, я не знаю. А вот третье число, ДВОЙСТВЕННОЕ, было когда-то и в нашем русском языке. Оно применялось тогда, когда речь заходила о ПАРНЫХ ПРЕДМЕТАХ, таких, например, как ГЛАЗА, РУКИ, НОГИ, РОГА (животных), УШИ и т. п...

В древние времена по-русски говорилось: «десятью головами», но «двЕМА НОГАМА» или «тур меня РОГОМА бол», а не «бодал рогами». По-видимому, то, что некоторые предметы естественным образом всегда встречаются только ПАРАМИ, ПО ДВОЕ, казалось предкам нашим таинственным и важным их свойством. Вот поэтому-то они и выделялись в особый разряд: существительные, их называющие, имели особое, ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Мало-помалу оно исчезло из нашего языка. Исчезло, но не совсем. Остался, как говорится, «след в морщине старого утеса».

Посмотрите, как мы с вами считаем: «Один человек, пять, шесть, двадцать, семь миллионов чело-

ВЕК», ведь так? Но почему же тогда «два, три, четыре человеКА»... Почему такая разница? Потому что существительные, которые больше четырех, изменяются так, как и полагается во МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ. А вот те, которых больше одного, но менее, чем пять, изменяются по правилам числа ДВОЙСТВЕННОГО...

Ну что же? Вообще-то говоря, наши предки прекрасно справлялись со своим двойственным числом, оно их ничуть не затрудняло. Тем не менее нам все-таки легче, что оно исчезло!

А впрочем, что там двойственное число! У некоторых племен австралийцев, у индейцев Америки и кое-каких других народов существует в их языке и ТРОЙСТВЕННОЕ. Но о нем я уж не буду рассказывать. И так мы о числах узнали куда больше, чем в учебнике.

КАК СОСТЫКОВЫВАЮТСЯ ДЕТАЛИ БОЛЬШОГО КОНВЕЙЕРА?

Еще совсем недавно (по отношению ко дням, когда я это пишу) произошло в мире важное событие: советский космический корабль состыковался на орбите с американским звездолетом, в течение довольно долгого времени летел вместе с ним, расстыковался, снова состыковался, и наконец, окончательно расставшись, оба они совершили посадку на Землю.

Тот, кто следил по газетам и радио за этим событием, хорошо знает, что задолго до старта инженеры обеих стран ломали голову над изобретением особого приспособления — СТЫКОВОЧНОГО УЗЛА, то есть устройства, которое позволяет кораблям накрепко соединяться в космическом пространстве. Это было нелегкое дело: «узел» этот должен был быть таким,

чтобы оба корабля могли одинаково подходить друг к другу и по своему желанию «стыковаться» со своим партнером. Почему обязательно оба? Потому что в случае какого-нибудь чрезвычайного происшествия в космосе, при аварии нужно, чтобы каждый второй корабль мог оказать помощь первому, а ведь который из них окажется в аварийном положении — неведомо.

Вот видите, как важно в мире техники обеспечивать возможность любым деталям машин точно подходить друг к другу и напрочню скрепляться с ними?! Представьте себе, что такие же «стыковочные узлы» существуют для скрепления друг с другом и у деталей нашего Великого Конструктора — ЯЗЫКА. Все слова каждого предложения (и в частности, все имена существительные) должны иметь специальные «стыковочные устройства» для возможности не просто примыкать друг к другу, накапливаясь в случайные ряды, а смыкаясь, образовывать связную речь. Предложение всего прежде.

Вот возьмем три места из забавного стихотворения В. Инбер «Сороконожки».

1) У СОРОКОНОЖКИ

Народились крошки.

Что за восхищенье:

Радость без конца!

2) Мать-СОРОКОНОЖКА,

Погрустив немножко,

*Говорит: «Пора вам
В школу, детвора».*

3) «Слишком много ножек
У СОРОКОНОЖЕК!

Я изнемогаю!» —

И пошла гулять.

Возьмем слово *сороконожка*. Вот во втором случае оно так и звучит: *мать-СОРОКОНОЖКА* (кто?).

В первом случае, однако, мы встречаем его чуть-чуть измененным: *у сороконожки* (у кого?).

В третьем случае то же слово отвечает опять на вопрос «у кого?», но только ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ: *у сороконожек*. Очень нетрудно разобраться в том, что тут происходит!

Чтобы имя существительное могло в разговоре (или на письме) правильно соединяться с другими словами, образуя ПРЕДЛОЖЕНИЯ, оно имеет возможность *м е н я т ь с в о и О К О Н Ч А Н И Я*. Происходит это не как попало, а в прямой зависимости от того, какой СМЫСЛ мы хотим придать этой связке слов. Как видите, в разных случаях, отвечая на РАЗНЫЕ ВОПРОСЫ, наше существительное применяет РАЗНЫЕ СТЫКОВОЧНЫЕ УЗЛЫ, то есть РАЗНЫЕ ОКОНЧАНИЯ.

На вопрос «кто?» отвечает слово *сороконожка*. Принято считать основной формой слова именно ту, в которой оно находится, отвечая на этот вопрос «кто? что?».

На вопрос «у кого?» (или просто — «кого?») то же слово отвечает, изменив свое **о к о н ч а н и е**. Жила-была (кто?) **сороконожка-А**. Народились крошки (у кого?) **у сороконожки-И**. Если бы затем **сороконожка-А** устроила бы пир и (к кому?) **к сороконожке-Е** пришли бы гости, слово это изменило бы окончание в соответствии с новым **в о п р о с о м**.

Много ли нужно таких различных скрепок-окончаний, чтобы мы могли при их помощи достаточно свободно изменять любое существительное, выразить какую нам понадобится мысль, сделать любое **с о о б щ е н и е** о том или другом предмете, существе, обстоятельстве?

Русский язык обходится — и великолепно обходится! — **ПЯТЬЮ** такими «скрепками»: «кто? что?», «кого? чего?», «кому? чему?», «кем? чем?» и последняя, двойная, — «о ком?» или «о чем?».

Я назвал это последнее изменение «двойным», потому что в нем помимо изменения окончания делу помогает еще и **п р е д л о г**. Тут я хотел бы, чтобы вы хорошо заметили разницу! Во всех остальных четырех случаях с именем существительным тоже могут связаться разные предлоги. «**ОТ** кого?» или «**ДЛЯ** кого?», «**К** кому?», «**С** кем?» или «**ЗА** кем?». Но во всех этих случаях предлог может участвовать в деле, а можно обойтись и без него.

К т о ? ч т о ? «Вот **СОРОКОНОЖКА**» — тут предлог вообще неуместен.

К о г о ? ч е г о ? «Лапки сороконожки» — предложения нет, а **у к о г о ? ч е г о ?** «**У** сороконожки» — он появился.

К к о м у ? ч е м у ? «**К** сороконожке» — есть предлог.

К о м у ? ч е м у ? «Сороконожке природа дала много ног» — никакого предлога.

С к е м ? ч е м ? «С сороконожкой надо быть осторожным» — предлог.

К е м ? ч е м ? «Сороконожкой надо родиться» — зачем он тут?

А вот когда доходим до **ПЯТОГО ИЗМЕНЕНИЯ**, оно оказывается **НЕМЫСЛИМЫМ БЕЗ ПРЕДЛОГА**.

Оно употребляется нами лишь тогда, когда мы можем или хотим задать вопросы: «о ком?», «о чем?», «при ком?», «при чем?», «на ком?», «на чем?», «в ком?», «в чем?». Таким образом, **ТУТ** одного только изменения окончания **НЕ ХВАТАЕТ**. **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нужен **ПРЕДЛОГ**.

Вот почему все эти пять ступеней изменения окончания **ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ**, которые в грамматиках обычно называются **ПАДЕЖАМИ**, называются каждый своим именем, но только пятое изменение носит название **ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ**.

Неприменно ли для всякого языка иметь **ПЯТЬ ПАДЕЖЕЙ**? Вовсе нет: еще когда я учился, считалось, что в русском языке есть **ШЕСТОЙ** падеж — **ЗВАТЕЛЬНЫЙ**; правда, признавалось, что его невозможно отличить по форме от **ИМЕНИТЕЛЬНОГО**, отвечающего на вопрос «кто? что?»: *Генка! Ты тут?*

Этого мало. И сейчас в дальнейшем вам придется услышать о существующем **ШЕСТОМ** русском падеже — **ВИНИТЕЛЬНОМ**. Вы узнаете, однако, что когда разговор идет о живых существах, он отвечает на

вопрос «кого?», какой мы уже встречали во втором из перечисленных нами изменений; а если речь заходит о предметах или явлениях — то на вопрос «что?», как первый, именительный падеж. Вот пример:

Я вижу (кого?) слона.

Я вижу (что?) чучело слона.

Лучше уж я перечислю сейчас русские падежи, чтобы потом, когда мы вернемся к ним, вы их все знали. Вот они, с их вопросами:

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ — кто? что?

РОДИТЕЛЬНЫЙ — кого? чего?

ДАТЕЛЬНЫЙ — кому? чему?

ВИНИТЕЛЬНЫЙ — кого? что?

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ — кем? чем?

ПРЕДЛОЖНЫЙ — о ком? о чем? при ком? при чем? и т. д.

В других языках мира падежей совсем другое число. Например, в немецком их только четыре... Что же, позавидовать немцам? Стоит ли? У финнов насчитывается п я т н а д ц а т ь падежей, и вы думаете, они нам завидуют? Да несколько: они так же привыкли к своим пятнадцати падежам, как мы к своим пяти (не считая в и н и т е л ь н о г о). Им кажется, что без полутора десятков падежей совершенно невозможно обойтись.

Кстати сказать, стоит тут заметить еще вот что.

В нашем (и во многих других) языках существительные изменяют от падежа к падежу свои окончания. Только в одном случае они призывают на помощь ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРЕДЛОГ.

А в ряде других языков окончания от падежа к падежу остаются неизменными. Изменяются как раз ПРЕДЛОГИ: каждый падеж связан со своим (или со своими) обязательными предлогами: там все падежи — п р е д л о ж н ы е. Есть и такие языки, где изменение окончаний заменено расположением слов. Но никак нельзя сказать, какой из этих способов ЛУЧШЕ или какому ЛЕГЧЕ обучиться. Все одинаково легки и трудны, в зависимости от того, родному или чужому для вас языку вы хотите научиться.

В родном все легко, и уже годам к шести-семи вы им отлично овладеваете. В чужом же языке все трудно, и овладеть им в совершенстве — задача почти неразрешимая. Но «почти» не означает «вовсе»...

Сделаем вывод: для связи слов в нашем языке служат ОКОНЧАНИЯ и ПРЕДЛОГИ. Они помогают свинчивать из деталей речевого КОНСТРУКТОРА осмысленные — случается, очень объемистые — СООРУЖЕНИЯ: стихи, рассказы, даже целые многотомные романы. Вот почему надо очень хорошо основаться как раз с этими простейшими «винтиками» и «шурупчиками» его.

Последнее замечание в связи с этим. Если вы рассмотрите во всех падежах несколько различных существительных, то вы заметите, что и в ИМЕНИТЕЛЬНОМ падеже у многих из них есть окончания, а у некоторых их вовсе нет: точно они обрублены.

Хат-а — имеет окончание *-а*. Мы его заменяем в других формах-падежах на *-ы, -е, -у, -ой* и так далее. А вот у слова *дом* в именительном падеже никакого

окончания нет. Оно появляется только в других падежах: *дом-а, дом-у, в дом-е, дом-ом*.

Это правильное наблюдение! Запомните: существительные мужского рода, если они оканчиваются на любой согласный звук или на **Й**, в именительном падеже окончания не имеют...

Много позднее вам скажут по-другому. «У них тут н у л е в о е окончание», и это будет сказано точнее. Но пока что будем считать, что НУЛЬ равен «ничего», и значит, «никакого» окончания у них тут нет.

ДЕЛО НЕ В «МЯГКОСТИ»!

Вот перед вами целый ряд слов, которые оканчиваются на шипящие согласные. Окончаний у них, как мы только что установили, нет и быть не должно.

Однако...

ТРУБАЧ	ПЕЧЬ
МЕЧ	РЕЧЬ
КЛИЧ	ДИЧЬ
ФРЕНЧ	МЕЛОЧЬ
СВЕТОЧ	НОЧЬ
ДУШ	БРЕШЬ
ГУЛЯШ	РОСКОШЬ
КЛЁШ	МЫШЬ
ХВОЩ	ЧУШЬ
БОРЩ	ОВОЩЬ

В ЛЕВОМ столбике — все в порядке. В ПРАВОМ почему-то после шипящих стоит мягкий знак — «ерик».

Конечно, вы понимаете, что он — не окончание. Но, с другой стороны, он что-то не похож тут и на знак смягчения шипящего согласного. Дело в том, что со-

гласный **Ш** всегда бывает твердым и не может смягчаться. Напротив того, согласный **Ч** всегда встречается только как мягкий и стать твердым не в состоянии.

Поэтому звук **Ч** в словах *меч* и *речь* МЫ ПРОИЗНОСИМ СОВЕРШЕННО ОДИНАКОВО. ТАКОВ ЗАКОН нашего языка: и там и тут он звучит мягко.

Точно так же совершенно одинаково мы произносим звук **Ш** на концах слов (*баи на баи* и *роскошь* или *чушь*), одинаково твердый. Никакой **Ь** его смягчить не способен.

А если так, то, спрашивается, зачем же он здесь стоит и что он обозначает?

Приглядитесь к обоим столбцам слов. Какая разница между левым и правым? Она бросается в глаза: в левом столбце все сплошь существительные мужского, в правом — женского рода.

Вот указывать на род существительных, оканчивающихся на шипящие **Ш, Ж и Ч, Щ** и входит в обязанности мягкого знака в этом случае.

Слова *нож* и *рожь* мы произносим, заканчивая их одинаковым твердым **Ж**. Таков ЗАКОН нашего произношения. А на письме мы существительные ЖЕНСКОГО РОДА пишем с мягким знаком после шипящего. Такова теперь единственная «служба» мягкого знака после шипящих!*

* Конечно, это не просто так, не с бухты-барухты. Вы помните, в глубокой древности у существительных мужского рода на концах стоял звук **ъ**, а существительные женского рода оканчивались звуком **ь**. Тогдашним читателям различие между *дочь* и *врач* не казалось нелепым, ведь они и выговаривались неодинаково; как-то вроде [доч'] и как-то вроде [врач⁰]. Теперь эти конечные звуки исчезли, «атрофировались», и мы удивляемся: зачем же тут стоят мягкие знаки (а в других случаях — ничего не стоит)?

«ЭТА ДВЕРЬ...»

Дверь? Котора дверь?
...Эта? ПРИЛАГАТЕЛЬНА... Потому что
она приложена к своему месту...

Д. Фонвизин.
Недоросль

До сих пор мы называли их несколько загадочно: «какой-какое»-слова. Теперь вам разрешается узнать их общепринятое название — ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

*Вот уж снег ПОСЛЕДНИЙ в поле тает,
ТЕПЛЫЙ пар восходит от земли,
И кувиинчик СИНИЙ расцветает,
И зовут друг друга журавли.
ЮНЫЙ лес, в ЗЕЛЕНЫЙ дым одетый,
ТЕПЛЫХ гроз нетерпеливо ждет...*

Это — стихотворение поэта Алексея Константиновича Толстого. Обратите внимание на те слова, которые напечатаны КРУПНО. Если вдуматься в них, то можно заметить два их свойства.

Все они попадают в речи не в отдельности, а обязательно как бы прикрепленными к ИМЕНАМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ.

(Что?) СНЕГ. (Какой снег?) ПОСЛЕДНИЙ.

(Что?) ПАР. (Какой пар?) ТЕПЛЫЙ.

(Что?) КУВШИНЧИК. (Какой кувшинчик?) СИНИЙ.

(Что?) ЛЕС. (Какой лес?) ЮНЫЙ.

(Что?) ДЫМ. (Какой дым?) ЗЕЛЕНый.

(Чего?) ГРОЗ. (Каких гроз?) ТЕПЛЫХ.

Имен прилагательных никогда не увидишь в пажах со «что делать»-словами или друг с другом. Невозможно сказать: *синий убежать* или *милый грибной*. Вам может показаться, что тут я не прав: можно ведь сказать: *милый грибной дождь* или даже *милый грибной суп*. Но вы ошибаетесь: тут оба прилагательных нарочно прикреплены не друг к другу, а к существительному *суп*. Или — к *дождь*.

Занимаясь ИМЕНАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ, мы видели, что их можно изменять по числам и по падежам: *рыбка — рыбки — рыбками*...

Так как ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ всегда бывают связаны с СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ, то вполне понятно, что и они должны получить ту же способность (или те же способности) изменяться по числам и падежам.

В самом деле: если бы это было не так, то, с полным удобством сказав

ЗОЛОТАЯ РЫБКА,

мы оказались бы в затруднении, если бы нам пришлось выговорить

Я вижу ЗОЛОТАЯ РЫБКУ

или

Помните, друзья, о ЗОЛОТАЯ РЫБКАХ?

Да зачем я выдумываю? Ведь у Пушкина уже давно дан ответ на эти сомнения. У него говорится то *отвечает золотая рыбка*, то *пришел невод с... золотою рыбкой*, *непростою*, то *стал он кликать золотую рыбку*.

Если бы рыбка вызвала себе на помощь из синего моря свою сестру, то поэт заговорил бы уже о ДВУХ ЗОЛОТЫХ РЫБКАХ: изменился бы не только падеж, но и число.

Пока все идет ровным строем: что у существительных меняется, то же меняется и у прилагательных.

Но вот ведь какая история: если существительное *рыбка* женского рода, то этот род так при нем навечно и остается. Чтобы изменить его, *рыбка* должна стать другим словом. Ну, скажем, — *рыбец* (есть такая порода рыб).

Правда, мне никогда не приходилось встречать упоминание о *рыбцах* золотого цвета, но вот, скажем, такой окраски *петушок* встречается у Пушкина в другой сказке, которая называется... вот именно:

ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК.

Рыбка была ЗОЛОТ-АЯ, а петушок оказался ЗОЛОТ-ОЙ.

Следовательно, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ обладают по сравнению с существительными по крайней мере ОДНОЙ СПОСОБНОСТЬЮ БОЛЬШЕ: они могут изме-

нять, меняя свои окончания, кроме падежа и числа, еще и РОД. Это необходимо для того, чтобы они могли «ПРИЛАГАТЬСЯ» к существительным *любогo рoдa*.

Именно поэтому способность ИЗМЕНЯТЬСЯ ПО РОДАМ, меняя окончания, пожалуй, и есть самая главная отличительная особенность прилагательных. Они меняют род, как хамелеоны (есть такие ящерицы) или осьминоги (морские головоногие моллюски) меняют цвет своего тела, смотря по тому, какого цвета предмет, на котором они угнездились: на зеленом растении они — зеленые, на желтом песке — желтые. Стоит положить их на красную тряпку, и они приобретают пунцовый цвет.

Так и прилагательное: когда оно сцепилось с существительным МУЖСКОГО РОДА, оно само приобретает окончания *мужского рoдa*:

ДИК-ИЙ УТЕС.

Будучи связано с именем ЖЕНСКОГО РОДА, оно меняет окончание на *женский рoд*:

ДИК-АЯ СКАЛА.

С именем существительным СРЕДНЕГО РОДА *ущелье* оно получит форму:

ДИК-ОЕ УЩЕЛЬЕ.

Нельзя при этом забывать, что ведь и число ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО не может расходиться с числом СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО:

ДИКИЙ УТЕС,	но	ДИКИЕ УТЕСЫ,
ДИКАЯ СКАЛА,	но	ДИКИЕ СКАЛЫ.

То же и с *ущельями*.

Все — и дети и взрослые — помнят сказку о Коте в сапогах. Там был волшебник, который мог в один миг

приобретать любой образ и вид: льва так льва, мыши так мыши... Наши прилагательные обладают не меньшей переменчивостью: в данный миг оно — мужского рода, единственного числа и стоит в предложном падеже. А в следующем предложении оно уже принимает форму рода женского и меняет признаки единственного числа на признаки множественного. Может быть, вам будет любопытно вот что:

Сквозь волнистЫЕ туманы

Пробирается луна.

На печальнЫЕ поляны

Льет печальный свет она...

Это — Пушкин. Вы теперь видите у прилагательных женского и мужского рода во множественном числе одно и то же окончание *-ые*. А ведь в рукописи Пушкина они были разными. У него было написано: *волнистые туманы, но печальныя поляны*. Почему?

В те времена да и много позднее, вплоть до 1918 года, этими окончаниями отличали во множественном числе род прилагательных. В мужском роде они оканчивались на *-е*, в женском и среднем — на *-я*:

СинИЕ платочки

СинИЯ горы;

СинИЯ моря

Любопытно, что произносились все «три рода» совершенно одинаково, и мне, например, в младших классах было нелегко узнать, как надо писать: скажем, *сени новы-е* или *-я*; *кле-новы-е* или *-я*? Ведь чтобы это определить, нужно было сначала узнать, какого рода

существительное *сени*. А это — я думаю, и вы признаете — не так-то уж легко. Мы об этом уже говорили.

Я так подробно рассказал об этом, чтобы дать вам едва ли не самый лучший пример на взаимоотношения ЗАКОНОВ языка и ПРАВИЛ правописания.

По ЗАКОНУ ЯЗЫКА уже столетия назад окончания прилагательных в именительном падеже множественного числа стали во всех трех родах произноситься *о д и н а к о в о*. Произноситься, конечно, неясно: ведь ударение НИКОГДА не падает на последний слог этих прилагательных. Тем не менее долгие годы все упрямо писали то *умные*, то *умныя*, хотя определить, КАК именно нужно тут писать, можно было только помня правило, а никак не НА СЛУХ. И — ничего: все так и писали.

А потом в 1918 году была произведена великая реформа русского правописания и объявлено, что во всех трех родах надо писать одинаково — *-е*. И гром не грянул, землетрясения не случилось. ВСЕ СТАЛИ ПИСАТЬ ПО-НОВОМУ и пишем так до сих пор.

А вот реформировать ПРОИЗНОШЕНИЕ, заставив всех выговаривать *-е* в мужском роде прилагательных, а *-я* в женском и среднем, никак не удалось бы. Потому что законы языка меняются медленно, постепенно и независимо от людских желаний.

ТРУЖЕНИК И РАБОТЯГА

Вот ДВА ОРЛА. ОНИ СОВЕРШЕННО ОДИНАКОВЫ ПО ПОРОДЕ.

НО МЕЖДУ НИМИ — ОГРОМНАЯ РАЗНИЦА.

В чем?

Один орел — СИДИТ.

Второй орел — ЛЕТИТ.

Может быть, это тот же самый орел. Но тут он — ЛЕТИТ, а там — СИДИТ.

Чтобы отличить их друг от друга, нужно спросить: «А что правый ДЕЛАЕТ? А что ДЕЛАЕТ левый?»

Часть речи, отвечающую на вопрос «ЧТО ДЕЛАЕТ?» и все ему подобные: «что ДЕЛАЛА?», «что будем ДЕЛАТЬ?», «что СДЕЛАЕМ?», мы зовем ГЛАГОЛ. Иногда это слово заменяют другим, более по-русски звучащим: «название действия». Но это менее удачно потому, что «название действия» нередко

выражается именно с у щ е с т в и т е л ь н ы м: например — *полет*. По-видимому, лучше все-таки употреблять слово ГЛАГОЛ, потому что выразить вполне точно его, глагола, ЗАНЯТИЕ в языке не так-то легко: *бегать, прыгать, учиться* — это не «название действий», это как бы сами действия, выраженные словами.

Вот что касается в о п р о с о в, на которые отвечает ГЛАГОЛ, то тут все в порядке:

Что один орел ДЕЛАЕТ?
СИДИТ.

Что ДЕЛАЕТ второй? ЛЕТИТ.

Вам хотелось бы узнать, откуда взялось такое странное слово ГЛАГОЛ и почему его сделали обозначением слов, отвечающих на эти вопросы? Сделали, насколько можно судить, потому, что оно является одной из тех двух ЧАСТЕЙ РЕЧИ, без которых не построишь никакого предложения, не передашь собеседнику никаких СООБЩЕНИЙ.

Слово ГЛАГОЛ вообще и означало по-старославянски СЛОВО. Предки наши рассматривали его как бы как СЛОВО из СЛОВ. Важнейший вид слова.

Значит, глагол выражает ДЕЙСТВИЕ? Да, но вот что забавно: БЕЗДЕЙСТВИЕ тоже мы выражаем с его помощью. Как так?

Я вспоминаю деревенскую избу. Пожилая мать входит с улицы и замечает, что ее не слишком усердный к работе сын лежит «в пологу», на кровати.

— Ай, Санька, Санька, — с упреком говорит она, — ЧТО ЭТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

— Мам, мам! — отвечает сынок. — Я ЛЕНЮСЬ!

Это он выразился так не от невладенья ли русским языком? А.С. Пушкин гениально владел им и тем не менее писал:

Над морем я ВЛАЧИЛ задумчивую ЛЕНЬ,

или

Нехорошо, мой сын, за счет чужой ЛЕНИТЬСЯ...

Довольно легко установить, что во всех этих случаях *лениться* или, что то же, *влачить лень* отвечает на вопрос: «ЧТО ДЕЛАТЬ?», хотя и означает «не делать ничего». Странная вещь, но «ничегонеделание» язык расценивает как своеобразное ДЕЛО. Смешно?!

Мы установили, что такое глагол. Так же, как было с существительным и с прилагательным, — нам интересно установить, ИЗМЕНЯЕТСЯ ЛИ ОН и если да, то — как.

Я уже брал примеры из отличного стихотворения С.Я. Маршака о лодырях:

ВИДЯТ, ВИДЯТ л о д ы р и:

Из ворот

Хмурый и ободранный

К о т ИДЕТ.

И *видят*, и *идет* — глаголы. Первый относится к нескольким действующим существам, второй — к одному. У них разные концы: там **-ят**, здесь **-ет**:

Вот я выписываю глаголы из «Сказки о попе...» А.С. Пушкина:

Поп (что сделал?) ПОШЕЛ.

Балда (что делает?) ИДЕТ.

Батька (что сделал?) ПОДНЯЛСЯ, ВЗЫСКАЛСЯ.

Где (что сделать?) НАЙТИ (работника).

Буду я (что делать?) СЛУЖИТЬ (тебе).

(Что делать?) ЕСТЬ (мне).

(Что делай?) ДАВАЙ (полбу).

Поп (что сделал?) ПРИЗАДУМАЛСЯ.

Поп (что стал делать?) СТАЛ ПОЧЕСЫВАТЬ (лоб).

Сразу же можно заметить изменения, и притом не одного, а разных «сортов». Нетрудно отличить «изменения по времени»: глаголы выражают и то, что происходит СЕЙЧАС, и то, что БЫЛО РАНЬШЕ, и то, чего еще не было, но что случится ПОТОМ. Пример для первых: *Идет балда*, для вторых: *Пошел* (раньше) *поп*, для третьих: *Буду служить тебе*.

По-видимому, глаголы могут изменяться ПО ВРЕМЕНИ, выражать действия, происходящие В НАСТОЯЩЕМ, ПРОШЕДШЕМ и БУДУЩЕМ ВРЕМЕНАХ, то

есть теперь, когда идет разговор, раньше и потом, в будущем.

Глагол — едва ли не наиболее изменчивая из всех наших ЧАСТЕЙ РЕЧИ. Для того чтобы нести свою службу в нашем языке, ему приходится меняться на множество ладов и в самых разных смыслах. Но для нас пока что достаточно будет и сказанного: о других его превращениях мы будем говорить позже.

Я бы хотел, чтобы вы немного поупражнялись в умении различать времена глаголов.

Ж и л-б ы л славный царь Дадон.

Ж д у т, бывало с юга, — глядь —
А н с востока л е з е т рать...

Петушок мой золотой
Б у д е т верный сторож твой...

Петушок...
С т а л с т е р е ч ь его границы.

Верный сторож, как со сна,
Ш е в е л ь н е т с я, в с т р е п е н е т с я...
И к р и ч и т...

Определите, какие времена глаголов перед вами, и поставьте перед каждым тот вопрос, какой найдете необходимым и уместным.

НЕКОТОРЫЕ ПАМЯТКИ

В ряду этих ГЛАГОЛОВ были представители всех трех времен. При этом сейчас я замечу только вот что. К глаголам, стоящим в НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ, вы всегда можете подыскать вопрос, и притом только один: «что ДЕЛАЕТ (-ют)?»

Меняться он может лишь в связи с тем, о ком говорится: обо мне, о тебе, о вас, о нем или о них.

Если глагол стоит в ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ, вопросов может быть два: «что ДЕЛАЛ (-ла, -ло, -ли)?» и «что СДЕЛАЛ (-ла, -ло, -ли)?»

То же самое и по отношению к БУДУЩЕМУ ВРЕМЕНИ можно спросить: «что СДЕЛАЮ (-ешь, -ет, -ем, -ете, -ют)?» или «что БУДУ (-ешь, -ет, -ете, -ут) ДЕЛАТЬ?»

Я попрошу вас сейчас только запомнить, что это так, а почему оно — так, мы поймем несколько позже. Теперь второе.

Мы можем очень легко и с удобством сказать: *Мы пошли по грибы*. Тут, как вы видите, перед СУЩЕСТ-

ВИТЕЛЬНЫМ *грибы*, стоит предлог *ПО*. Нетрудно подобрать такие существительные, в начале которых будет стоять ПРИСТАВКА *ПО-*. Вот, скажем, *ПОгреб*, *ПОплавок*, *ПОскакунчик*, *ПОпрыгунья*. Глагол *шли* здесь тоже напрочно связан с ПРИСТАВКОЙ *ПО-*: *пошли*. Мы можем найти сколько угодно других глаголов с этой же или с другими приставками: *ПОбегать*, *ПОплавать*, *ПОсторониться*, *РАЗбежаться*, *ВЫсунуться*... Любое число. Но невозможно найти такой глагол, перед которым в предложении стоял бы какой-нибудь ПРЕДЛОГ. Этого никогда не бывает, и даже выдумать что-нибудь подобное невозможно:

К БЕГАТЬ я не могу!

НА ОБЕДАТЬ мы будем попозже?..

Совершенно немыслимое дело!

Если хотите, это очень удобно, как и во всех случаях, когда ЗАКОН ЯЗЫКА не расходится резко с ПРАВИЛОМ правописания. Вы совершенно одинаково можете произносить и слышать приставки в началах глаголов и предлог перед существительными, не делая в обоих случаях никакой паузы между теми и другими и следующими за ними словами.

Но ПИСАТЬ вы должны всегда ПРИСТАВКИ СЛИТНО С ГЛАГОЛАМИ, а ПРЕДЛОГИ — ОТДЕЛЬНО от следующих за ними имен:

ПРИСЕСТЬ

ПРИ СЕЛЕ

ПОДОЙТИ

ПОД ДОМОМ*

НАДУТЬСЯ

НА ДНО

* Но не забывайте, что при именах существительных тоже могут быть приставки, похожие на предлоги: *приставка*, *поддон*, *накидка*.

Еще удобнее, пожалуй, правило о правописании отрицания НЕ перед глаголами.

ОНО ВСЕГДА ПИШЕТСЯ ОТДЕЛЬНО.

Поэтому вам НЕ надо задумываться, как написать сочетания глаголов с этой отрицательной частицей:

НЕ МОГУ или НЕМОГУ?

НЕ БЫВАЕТ или НЕБЫВАЕТ?

НЕ ЗНАЮ или НЕЗНАЮ?

Всегда только так, как в ЛЕВОМ СТОЛБИКЕ!

Всегда, да не совсем. Есть глаголы, которые БЕЗ ОТРИЦАНИЯ «НЕ» не употребляются. Их немного. Сейчас, просмотрев словарь, я заметил там только шесть таких глаголов:

небрежничать, невежничать, негодовать, неистовствовать, ненавидеть и неряшествовать.

Узнать, как их надо писать, просто: вы сами понимаете, что глаголов вроде *истовствовать* или *годовать* не существует.

Значит...

ЧТО-ТО ВРОДЕ СЛОВАРЯ

ГЛАГОЛ. В наших грамматиках это обозначение взято из славянского языка. В старославянском языке слово это как раз и означало *слово, речь*. В нем существовало и слово *глаголати* — говорить.

Сейчас и СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, и ГЛАГОЛ давно перестали числиться в нашем разговорном (и даже письменном) языке. Мы не говорим: *Что ты мне глаголешь?* Однако в произведениях наших великих писателей и поэтов встречаются и само слово *глагол* и некоторые производные от него.

В «Пророке» Пушкина *Бога глас*, то есть *голос Бога*, приказывает блуждающему в пустыне древнему отшельнику:

*И, обходя моря и земли,
ГЛАГОЛОМ жги сердца людей.*

Тут глаголом значит словом.

У М.Ю. Лермонтова в «Споре» говорится:

Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
БЕЗГЛАГОЛЬНА, недвижима
Мертвая страна...

Безглагольный здесь означает безмолвный, бессловесный. Не только в нашем языке для обозначения этой части речи выбран термин, другое значение которого — слово, речь. То же самое мы можем увидеть и во французской грамматике. У них слово *Verb* [Верб], заимствованное из латинского языка, означает одновременно и слово, и речь, и глагол в грамматическом смысле. Мало того: французы также употребляют слово *verbiage* [вербиажэ], связанное с [верб], оно означает *пустоболтать, нести околесицу*, как мы употребляем слово *разглагольствовать*.

Надо заметить, что судьба слова *глаголь* (то есть *говори*) в русском языке в письме довольно причудлива. Оно стало в старорусской азбуке названием буквы Г: так и читалось: «Аз, Буки, Веди, Глаголь, Добро...», то есть: А, Б, В, Г, Д... А затем, уже по сходству формы, оно стало обозначать и очень скверную вещь: столб с прибитой наверху перекладиной, в форме буквы Г — орудие казни, виселицу. У Пушкина в неоконченной балладе «Альфонс садится на коня...» есть такие строки:

Кругом пустыня, дичь и голь...
А в стороне торчит г л а г о л ь,

И на глаголе том два тела
Висят.

Отвратительная, но свойственная тому времени и месту, которые поэт описывает, картина.

Странно, хотя и объяснимо, что в нашем флоте, среди его разнообразного «стоячего» и «бегучего» такелажа (снастей), имеется один *гак*. Это слово означает на флоте *крюк*, который называется *глаголь-гак*.

Почему? Потому что одна из его составных частей торчит в сторону, как поперечная черточка на букве Г и *глаголе*. Объясняется это тем, что на флоте доныне еще держится привычка называть и флажные сигналы «букв» их старинными, славянскими именами. Так, например, желтый флаг, означающий Д, зовется *добро*; голубой с белой продольной полоской посредине носит имя *рцы*, так как значит Р. С незапамятных времен та нарукавная повязка таких же цветов, которую надевают дежурные офицеры, называется

также: *рцы*. Это забавно, потому что славянское слово *рцы!* означает только одно: *говори!*. Ну уж туда-сюда, если его много веков назад сделали именем той буквы, с которой слово это начиналось, и оно стало значить просто *буква Р*. Но то, что до наших дней оно дожило со значением «сине-бело-синяя повязка на рукаве морского офицера», — это уже смешно. Разве нет? А что поделаться: так держится своих старых привычек наш язык. Если он что-нибудь называл каким-то словом, то потом это «что-нибудь» может совершенно перемениться, а СЛОВО язык сохранит за ним старое.

Вот пример. Когда глаголом *стрелять* означали выпускание стрел из лука — ничего возразить было нельзя. *Стреляли стрелами*.

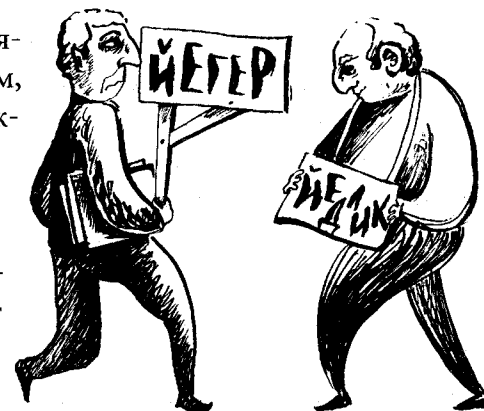
Теперь какое-нибудь 405-миллиметровое орудие бросает на расстояние в сорок километров весящий чуть ли не тонну снаряд, а мы все еще говорим: *Орудие стреляет по противнику*.

Вот это и можно назвать и н е р ц и е й я з ы к а.

ЙОТ. В нашей азбуке нет буквы, которая обозначала бы звук «йот», тот самый «йот», что у немцев пишется в виде J и называется именно так: [йот]. У французов буква эта носит название «жи» и произносится как наше [Ж], а в испанском языке именуется «хота», выговаривается и вовсе как [X]...

У нас зато имеется буква Й, И краткое, хотя, если поразмыслить как следует быть, так не так-то уж просто будет найти сходство между звуком, который она изображает, и тем, который изображает обычно И.

И все-таки какая-то «правда» есть в том, что мы зовем эту букву И с краткой, или И краткое. Ученые говорят, что в ряде случаев наше Й действительно означает «неслоговой гласный И», там, где он является после

«слогового гласного». Ну, например, в слове *чай** или *май*. Однако бывают другие случаи, когда мы пишем наше Й: скажем, во множестве разных иностранных названий городов, местностей, в именах и фамилиях людей и так далее.

Вот я беру в руки 19-й том II издания Большой советской энциклопедии. Вторым словом на букву Й на странице 178 идет норвежская фамилия *Йегер*, так звали одного скандинавского писателя. За ним следует Иштван *Йедлик* — венгерский физик. Против этого нельзя найти возражений: в языках этих народов на этих местах стоит... Нет, там именно стоит никакой не «неслоговой гласный И», а самый настоящий «СОГЛАСНЫЙ ЗВУК ЙОТ», который встретился нам в Испании даже в виде [X] — «хоты».

На букву Й в этом томе БСЭ начинается 57 различных — всех до одного нерусских — названий и имен. Среди них, как это ни неожиданно, встреча-

* Ведь недаром же говорится: *Хватит чаи распивать!*

ется два имеющих на карте СССР: *Йошкар-Ола* — столица Марийской АССР (ныне Республика Марий Эл. — *Прим. ред.*), и *Йыгева* — городок в Эстонии. Во всех этих случаях, разумеется, наше **Й** передает именно «йот», а не краткое **И**. Это бесспорно. Но вот что любопытно. Тут же, в этом же томе, приведены названия японских городов: *Йоккаити* и *Йонаго*. Это совершенно естественно: а как же иначе изобразить их? Но вот неожиданность: рядом с этими названиями в скобках они же написаны иначе: *Ёккаити* и *Ёнаго*. И это, если хотите, опять-таки нельзя признать за «ошибку». Почему? Да потому что наше **Ё** в началах слов или после гласных (*ёлка, жильё*) действительно произносится совершенно так же, как [йо]. Это, на мой взгляд, является наилучшим доказательством того, что звук «йот» в русском языке существует, и на письме мы изображаем его — по большей части просто-напросто буквами **Е, Ё, Ю, Я**, но иногда, как вы видели, и при помощи буквы **Й** с соответствующими гласными: **Э, И, У, А**.

Впрочем, по-видимому, правила правописания нельзя в этом случае считать достаточно твердыми. Иначе чем объяснить, что **ДЛЯ** *Йоккаити* и *Йонаго* БСЭ приводит и другое написание — *Ёккаити* и *Ёнаго*, а вот бедные *Йокосука* или английский *Йорк* — лишены такого преимущества.

Я выбрал именно слова на **Ё** потому, что у них указано двоякое написание, и вопрос сам собою разъясняется. Но ведь йотацию можно было бы отметить почти при каждой из перечисленных мною несколькими

строчками выше гласных. Нетрудно понять, что такие названия, как *Европа, Египет*, мы могли бы писать с тем же основанием *Йевропа, Йегипет*, вместо *Югославия* ставить *Йугославия* и *Японию* именовать *Йапонией*.

Почему же мы так не поступаем? Да главная причина тут — установившаяся десятилетиями и столетиями привычка. Можно прямо сказать, что как раз разноречием, который мы заметили в правописании разных иностранных слов, начинающихся со звуков **ЙО** (или **Ё**), является лучшим тому доказательством. И, говоря откровенно, приходится признать, что те языки, которые, положим, пишут имя одного из сыновей легендарного Ноя — Jafet, поступают едва ли не логичнее, чем мы, изображающие его как *Яфет*. Потому что в этом имени перед звуком **А** бесспорно и несомненно присутствует согласный звук **ЙОТ**.

Вот в словах *рай, сарай, бой, рой* — «йота» нет, а имеется... ну, вы теперь и сами радостно скажете — что: **НЕСЛОГОВОЕ И!**

ПРЕДЛОГ. Большинство наименований, которые употребляются в русской грамматике (во всяком случае, многие из них), позаимствованы нами со стороны. В этом не так уж много удивительного: ведь и самую грамоту нашу, самое наше письмо мы взяли, через южных славян, от греков-византийцев. Оно было построено, как говорят, на **о с н о в е** греческой азбуки, а так как главной задачей обучения грамоте в те далекие времена считалось — получить возможность читать священные, богослужебные книги, то и сам греческий

язык, с которого они переводились, и греческое письмо получили в глазах наших предков оттенки некоторой священности. Об этом я уже говорил в связи со звуком и буквой **Ф**.

Вероятно, это простиралось как-то и на грамматику. Те ученые слова, которые встречались в сочинениях византийских грамматиков, либо прямо включались в состав русских слов, либо же *п е р е в о д и л и с ь* на русский язык. Вот так с греческого было переведено и слово *protesis* [протэ́зис]. Предлог [про-] там — приставка, означающая *перед, пред*, а [тэ́зис] имело по-гречески много значений, среди которых было и «положение», «укладывание».

Теперь вы можете ясно видеть, что *пред-лог* есть как бы буквальный перевод, так сказать, «пере-ложение» на славянский язык греческого [протэ́зис'а]. (Кстати, не подумайте, что с этим [протэ́зис'ом] связано наше слово *протез*. Оно тоже греческого происхождения, но по-гречески звучит *prosthesis* [проСтэ́зис], что значит «прибавление», «наставка».)

Надо сказать, что греческое [протэ́зис] было в свое время усвоено римскими грамматиками. Тут оно превратилось в латинское *prepositio* [прэпози́цио], состоящее опять-таки из [прэ-] — «перед» и [пози́цио] — «положение». В нашей современной грамматике термин *предлог*, пожалуй, является переводом именно этого латинского *п е р е в о д а*. А возможно, посредником между латынью и нами мог оказаться и ее потомок — французский язык: в нем *предлог* звучит как *proposition* [прэпози́сьон]. Составители русских грамматик

конца XVIII — начала XIX века могли взять название для этой части речи из любого из трех языков.

В грамматиках же славянского языка, несомненно, жила и продолжала жить византийская традиция.

Что еще можно сказать об этом слове? Как я уже заметил выше, оно является представителем тех двух-трех грамматических терминов, у которых есть в общерусском языке двойники.

Вы постоянно можете услышать:

Надо найти ПРЕДЛОГ, чтобы побывать у дяди Коли,
или:

А он только ищет подходящего ПРЕДЛОГА, чтобы поссориться.

Если, услышав такие речи, вы решите, что дело идет о выборе из предлогов *по, на, в, с, к, от* и тому подобных, вы жестоко ошибетесь. В данном случае существительное *предлог* означает:

«искусственно созданный повод, причина». Иногда можно установить, какое значение слова родилось раньше — житейское или «научное», но тут я не берусь сказать вам это. Впрочем, пожалуй, больше шансов все же за то, что они оба возникли чрезвычайно

давно: по крайней мере, в «Материалах к словарю древнерусского языка» И. Срезневского *предлог* — «повод» выписан из рукописи XI, а *предлог* — часть речи — XIII века.

Вот, пожалуй, я и сообщил вам все наиболее существенное о ПРЕДЛОГЕ.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ. В том же словаре И. Срезневского слово ПРЕДЛОЖЕНИЕ имеет множество значений:

- 1) жертва (XI в.);
- 2) поручение;
- 3) вступление, начало;
- 4) требование, нужда.

Как видите, все это очень не похоже на наше грамматическое *предложение*. По-видимому, слово это, в значении «законченная мысль, выраженная словами», появилось в нашей грамматике поздно и, скорее всего, под влиянием грамматики латинского языка, где существовал термин *proposition* [пропозицио] (в отличие от [прэпозицио] — предлога). Перешел этот термин во французский язык, где *proposition* [пропозисьон] означает сразу и «мысль, выраженную словами», и «предоставление возможности свободно решить что-либо в ту или иную сторону», «приглашение сделать выбор». То есть, если я скажу вам: «Хотите — прочтите эту книгу», — вы получите от меня НЕКОТОРОЕ «предложение». Но в то же время САМИ ЭТИ ЧЕТЫРЕ СЛОВА образуют и «грамматическое предложение».

Насколько можно судить, в обоих этих значениях слово это вошло в наш язык сравнительно недавно и, возможно, именно из французского языка.

Разница в судьбе обоих значений этого слова довольно существенна. От того, которое осталось жить в общем языке, отпочковались (или вступили с ним в тесную связь) глаголы *предложить* и *предлагать*; слово *предложенный*, которое мы с вами пока что можем считать *прилагательным* (позднее вы узнаете, какая это на самом деле часть речи). Слова эти жили в языке и раньше, но значения их были или совершенно иными, или не совсем такими, как теперь у нас. Так, скажем, *предлагати* могло значить *раскладывать*, *открывать* или даже *отдавать*. То же, которое превратилось в грамматическое обозначение, как бы засохло и потеряло связь с однокоренными словами. *Произнести* (или *написать*) *предложение* никогда не значит *предложить*. Если вы слова, напечатанные между двумя точками в книге, назовете *предложенными* словами, собеседник сначала удивится, а затем — посмеется над вами.

По-латыни [про] есть предлог, означающий то же самое «перед», глагол *ponere* [понэрэ] значил *класть*, *полагать*. Как видите, если *предложение* считать переводом с латинского, все очень хорошо совпадает. Впрочем, вероятно, что русские грамматики просто подобрали к латинскому термину равнозначное ему, уже существовавшее на Руси слово, до тех пор имевшее другое значение.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ. Вспомните строчку из «Недоросля», которую я привел в начале главы об этой части речи. Там учитель уверял, что слово *дверь* может быть и прилагательным, и существительным. Суще-

твительным — когда она еще «просто существует», а прилагательным — когда ее уже «приложили к стене».

Чепуха, но показывающая, что горе-ученик все-таки запомнил что-то из того, что ему самому вдалбливали. В самом деле, и в греческом *ἐπιθετον* [эпитэтос] — «приложенный», и в латинском *adjectivum* [адъективум], переведенном кое-как с греческого, буквально: «нечто подкинутое», «прибавленное», «приложенное», видно то же значение, тот же ход мысли, что и в нашем «прилагательном»: «приложить» или «подбросить» — так ли уж велика разница?

Любопытно, что в нашем языке нашли себе место и переведенное с греческого на русский *прилагательное*, и само греческое слово *эпитет*. Вы его еще не слышали? Это ничего: услышать придется, потому что каждое прилагательное, соединенное с существительным, в науке о литературе могут назвать эпитетом.

СУФФИКС. И это ученое слово было перенесено к нам — возможно, прямо через посредство более современных западноевропейских языков — из древнеримской грамматики. Там слово *suffixus* [суффиксус] означало: «прикрепленный под (то есть «позади») чем-либо». Мы с вами знаем, что термин этот довольно точно подходит к нашим суффиксам — той части слова, которая стоит непосредственно «за», создав, вслед за корнем. Происходило это латинское существительное от глагола *suffigere* [суффигерэ]; он имел в буквальном смысле значение «подбивать, прикреплять снизу». Грамматисты придали ему новое, нужное им значение и смысл.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ. Во французской, немецкой, итальянской, испанской, английской, датской, шведской, норвежской грамматиках имя существительное обозначается словом, происходящим от латинского *substantivum* [субстантивум]. Это слово было в прямом родстве с существительным *substantia* [субстанция], которое значило: «сущность», «существо». В Древнем мире тогдашние языковеды полагали, не без основания, что слова, называющие предметы, вещи и живые существа, имеют дело как раз с самой «сущностью» мира. Слово оказалось удобным и было заимствовано всеми теми языками, которые принадлежали народам, связанным с древнеримской культурой.

Многие другие народы Европы сочли более подходящим для себя перевести слово [субстантивум] на свои языки. У русских получилось *существительное* — как и у римлян, родственное словам, означющим «сущность» и «существо». Болгары называют его: *съществително* («имя»). В польском языке «существенный» — *vzeczywisty* [жечывісты], а «существительное» — *vzeczownik* [жечóвник] (от *vzecz* — «вещь»). (Мы помним, что в польском языке ударение всегда приходится на предпоследний слог слова.) В болгарском «съществително» после **С** стоит наш старый знакомец «ер», твердый знак. Здесь он не играет, как у нас, роль разделителя. Он там и сейчас, как в старославянском языке, изображает на письме в тех случаях, где на нем лежит ударение, звук, средний между нашими **А** и **О** (такой, например, как в русском слове

голова). Там же, где ударения на нем нет, его звучание приближается к нашему У. Вот это мы и видим в слове *существо* *существо*.

Впрочем, французы доказывают, что в латинском языке термин [субстантивум (вербум)] относился только к глаголу *быть*; он-то и назывался у римлян «существительным глаголом». Современное же его значение создано уже во французской грамматике. Возможно, так оно и есть. Тогда в других языках это обозначение совсем новое, недавнее.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ищите свой корень
и свой глагол,
Во тьму филологии
влазьте!
В.В. Маяковский

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ, РОДИТЕЛЬНЫЙ...

Это названия падежей. Мы о них уже говорили вскользь. Нам известно: имя существительное — это часть речи; соединяясь в связной речи в предложения, части речи превращаются в члены предложений. При этом они обычно изменяют свои окончания. Таких различных изменений мы тогда насчитали шесть и называли их ПАДЕЖАМИ.

Приспело время поговорить обо всем этом подробнее. Прежде всего — странновато слово *падеж*. Оно очень напоминает другое русское слово: *падёж*. Но *падёж* значит — «гибель животных от заразной болезни». Как же это могло связаться с грамматикой?

Мы уже видели примеры того, что русские грамматические названия оказываются взятыми у других народов. В частности, от древних греков и римлян.

Так получилось и тут. Греческое *ptosis* [пті́зис], римское *casus* [ка́зус] означали вначале «падение», в частности — «выпадение игральные костей при игре». Отсюда к слову *падение* присоединилось значение «случай», «жребий»; *к о с т я м и к и д а л и ж р е б и й*. Древние грамматики этим же словом нашли уместным обозначать и изменение слов при их СКЛОНЕНИИ. Умно ли они придумали или нет, мы сейчас не станем обсуждать. Однако многие языки Европы позаимствовали у них их выдумку. Французы прямо приняли слово [казус], лишь изменив его на свой лад: *cas* [кас]. У итальянцев и испанцев оно звучало как *caso* [ка́зо] и *casoí* [ка́со]. Немцы, датчане, шведы сохранили его в латинской форме: *kasus* [казус]. В болгарском и русском языках слово [казус] переведено как ПАДЕЖ. Поляки сделали из него свое польское *przypadek* [пшыпа́дэк]. Словом, термин, как говорится, пришелся всюду ко двору, а языкам ничего другого и не требуется.

Значит, падежей у нас ШЕСТЬ:

ИМЕНТЕЛЬНЫЙ

РОДИТЕЛЬНЫЙ

ДАТЕЛЬНЫЙ

ВИНИТЕЛЬНЫЙ

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ

ПРЕДЛОЖНЫЙ

Я уже рассказывал, что существовал на Руси еще и ЗВАТЕЛЬНЫЙ падеж. Но в подавляющем большинстве случаев народ наш стал употреблять для обращения друг к другу падеж ИМЕНТЕЛЬНЫЙ, например:

*Отец! Отец! Оставь угрозы,
Свою Тамару не брани,—*

написал М. Лермонтов в «Демоне».

Ты, волна моя, волна! —

взывает к волнам князь Гвидон у Пушкина. Если нам надо обратиться к старцу, мы скажем ему: *Почтенный старец!* Но вот тот же Пушкин в «Сказке о рыбаке и рыбке» заставляет золотую рыбку неоднократно говорить рыбаку:

«Чего тебе надобно, СТАРЧЕ?»

Старче от *старец*, *отче* от *отец* (по-древнерусски Тамара должна была бы взывать: *Отче! Отче!*), *Боже* от *Бог*, *Господи* от *Господь* как раз и были старыми формами ЗВАТЕЛЬНЫХ падежей.

Итак, в живом нашем употреблении теперь ШЕСТЬ разных падежей.

Повторю уже сказанное: это не много и не мало: у немцев и французов падежей меньше — всего по пять. У финнов их целых пятнадцать, а в родственном финскому венгерском языке в грамматике говорится: «Основных падежей — три: именительный, дательный и винительный». Но не торопитесь с радостью поставить себе задачей научиться говорить по-венгерски. «Неосновных» падежей у венгров — двенадцать, так что всего — столько же, сколько и у их родичей — финнов. Только у них эта дюжина падежей даже не

имеет своих названий. В таблицах склонения у них пишется просто: «В чем? — падеж». «Ради чего? — падеж» и так далее. Финская же грамматика — устрашает. У них, кроме знакомых нам

Именительного (Nominatiivi)

Родительного (Genetiivi)

Винительного (Akkusatiivi) (правда, он встречается в двух разных формах), мы находим еще

Родительный-дательный

Эссив (Essiivi)

Партитив (Partitiivi)

Транслатив (Translatiivi)

Инэссив (Inessiivi)

и так далее...

Не надо думать, что венгры и финны просто так роскошествуют, от хорошей жизни. Мы с вами можем попросту сказать: «Дети бегают босиком», а финну в этом случае никак не обойтись без еще одного падежа: ИНСТРУКТИВА (Instruktiivi). Только при его помощи может он выразить эту, на наш вкус, во все не требующую лишних падежей мысль.

Так что давайте останемся каждый при своем языке и своей грамматике: среди них нет ни лучших, ни худших, а есть только РАЗНЫЕ. И каждому народу свой собственный язык кажется САМЫМ ЛЕГКИМ.

Кстати, у болгар старый звательный падеж сохранился, только он получил не совсем те формы, какие мы усвоили в детстве (моем) из староболгарского языка. Так, к примеру, от слова *кон* (то есть *конь*) звательный падеж будет: *коньо!*

Теперь попытаемся перебрать наши шесть падежей поодиночке и более подробно ознакомиться с ними. Пожалуй, я откажусь от их «списочной» последовательности и начну не с правофлангового ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА, а с другого, который не грешно окрестить:

ПАДЕЖ-НАХЛЕБНИК.

Нет, я не хочу сказать про него ничего плохого, кроме одного: он живет ЧУЖИМИ ВОПРОСАМИ. Ну как же: каждый падеж характеризуется своими двумя вопросами:

ДАТЕЛЬНЫЙ — КОМУ? ЧЕМУ?

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ — КЕМ? ЧЕМ?

Если «кем? чем?» связан с ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ, то уж никак нельзя себе представить, чтобы на вопрос «кем?» отвечал еще, к примеру, и ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ, а на «чем?» — ДАТЕЛЬНЫЙ (хотя бы в таких-то и таких-то случаях).

А вот ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ не имеет ни одного ТОЛЬКО СВОЕГО СОБСТВЕННОГО вопроса. Он в одних случаях отвечает на вопрос:

КОГО? —

а мы знаем, что это вопрос РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА:

Я вижу (кого?) ЛЬВА.

Льва здесь — ВИНИТЕЛЬНЫЙ падеж.

Но он же может отвечать и на вопрос ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА — ЧТО?

Я вижу (что?) ЧУЧЕЛО льва.

Тут *чучело* — ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ.

В чем же разница? В обоих случаях им обозначено ТО, НА ЧТО ВОЗДЕЙСТВУЕТ ПОДЛЕЖАЩЕЕ «Я».

Но в первом случае оно воздействует на ЖИВОЕ существо, а во втором — на НЕЖИВОЙ ПРЕДМЕТ (не смотря на то, что он изображает животное и даже был когда-то животным).

Если спросить, каким ЧЛЕНОМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ являются в этих двух случаях слова, отвечающие на вопросы «кого?» и «что?», то и другое окажутся ДОПОЛНЕНИЕМ.

Нет, разумеется, не надо думать, что падежи разыгрывают в нашей речи странные сценки: ВИНИТЕЛЬНЫЙ берет займы вопросы то у ИМЕНИТЕЛЬНОГО, то у РОДИТЕЛЬНОГО, а потом они отбирают у него «временно данное ему в пользование». У ВИНИТЕЛЬНОГО, само собой, СВОИ, ОСОБЫЕ, хотя и звучащие так же, вопросы. Ведь оба «что?» и оба «кого?» довольно легко различить.

Вот перед вами тот же пример:

Я вижу (ЧТО?) ЧУЧЕЛО льва.

Прикиньте: это «что?» относится к подлежащему в данной фразе? Совсем нет: подлежащее здесь не «что?», а «кто?» — Я. А ваш вопрос относится не к нему, а к дополнению — к тому предмету, на который направлено мое ВИДЕНИЕ. Следовательно, это «что?» не «ЧТО?» ИМЕНИТЕЛЬНОГО, а другое «ЧТО?» — ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА. Это не одно и то же вопросительное слово; они только СОВПАДАЮТ друг с другом по форме.

Теперь возьмем первый из двух примеров:

(К т о?) Я вижу (к о г о?) ЛЬВА.

Подумайте: если я выпущу из этого предложения слово *вижу*, то, что останется:

Я — ЛЬВА,

потеряет всякое значение. Если же я уберу слово *Я*, оставшееся

ВИЖУ ЛЬВА

сохранит свой смысл. Можно даже нарисовать перепуганного человека с ружьем и подписать: ВИЖУ ЛЬВА. А если вам не нравится *Я*, можно изобразить замершую на месте антилопу со страхом в глазах и тоже подписать: ВИДИТ ЛЬВА! Смысл сохранится. ЗНАЧИТ, слово *льва*, вместе со своим вопросом, связано не с подлежащим, а с ГЛАГОЛОМ-СКАЗУЕНЫМ. А это опять-таки указывает на то, что оно само является дополнением. И даже больше того — ПРЯМЫМ ДОПОЛНЕНИЕМ.

Стал он кликать ЗОЛОТУЮ РЫБКУ.

Тут *рыбку* отвечает на вопрос «кого?» и прямо связано с глаголом-сказуемым. Такие дополнения и носят названия «прямых». В учебниках вы найдете еще указание: ПРЯМЫМИ ДОПОЛНЕНИЯМИ называются те, которые бывают связаны с так называемым переходным глаголом. Но если начать размышлять над тем, что это такое — переходный глагол, то прежде всего приходит в голову: это и есть глагол, от которого может зависеть ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ.

Таким образом, здесь опять получается что-то вроде: «опоссум — это двуутробка», а «двуутробка — это опоссум»!

Ну, в данном вопросе, конечно, найти выход можно, но пока мы не будем разбирать дело до конца. Мо-

жет быть, мы еще вернемся к переходному глаголу позднее.

А теперь — немного вспять.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Можно понять, почему он так называется. Ведь если вы спрашиваете: «Что это такое?» — то вам непременно отвечают существительным, к которому можно отнести вопросы «кто?» и «что?»: «Что это такое?» — «Это межконтинентальная ракета!», «Кто это?» — «Этот мой знакомый Юрка...». Или «что?», или «кто?». Предмет при этом называется — и м е н у е т с я.

Не надо только думать, что название ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ просто создано русскими грамматистами от русского слова *имя* и, следовательно, возникло сравнительно недавно. Нет, история его, как и многих других грамматических определений, восходит к древним временам Греции и Рима: мы с этим уже встречались.

Первыми название для него — *onomastike ptosis* [онома́стика пто́зис] — придумали греки. Римские ученые любили брать свои термины напрокат у старших своих соседей. Они довольно точно перевели эти слова на латынь: *casus nominativus* [казус НОМИНАТИВУС]. И греческое *onoma* [онома], и римское *nomin* [но́мен] одинаково значили «ИМЯ».

В грамматиках большей части так называемых «новых европейских языков» слово *номинатив* по отношению к падежу, считающемуся в них «основной формой существительного», сохранилось: по-французски — НОМИНАТИВ, по-немецки — НОМИНАТИВ. Мы перевели это слово на русский — как ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ, поляки — на польский [МЯНОВ-

НИК] — (*mianownik*). У болгар он — ИМЕНИТЕЛЕН падеж.

Тут все понятно, кроме, пожалуй, одного: есть ли основания как раз ЭТОТ ПАДЕЖ выделять из ряда, считать его, так сказать, ПЕРВЫМ СРЕДИ РАВНЫХ? Почему именно его мы считаем ОСНОВНОЙ ФОРМОЙ имен? Почему даже в телефонной книжке наши фамилии тоже напечатаны в этой форме: *Власов, Грибов, Данилов*, а не *Власова, Грибову, Даниловым*?

Кое-какие основания для этого есть. Назову вам, пожалуй, одно. Существует немало слов, которые как раз в именительном падеже «равны собственному своему КОРНЮ». Ну, хотя бы слово *кот*. Корень его — *кот*, и именительный падеж тоже — *кот*. Все остальные падежи уже п р о и з в е д е н ы от именительного:

кот-А, кот-У, кот-ОМ, о кот-Е

Выходит, именительный падеж действительно ГЛАВНЕЕ, ОСНОВНЕЕ других.

Ну а если так, зачем же нам с вами возражать против этого?

Существенным преимуществом именительного падежа является и то, что в предложении именно ОН — один из ДВУХ ГЛАВНЫХ членов. Перелистайте книгу назад, и вы найдете там стихотворение А. Фета, состоящее на три четверти из существительных. Так вот ведь — восемь из четырнадцати этих существительных тоже стоят в именительном! Не поленитесь пройти назад еще сотню страничек, и вы встретите знаменитое пушкинское описание несущегося по Москве санного возка Тани Лариной, в котором из 26 участвующих в нем существительных только 4 стоят НЕ В ЭТОМ ОС-

НОВНОМ ПАДЕЖЕ. Значит, 22 — в нем! Но это, конечно, рекорд, исключение.

Начинающие грамотеи иногда теряются, встретив в предложении существительное, отвечающее на вопрос «ЧТО?». Поди определи, какой это падеж — именительный или винительный? Такая трудность возникает, лишь когда мы имеем дело с существительными мужского рода, оканчивающимися на твердый согласный:

Я вижу ДОМ — именительный или винительный?

Подставьте на место слова *дом* слово *изба* — женского рода:

Я вижу изб-У.

Несомненный винительный. Значит, так и там!

ПАДЕЖ РОДИТЕЛЬСКИЙ

Нет, я не «случайно описался»: я назвал этот падеж *-тельский*, а не *-тельный* с заранее обдуманном намерением... В латинском языке он звался Genetivus casus [ГЕНЕТИВУС казус], что, вообще-то говоря, можно истолковать и как «падеж родства». Уже во дни римлян (да и раньше) его применяли часто в тех случаях, когда нужно было обозначить родство: *сын своего отца, внук Льва Толстого, потомки Пушкина*.

Это можно распространить и шире, если «родство» понимать не в узком, прямом смысле. Говоря *ветка пальмы*, мы представляем себе ветку, которая «рождена» пальмой. *Заводы Форда* — заводы, построенные (то есть как бы «порожденные») Фордом.

Таким было ИСХОДНОЕ, НАЧАЛЬНОЕ значение этого падежа. Затем он приобрел и разные другие оттенки значения. Например, очень часто мы, пользуясь

родительным падежом, выражаем понятие о части, от-
деленной от целого:

Вороне где-то бог послал кусочек (ч е г о?) СЫРУ.

Но ведь подумайте: если на то пошло, то ведь и
«круг сыра» как бы произвел, породил свой отдельный
кусочек. Можно и здесь, хоть и с натяжкой, вывести
теперешний смысл из первоначального.

Впрочем, некоторые значения так далеко ушли от
основного, что теперь уже нелегко (а то и невозмож-
но) как-нибудь связать их:

«ВОЛКОВ (к о г о?) бояться — в лес не ходить!» —
звучит пословица.

«НЕСЧАСТЬЯ (ч е г о?) бояться — СЧАСТЬЯ (ч е г о?)
не видеть!» — говаривал Петр Первый.

Этот падеж может обходиться без помощи ПРЕД-
ЛОГОВ, но не избегает их. У Пушкина встречаем:

ОТ (к о г о?) ямщика ДО (к о г о?) первого поэта
Мы все поем уныло...

ОТ Тибровых (ч е г о?) валов ДО (ч е г о?) Вислы и
Невы...

«Где был ты?» — «ОКОЛО (ч е г о?) станиц Кубани».

Почти У (ч е г о?) самого залива
Забор некрашенный да ива...

Родительный падеж может выражать и другие зна-
чения; вопросы «кого? чего?» его всегда выдают. Могут
на первых порах возникать сомнения:

Я смотрю НА (к о г о?) СЛОНА.

«Кого?» Но может быть, это винительный падеж?

А вы подставьте на место слона существительное
неодушевленное — скажем, склон. И сейчас же все про-
яснится:

Я смотрю на (ч т о?) склон.

Действительно, это винительный! А вот уж если
сказано:

У (к о г о?) слона есть уши, —

так, заменив существительное именем неодушевлен-
ным:

У (ч е г о?) дома есть крыша, —

вы убедитесь: это «кого?» — родительного падежа.

Когда мы имеем дело с родительным падежом, при
котором есть предлоги, иногда приходится по смыслу
ставить здесь не привычный вопрос «кого?», а другие
вопросы: «откуда?», «докуда?», «где?» и так далее.

Язык (к у д а?) до Киева доведет.

получил возможность выражать и совсем не похожие на действие «дать» понятия.

Мне (к о м у?) грустно и легко...

А.С. Пушкин.

«На холмах Грузии...»

Самому (к о м у?) мне невесело, барин...

Н.А. Некрасов.

В дороге

ЩЕДРЫЙ ПАДЕЖ

Щедрым его можно назвать только по его происхождению: первоначальное значение его должно было обозначать то лицо или предмет, ДЛЯ КОТОРОГО, РАДИ КОТОРОГО делается что-нибудь:

Подарок (к о м у?) дочери.

Помогать (к о м у?) раненым.

Дань (ч е м у?) Родине.

Вдумавшись, во всех этих выражениях можно как бы почувствовать мысль о том, что кому-нибудь что-либо как бы ДАЕТСЯ: дочери д а е т с я подарок, раненым д а е т с я помощь, Родине о т д а е т с я дань любви и восхищения. Это значение, очевидно, и придало — еще в мире древних народов — название третьему падежу склонения. Греки звали его *Dotike ptosis* [дóтике птóзис], римляне — *Casus Dativus* [káзус да-тíвус]. И в том и в другом имени ощущается общее с нашим ДАТЕЛЬНЫМ падежом. Уж очень давно он

ПАДЕЖ-РАБОТЯГА

Теперь — о ТВОРИТЕЛЬНОМ падеже. К тому, что вам стало известно из вашего учебника, я хочу «прирасказать» вот что.

Творительный падеж, видимо, потому назван в русской грамматике этим своим именем, что если не основным, то самым своеобразным из его значений было такое: ЗНАЧЕНИЕ ОРУДИЯ, КОТОРЫМ ЧТО-НИБУДЬ ДЕЛАЮТ.

Ну, «примеров — тысячи, коль приглядишься малость!» — как говорит добродушный сказочник Шарль Перро в стихотворной «морали» к одной из своих сказок.

Возьмите начало «Руслана и Людмилы» или «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкина. Читайте с первых строк и отмечайте места, где творительный падеж обозначает какое-нибудь «орудие действия»:

Рогдай, (ч е м?) МЕЧОМ раздвинувший пределы

Богатых киевских полей...

*Вперед! (ч е м?) МЕЧОМ и ГРУДЬЮ смелой —
Свой путь на север пробивай!*

Старик ловил (ч е м?) НЕВОДОМ рыбу.

*Рыбка...
(ч е м?) ГОЛОСОМ молвит человечьим...*

*А в дверях-то стража набежала,
(ч е м?) ТОПОРАМИ чуть не изрубила.*

Вот почему в латинской грамматике один из видов творительного падежа назывался Ablativus instrumentalis [аблятивус инструменталис]. Да и у нас в старину иногда ученые упоминали ОРУДИВНЫЙ (не очень «уклюжее» слово!) падеж. От *орудие*. Надо прямо сказать, кроме этого «орудивного» смысла, наш творительный выражает очень много разных других значений.

Часто падеж этот встречается с ПРЕДЛОГАМИ:

*С (кем?) ДРУЗЬЯМИ в гряднице высокой
Владимир-Солнце пировал.*

*Видел дуб зеленый,
ПОД (ч е м?) НИМ сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил...*

Там царь Кащей НАД (чем?) ЗЛАТОМ чахнет...

*Руслан... ложится
ПРЕД (чем?) умирающим ОГНЕМ...*

*Все утихало. Вдруг ЗА (кем?) НИМ
Стрелы мгновенное жужжанье...*

Вот теперь сами выпишите эти предлоги столбиком. И поразмыслите: исчерпывается ли ими список? Нет ли других значений?

ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ

Прежде чем заговорить подробно о нем, мне хочется обратить ваше внимание на одно уже не вполне грамматическое, а скорее просто языковое обстоятельство, о котором обычно никто не говорит, а уж в связи с названиями падежей в особенности.

Подумайте: почти каждое слово можно в речи соединить с большим числом других слов. Ну, если остановить свое внимание на тех словах, которые отвечают на вопрос «какой? какая?», и близких к ним, то, допустим, слово *хороший* можно присоединить чуть ли не к любому, на выбор, существительному, и оно придется по нему — «как влитое». *Хороший дом, хорошая роза, хороший денек, хороший налим, хороший учебник, хороший друг, хороший год, хорошая сыворотка...* Думается, даже к именам, означающим что-нибудь очень плохое, и то, случается, прибавляют это «везде пригодное» прилагательное. Отчего же — иногда слышим: *Хорош негодяй!*

А теперь подумайте над прилагательными, которыми мы называем «падежи». Ведь каждое из них «подходит» к одному-единственному и общему для всех слову: ПАДЕЖ.

Нельзя сказать ни ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ человек (только — именитый или уже поименованный). Невозможно придумать никакого другого существительного, к которому можно было бы отнести определение РОДИТЕЛЬНЫЙ. Родимый край, родной дом... РОДИТЕЛЬНЫЙ — нет: только падеж!

ДАТЕЛЬНЫЙ? Попробуйте сказать: Он, знаете, такой каждому нуждающемуся ДАТЕЛЬНЫЙ человек, и вы сразу же почувствуете: что-то тут «не получилось». Слова взятельный просто нет. А вот слово дательный образовано в нашем языке нарочито для одного только имени СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО — ПАДЕЖ. Ведь даже в грамматике вы не встретите ни дательного имени, ни дательных окончаний или дательных приставок. ДАТЕЛЬНЫМИ могут быть ТОЛЬКО падежи.

Совершенно то же самое можно сказать и про ВИНИТЕЛЬНЫЙ, ТВОРИТЕЛЬНЫЙ, ПРЕДЛОЖНЫЙ... Эти прилагательные ведь даже изменять своего рода не способны. Я за всю свою жизнь не слышал, чтобы про кого-нибудь или что-нибудь сказали: Какая прекрасная ВИНИТЕЛЬНАЯ речь. То есть если бы так было сказано, тотчас же кто-нибудь поправил: Вы хотели сказать: ОБВИНИТЕЛЬНАЯ; вот это слово можно было бы соединить со многими другими: обвинительный акт, обвинительное заключение, обвинительные выступления отдельных граждан.

Знаете, почему это так? Это всё — не слова в обычном значении. Это всё — НАУЧНЫЕ ТЕРМИНЫ. А они и должны быть такими: выражающими всегда ТОЛЬКО ОДНО ЗНАЧЕНИЕ и поэтому, вообще-то говоря (так не всегда получается), способными вступать в связь с весьма ограниченным числом других слов, а лучше бы и вообще с одним-единственным словом.

Впрочем — это уж совсем в сторону от дела! — попадают и слова (не термины) такого же рода, обладающие крайне разборчивым характером. Возьмите, к примеру, слово окладистый. С каким другим словом, кроме борода, вы его соедините? Окладистые усы? Нельзя! Окладистый нос? Смешно! Окладистая шевелюра? Немыслимо! А вот борода — пожалуйста!..

Но... возвращаемся к ПРЕДЛОЖНОМУ ПАДЕЖУ!

Собственно говоря, его бы следовало назвать, скорее, САМЫМ ПРЕДЛОЖНЫМ, НАИПРЕДЛОЖНЕЙШИМ из нашей шестерки падежей. Что значит «предложный»? Постоянно выступающий в нашей речи в связи с какими-нибудь предложениями.

Отлично! Но ведь мы только что видели: если не считать ИМЕНИТЕЛЬНОГО, то, пожалуй, все остальные падежи способны использовать для соединения с другими словами, в частности со сказуемым, разные ПРЕДЛОГИ.

Родительный? Пожалуйста:

Отнять ОТ (кого?)

Сделаться ДЛЯ (кого? чего?)

Увидеть У (кого?)

Дательный — тоже:

Плывать ПО (ч е м у?) морю.
 Скучать ПО (ч е м у?) Родине.
 Ехать К (к о м у?) бабушке.

Не отстаёт и винительный:

Положить В парту.
 Сесть НА самолет.
 Заглянуть ЗА забор.
 Подвести ПОД РАКЕТУ.

То же и с творительным:

Пролетать НАД континентами.
 Сидеть ЗА книгой.
 Плыть ПОД водой.
 Лететь НАД облаками.
 Идти ПЕРЕД строем.

Все это так. Но отличительной особенностью ПРЕДЛОЖНОГО падежа является то, что он, в отличие от всех остальных, НЕ МОЖЕТ ВЫСТУПАТЬ БЕЗ ПРЕДЛОГА.

В этом отношении он может быть уподоблен человеку с поврежденной ногой. Все остальные люди могут ходить, помахивая тросточкой и даже от времени до времени ОПИРАЯСЬ на нее. А он уже навсегда привязан к своему костылю или палке: без них — ни шагу... Разница заключается только в том, что инвалид с непременными костылями для опоры чувствует себя как бы обездоленным. Предложный же падеж настроен самым жизнерадостным образом и, как бы подмигивая, намекает нам: «Погодите, дайте срок... Рано или поздно все падежи перестанут легкомысленничать БЕЗ ПРЕДЛОГОВ. Я-то уж знаю!»

Что это, нестроумная шутка автора — или?..

Представьте себе, скорее именно «или». Вот о чем мне хочется рассказать в связи с ПРЕДЛОЖНЫМ ПАДЕЖОМ: о ПРЕДЛОЖНОМ СКЛОНЕНИИ.

В русском языке, как и во многих других, существительные (или вообще имена) скрепляются с другими словами, пользуясь своей способностью ПРИНИМАТЬ РАЗЛИЧНЫЕ ОКОНЧАНИЯ. Мы это так хорошо знаем, что даже и повторять не хочется.

Это — МОР-Е
 Видеть МОР-Е
 Ехать МОР-ЕМ
 Любоваться МОР-ЯМИ
 Не любить МОР-Я
 Поклониться МОР-Ю —

все ШЕСТЬ падежей и ПЯТЬ разных окончаний. И вы, разумеется, отчетливо понимаете, что каждый падеж (а точнее, его окончание) имеет свое значение и соединяет данное «имя» с другими словами на свой, особый лад. Можно сказать: *мой отец* и *мой дом*.

Но нельзя сказать ни *дом мой отец*, ни *дом на мой отец*, ни *дом у мой отец*; чтобы связать эти слова, нужно почти всегда изменить окончания — или одного из них, или всех, которые вступают друг с другом в какие-то отношения.

По-болгарски *отец* — *ба́ща*, *дом* — *къща* (что-то вроде [куща]). А если вы хотите сказать *дом моего отца*, вам достаточно будет сказать эти слова таким образом:

КЪЩА НА БАЩА МИ.

Прáтка у болгар — «посылка». А вот предложение ИЗПРАТИХ ЕДНА ПРАТКА НА БАЩА СИ будет значить:

Я ПОСЛАЛ ПОСЫЛКУ (своему: СИ) ОТЦУ.

Как вы легко можете заметить, в первом примере предлог *НА* выражает то же, что и наш РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ с его окончанием *-а*, а во втором — то, что мы передаем при посредстве ДАТЕЛЬНОГО, который оканчивается у нас в данном случае на *-у*. Окончания же слов *къща*, *баща* и *пратка* не меняются. Гораздо дальше болгарского языка в упразднении всяческих окончаний (а также приставок и суффиксов) пошел АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.

По-русски

СЫН ЛЮБИТ ОТЦА —

ОТЦА ЛЮБИТ СЫН

Оба предложения значат одно.

По-английски

СЫН ЛЮБИТ ОТЕЦ (то есть: Сын любит отца)

ОТЕЦ ЛЮБИТ СЫН (то есть: Отец любит сына)

Как видите, сами английские существительные ничем не изменились, а значение переменялось на противоположное. Подлежащее превратилось в дополнение. Чем это показано? В данном случае порядком слов.

Но можно привести множество примеров, когда смысл, который мы передаем, меняя окончания слова (в частности, изменяя имена по падежам), англичанин выражает, снабжая эти имена различными ПРЕДЛОГАМИ.

Ну, скажем, *школа* по-английски будет *school* [скул]. *Я иду в школу* — *I go to (the) school*, то есть: *Я иду*

в школа. Я иду из школы прозвучит: *I go from (the) school* — *Я иду из школа*.

The — артикль, неизменный во всех падежах. Сами существительные по падежам НЕ ИЗМЕНЯЮТСЯ. Изменяется только ПРЕДЛОГ: каждый предлог выражает то значение, которое у нас как бы заложено внутри наших падежных окончаний.

«Болгарский язык выражает ПАДЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ с помощью порядка слов и различных предлогов, — говорят учебники этого языка. — В древние времена он обладал системой падежных окончаний, которые затем утратил».

«Английский язык, — как будто точно повторяют за ними ученые, — в качестве основных средств выражения использует ПОРЯДОК СЛОВ и СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА (то есть в основном — ПРЕДЛОГИ)». И тут: когда-то слова древнеанглийского языка использовали различные «окончания» имен, чтобы связываться с различными членами предложений. Теперь от этих окончаний не осталось почти ничего.

Почти то же самое, что о болгарском и английском языках, я мог бы сказать и о языке французском. Он тоже давно уже переложил львиную долю выражений связей между членами предложения на плечи служебных слов и самой «конструкции предложения».

Это книга по-французски будет *C'est un livre* [С'э-тен ливр], и *Я читаю эту книгу* — *Je lis ce livre* [Жё ли сё ливр]. В существительном *livre* [ливр] не изменится ни ползвук. И *Dans ce livre j'ai eu* [Дан сё ливр ж'э лю], то есть *В этой книге я имел про-*

честь... Опять слово [ливр] осталось без изменения, а падеж выразился ПРЕДЛОГОМ [дан] в.

Если сравнить эти три языка, можно заметить, как они, с разной скоростью, удаляются от своих древних, подобных нашим, грамматических форм и связей и переходят ко все большей и большей неизменности слов, которые в английском языке теперь уже выглядят почти как неизменные «голые корни».

Мы пока что еще не умеем в точности предсказывать, что произойдет в будущем с тем или другим языком. Но сказать, что наш ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ, на предыдущей странице вроде бы предрекший нам торжество ПРЕДЛОЖНОГО СКЛОНЕНИЯ и в русском языке, — сказать, что он заведомо лжет, было бы слишком смело. Кто знает? Все может быть...

Теперь в учебниках предложному падежу отведены такие вопросы:

- 1) «о ком? о чем?»
- 2) «на ком? на чем?»
- 3) «где?»

Раньше вопросов было больше; знали еще:

- 4) «при ком? при чем?»
- 5) «в ком? в чем?»

Можно сказать, что два из этих вопросов — 2-й и 5-й — вполне укладываются в вопрос «где?». Это верно.

«Где ты был летом?» — «На Кавказе».

«А где теперь твой брат?» — «В Крыму!»

Предложный падеж в нашем языке — очень часто встречающийся падеж.

Позволю себе привести здесь довольно длинный отрывок из самого начала «Руслана и Людмилы» юно-

го Пушкина, откуда я уже брал такое множество отличных примеров:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь НА ДУБЕ том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит ПО ЦЕПИ кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка НА ВЕТВЯХ сидит;
Там НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ
Следы невиданных зверей;
Избушка там НА КУРЬИХ НОЖКАХ
Стоит без окон, без дверей.

.....
Там В ОБЛАКАХ перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В ТЕМНИЦЕ там царица тужит,
А бурый волк ей верно служит...

Вот подсчитайте сами. По моему наблюдению, в этих 17 строчках, или, что то же, в 11 предложениях, налицо: существительных —

В ИМЕНИТЕЛЬНОМ падеже — 11

В ПРЕДЛОЖНОМ — 7

В РОДИТЕЛЬНОМ — 4

В ВИНИТЕЛЬНОМ — 5

В ТВОРИТЕЛЬНОМ — 3

В ДАТЕЛЬНОМ — 1.

Видите, каким героем выглядит тут наш предложный падеж?! Он занимает первое место после ИМЕНИТЕЛЬНОГО, завоевав, так сказать, серебряную медаль.

Ну, если говорить всерьез, то, конечно, мой подсчет не очень-то доказателен. Это все равно что подсчитать в двух случайно выбранных вагонах метро число рыжих мальчиков и девочек и считать, что и в любых других вагонах оно всегда окажется таким же.

Однако по меньшей мере мы получили ясное доказательство тому, что падеж этот весьма деятелен в нашей правильной литературной речи. Пока с нас и этого достаточно.

Если бы вы заглянули в большую, трехтомную академическую грамматику, вы прочли бы там про предложный падеж такие слова:

«Предложный падеж в современном русском языке употребляется только с предлогами, почему и получил такое название».

Из этого довольно ясно, что в «несовременном русском языке», очевидно в древнерусском, он употреблялся БЕЗ ПРЕДЛОГОВ, а потому и имел другое название.

Представьте себе, что все это так и есть.

Родоначальником нашего нынешнего предложного падежа был старославянский и древнерусский МЕСТНЫЙ падеж. Было бы слишком сложно приводить тут много старорусских примеров: далеко не каждый из вас смог бы понять язык наших предков. Ограничусь, пожалуй, одним, потому что он покажет нам как раз в одной фразе и «древний» — местный и новый,

уже ПРЕДЛОЖНЫЙ по форме, падеж, как они тогда употреблялись.

В одной из наших летописей 1150 года говорится о том, как дурные князья Олег и Борис привели на Русь «поганных», то есть кочевников-язычников, видимо половцев. И сделали они это *сыну Изяславову Ярополку сядищу ВЫШЕГОРОДЕ, а Володимеру сядищу ВО СМОЛЕНСКЕ*, то есть «когда Ярополк был князем В ВЫШЕГОРОДЕ, а Владимир В СМОЛЕНСКЕ».

Вы видите тут ясно: «ВО СМОЛЕНСКЕ» — падеж употребляется уже С ПРЕДЛОГОМ. А вот «сядищу ВЫШЕГОРОДЕ» — он же является нам в своем более древнем беспредложном виде местного падежа, отвечающего на вопрос «ГДЕ?».

Теперь потомок местного падежа, падеж ПРЕДЛОЖНЫЙ, у нас служит для обозначения времени, места, как в старину, а также того, о ком (или о чем) мы ведем речь. А п р е д л о ж н ы м он называется за выработанную с течением веков особенность — не употребляться иначе чем с предлогами *о, при, на, в, по*. Но от свойств старого местного у него сохранилась одна черта — вопросы, связанные с этими предлогами:

«НА КОМ? ЧЁМ?», «ПРИ КОМ? ЧЕМ?», «В КОМ? ЧЁМ?», — можно спокойно заменить вопросом «ГДЕ?», то есть «В КОМ? В ЧЁМ?», «В КАКОМ МЕСТЕ?».

КАКОЙ? КАКАЯ? КАКОЕ?

Когда мы оглядываем мир вокруг себя, мы видим, что он СОСТОИТ ИЗ ПРЕДМЕТОВ. Когда мы всматриваемся, вслушиваемся, «вщупываемся» в эти предметы, мы начинаем понимать, что они-то как бы СОСТОЯТ ИЗ их СВОЙСТВ И КАЧЕСТВ.

Судите сами. Я называю вам некое существо: *Иностранцевия*. Вы никак не можете представить себе, что это за «создание». Почему? Назвав вам самый ПРЕДМЕТ, я не назвал никаких его СВОЙСТВ И КАЧЕСТВ.

ТЕПЕРЬ я не стану именовать «предмет», я скажу: *огромный, темно-серый, толстокожий, хоботonosый, толстоногий, короткохвостый, травоядный, умный*. Вы заухмыляетесь: СЛОН!

Я не показывал вам самого «предмета». Я только перечислил его постоянные свойства (или, если хотите, признаки). И этого оказалось достаточно, что-

бы вам представился, по памяти, и сам «предмет», само «существо».

Каждый, кто охотился в лесу, кто сначала слышал неподалеку от себя какой-то невнятный шум: сопение, чавканье, топот, хруст ломаемых веток, а потом в тумане видел

и смутные очертания живого существа, — жадно вглядывался в его подвижное пятно, чтобы распознать ЕГО ПРИЗНАКИ: высокий он или низкий, длинноногий или коротколапый, рогатый или безрогий?.. Он, охотник, напряженно старался узнать: КАКОЙ ОН? От этого могла зависеть жизнь обоих.

Представьте себе, что я нашел, если я скажу вам только: этот предмет не круглый и не угловатый, не тяжелый, но и не легкий, не холодный и не теплый, не большой и не маленький, не матовый, не блестящий... — если я буду настаивать, что никаких других отличительных черт У НЕГО НЕТ, то вы вправе решить, что я нашел НИЧТО.

Чтобы судить о ПРЕДМЕТЕ (а значит, о существе, о явлении, о мысли), нам прежде всего надо знать, КАКОВЫ ИХ ПРИЗНАКИ-СВОЙСТВА. Даже когда мы рассуждаем о самых, казалось бы, невещественных предметах — ну, скажем, о числах в математике, мы и тут сразу же обнаруживаем у них множество признаков-свойств. Число может быть и положительным и

отрицательным, и однозначным и многозначным, и бесконечно большим и бесконечно малым. И, как вы узнаете спустя короткое школьное время, рациональным и мнимым, натуральным и совершенным. И, как вы уже успели узнать, целым и дробным. Оно может иметь великое множество признаков. И чтобы обозначить их в слове, нам, как и для обозначения признаков слона или палочки, необходимы слова, отвечающие на вопрос «КАКОЙ? КАКАЯ? КАКОЕ?», нужны ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

Я уже упомянул о них в этой книге. Но о разных «породах слов» никогда нельзя ни рассказать все сразу, ни рассказать все до конца. Поговорим же о них еще и снова!

Во-первых, такие слова мы зовем ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ. Почему ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ и почему ИМЕНАМИ?

Почему мы считаем их, как и существительные, ИМЕНАМИ, а другие части речи не удостоаиваем такого титула, — здесь объяснить что-либо будет не так легко. Такое определение — ИМЯ — идет в грамматиках еще со времен древнегреческого великого ученого Аристотеля. Он считал и м е н а м и все слова, которые не изменяются по временам.

Теперь мы считаем именами те части речи, которые, будучи НЕСЛУЖЕБНЫМИ СЛОВАМИ, не обладают некоторыми свойствами ГЛАГОЛА, в том числе и способностью изменяться по времени.

Пожалуй, важнее всего для нас то, что У ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ есть РОД, ЧИСЛО и ПАДЕЖИ, как и у существительных. Это очень существен-

но, потому что именно благодаря этой особенности ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И МОГУТ действительно как бы «прилагаться» к существительным, оказываясь с ними в одном и том же падеже, числе и роде. В самом деле, ведь если вы встречаете набросанные вразбивку слова: *сороку, зеленый, беловатыми, пеструю, лес, тучками, высокими, синем, воровку, небе, видел*, — для вас не представит труда узнать, что надо соединить слова так: *видел пеструю сороку-воровку, зеленый лес и, наконец, беловатыми высокими тучками в синем небе*.

Сейчас мы с вами даже не задумываемся над тем, как мы это делаем, хотя окончания, которые при склонении получают существительные, чаще всего не подходят на окончания прилагательных. *Сорок-у* и *пеструю*. *Неб-е* и *син-ем*.

В древности все было много проще. Было нетрудно склонять, скажем, *брат добр, брата добра, брату добру, сестра добра, сестры добры*: в те далекие времена прилагательные были проще современных нам по своей форме. Наши прилагательные, с их окончаниями *-ий, -ая, -ое*, образовались от этих простых форм позднее, когда к ним приросли на концах старославянские указательные слова: *-и, -иа, -ие*, которые значили: *он, она, оно*.

Однако мы, русские, не очень затрудняемся, когда связываем слово *волк* с прилагательным *сер-ый, туча сер-ая*, а *небо сер-ое*. А ведь именно такое соединение этих двух разных имен, называемое СОГЛАСОВАНИЕМ, показывает нам на связь между определенными словами в предложении и позволяет узнать его смысл. Вообразите на минуту, как были бы вы затруднены, прочитав такую, к примеру, «фразу»:

Больш... зл... туч... волк... небесн... бояться...

Как это нужно понимать: *Больших злых туч волки небесные боятся?* Может быть, это из древней мифологии? Или: *Большие злые тучи — волков небесных боятся?* *Большими злыми тучами волки небесные боятся.* — ну, скажем, *насыщать свои утробы?*

И как все становится ясно, как только оказываются известными окончания и существительных и прилагательных. Да, древнегерманская легенда: *Волки боятся туч.*

Недаром типичными ошибками иностранцев, даже хорошо изучивших начатки нашего языка, бывает путаница в согласовании имен. Человек, говорящий: *ваши почтенный матушка* или *моему двоюродный братика*, может не сообщать нам, что он не русский: мы и без него это узнаем.

Любопытно: а есть ли у прилагательных такие свои изменения, которые отсутствуют у существительных?

Ну как же — есть! То есть, подумав, пожалуй, можно обнаружить, что все это В КАКОМ-ТО СМЫСЛЕ может иметься И У ТЕХ, И У ЭТИХ СЛОВ, но тогда будет уже идти разговор об исключениях, а ведь говорят, что правил без исключений не существует.

Вот возьмем хотя бы такой ряд.

Есть слова: МИЛЫЙ, РУМЯНЫЙ, БЕЛЫЙ. Три прилагательных. У Пушкина в балладе «Будрыс и его сыновья» есть такие строки про юных полячек:

*Нет на свете царицы краше польской девицы:
Весела — что котенок у печки —
И как роза РУМЯНА, а БЕЛА, что сметана;
Очи светятся, будто две свечи!*

А в «Сказке о мертвой царевне...» те же слова стоят в несколько иной форме:

*Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех МИЛЕЕ,
Всех РУМЯНЕЙ и БЕЛЕЕ.*

В этом последнем случае мы имеем дело со СТЕПЕНЬЮ СРАВНЕНИЯ — таким изменением и формы и смысла, какое бывает преимущественно у прилагательных и о котором ПОЧТИ нельзя говорить по отношению к СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ. Та степень сравнения, которую я вам только что продемонстрировал, называется СРАВНИТЕЛЬНОЙ. Есть и другая, высшая — ее зовут ПРЕВОСХОДНОЙ степенью; мне хотелось бы показать вам и ее на примерах, взятых из стихотворений А.С. Пушкина, но, увы, ее несколько тяжеловатое звучание, очевидно, помешало поэту ввести такие слова в свои стихи.

В «Словаре языка Пушкина» (есть такой, во многом удивительный, словарь) вы не встретите ни слова *милейший*, ни *белейший*, ни уж тем более *румянейший*, а ведь это как раз и есть превосходные степени от прилагательных *милый*, *белый* и *румяный*. Надо сказать, однако, что кроме таких превосходных степеней на *-ейший* и *-айший* наш язык имеет в своем распоряжении и отличный заменитель для них. Если степени на *-ее* и *-ейший* зовутся простыми, то рядом с ними существуют и «сложные» степени:

БЕЛЫЙ — БОЛЕЕ БЕЛЫЙ — САМЫЙ БЕЛЫЙ,
РУМЯНЫЙ — БОЛЕЕ РУМЯНЫЙ — САМЫЙ РУМЯНЫЙ.

Да ведь и волшебное зеркальце, принадлежавшее злой царице у Пушкина, тоже нашло способ употребить, так сказать, «секретную», «потаенную» превосходную степень без всякого **-ейший**:

«всех МИЛЕЕ, всех РУМЯНЕЙ и БЕЛЕЕ».

Это ведь по смыслу своему совершенно равносильно выражению: *ты — самая белая* или *ты — белейшая из всех*.

Иногда в научных работах об именах можно встретить указание на то, что, собственно говоря, и у имен существительных тоже наблюдается что-то вроде степеней сравнения. Если взять три слова:

ДОМИК, ДОМ, ДОМИЩЕ,

то они образуют нечто вроде таких трех степеней: *маленький домик, побольше дом, огромнейший домище*.

Конечно, нечто общее там и тут можно уловить, но мы с вами не будем заниматься такими сложными вопросами. Идя в этом направлении, можно найти «степени сравнения» и у глаголов:

ИДТИ — БЕЖАТЬ — МЧАТЬСЯ.

ПЛАКАТЬ — РЕВЕТЬ — ВОПИТЬ БЛАГИМ МАТОМ...

Но на той ступени изучения языка, до которой мы с вами добрались, доступнее будет нам видеть степени сравнения только у прилагательных, да и то далеко не у всех.

«КАКОЙ — КАКОМУ» — РОЗНЬ!..

Возьмем два прилагательных, на вид — совершенно одинаковых. На вопрос «какой? какая? какое?» отвечают, по падежам, родам и числам изменяются, но вот со степенями сравнения дело у них обстоит по-разному.

БЕЛЫЙ

У этого прилагательного можно образовать СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ:

БЕЛЫЙ — БЕЛЕЕ — БЕЛЕЙШИЙ

СИНИЙ — СИНЕЕ — СИНЕЙШИЙ

УМНЫЙ — УМНЕЕ — УМНЕЙШИЙ.

От таких прилагательных легко образовать краткие формы:

Этот дом БЕЛ.

Этот Петя УМЕН.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ

У этого слова их не образует никак: нельзя сказать: «Наш город по железнод о р о ж н е е в а щ е г о ,

а Харьков на железнодорожной из всех городов мира!»

АВИАЦИОННЫЙ, ГОРОДСКОЙ, АВТОБУСНЫЙ

От подобных прилагательных их никак не образуеться:

Как авиационен этот аэродром?
Наш вокзал очень автобусен. } нельзя

В чем же разница между теми и другими прилагательными? Не так-то просто ответить на этот вопрос. Ну, во-первых, такие, как *белый, синий, большой, сизый*, обозначают признаки предметов, которые мы узнаем глазами, слухом, на ощупь — при помощи своих пяти чувств.

Во-вторых, такими, как *умный, вздорный, милый, гадкий*, — мы определяем качества характера, ума, способностей других людей или даже любых живых существ; такими прилагательными, как *важный, правильный, бесполезный*, мы оцениваем предмет по его внутренним, но общим свойствам.

Вот у всех таких прилагательных и есть степени сравнения. Для них существуют и КРАТКИЕ ФОРМЫ. Почему? ПО ЗАКОНУ НАШЕГО ЯЗЫКА. Значит, с этим не поспоришь. Прилагательные эти носят название КАЧЕСТВЕННЫХ. Его стоит запомнить. А как определить вторую, не похожую по свойствам, группу их? Что означают они?

ДЕТСКИЙ САД — ЭТО САД, ГДЕ ВОСПИТЫВАЮТСЯ ДЕТИ.

ПТИЧИЙ КОРМ — КОРМ ДЛЯ ПТИЦ.

ТЕЛЕГРАФНЫЙ СТОЛБ — СТОЛБ, ПОДДЕРЖИВАЮЩИЙ ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРОВОДА.

Как видите, прилагательные тут выражают очень разнообразные ОТНОШЕНИЯ между предметом и каким-нибудь другим предметом.

СТОЛОВАЯ КОМНАТА — КОМНАТА, ГДЕ СТОИТ ОБЕДЕННЫЙ СТОЛ.

РЫБИЙ ЖИР — ЖИР, который добыт ИЗ РЫБ.

СОБАЧЬЯ КОНУРА — ДОМИК, где живет СОБАКА.

СОБАЧЬЯ ШЕРСТЬ — волосы, которые растут НА СОБАКЕ.

Довольно понятно, почему в этой второй группе не бывает степеней сравнения: если уж шерсть *собачья*, то она не может быть ни немного *пособачнее*, ни *самой собачной*: все *собачьи шерсти* одинаково *собачьи*. И рыбий жир может быть *тресковым* или каким-нибудь *камбалиным*, но *менее* или *более рыбим* он стать не может... Это совершенно понятно.

А вот на вопрос: почему у таких прилагательных не образуется КРАТКИХ ФОРМ? — пожалуй, я ограничусь не столько толковым, сколько решительным указанием: ПО ЗАКОНУ НАШЕГО ЯЗЫКА!

Так как главное в них — выражать ОТНОШЕНИЯ между предметами, эти прилагательные получили названия ОТНОСИТЕЛЬНЫХ. Среди них стоит, пожалуй, выделить особую группу — таких, которые отвечают не столько на вопрос «какой? какая?», сколько на вопрос «чей?».

ВОРОНА каркнула во все ВОРОНЬЕ горло....

*Быть может, на холме немом
Поставят тихий гроб РУСЛАНОВ...*

Они называются старинным словом ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ, то есть «такие, которые показывают на ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, иначе говоря — на притязание кого-то или чего-то на владение тем или иным предметом».

Ну разумеется, тут не стоит и доказывать: если в этом *гробу* будет лежать Руслан, то он никак не может быть ни более, ни менее Руслановым, чем все остальные гробы. Он просто и только РУСЛАНОВ, как и горло — только ВОРОНЬЕ, а не *слегка воронье* или не *ужасно воронье*.

И НАШИМ И ВАШИМ

Впрочем, в языке можно наблюдать, как ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ прилагательные могут превращаться в КАЧЕСТВЕННЫЕ.

Это зависит от двух причин. С одной стороны, сама грамматика наша не слишком-то точно проводит границу между этими двумя группами имен. А с другой, человеческое слово — явление настолько живое, столь подвижное и изменчивое, что почти каждое из них может, как говорят специалисты, «развить в себе» значения, довольно далекие от первоначального.

Вот возьмем слово *золотой*. Оно значит, прежде всего, «состоящий из металла золото». Затем оно может означать «по цвету похожий на золото»: *золотые головки лютиков*. Или у И.А. Бунина:

*И воробьи, крикливою станицей,
Прносятся у самого стекла,*

*За ЗОЛОТОЙ, сверкающею птицей,
За иволгой, скользящей, как стрела...*

Конечно, никто не подумает, что птица иволга отлита из золота. Просто ее перья желты и блестят, как позолоченные. А когда ваши мамы, умиляясь, называют вас своими золотенькими, тут прилагательное ушло еще дальше от своего первого относительного значения: «сделанное из золота». Тут оно значит то же, что и *миленькие, дорогие*. Значит, из ОТНОСИТЕЛЬНОГО оно стало КАЧЕСТВЕННЫМ и в этом своем новом виде может, пожалуй, образовать и степени сравнения: *Да нет, ты у меня самый ЗОЛОТОЙ!*; может, хотя и не без натяжки, дать и краткую форму: *Уж так он мне был мил, так ЗОЛОТ!*

Что еще стоит запомнить относительно ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ? Пожалуй, вот что: у них есть (не у всех, у не к о т о р ы х) способность, сохраняя свою характерную форму, получать значение СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. При этом слово как будто раздваивается: один из «двойников» продолжает вести жизнь ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО, в то время как другой начинает уже отвечать не на вопрос «какой? какая?», а самым явным образом на вопрос «кто? что?».

Возьмите, например, слово *домовый* — «принадлежащий ДОМУ»: *домовая контора, домовое управление*. Во многих местностях России слово это произносится и как *домово́й*: *домовая контора*. В словарях указывается, что правильное первое произношение, но я думаю, что это — не совсем так. В Ленинграде, например, по моим подсчетам, примерно половина ленинград-

цев делает ударение на конечном слоге. Так или иначе, тут *домово́й* — *домовый* — самое настоящее относительное прилагательное... Но вот возьмите милые строки Пушкина:

*Тебя молю, мой добрый ДОМОВО́Й,
Храни селенье, лес и дикий садик мой,
И скромную семью моей обитель...*

Они даже и озаглавлены так — «ДОМОВОЙ». Совершенно ясно, что слово это здесь значит не «имеющий отношения к дому», а просто «домашний божок наших предков-язычников».

Когда прилагательное превращается в существительное, с ним немедленно происходит и формальное изменение. Пока оно отвечало на вопрос «какой?», оно (если оно — качественное) могло иметь степень сравнения (ну, скажем, *дикий, дичее, дичайший*), могло из-

меняться и по родам (*дикий кот, дикая природа, дикое ущелье*).

Но вот слово стало значить «отсталый по культуре»: *дикие* — *дикари*. И конечно, если в переведенных Пушкиным «Записках» захваченного индейцами в плен маленького американца Джона Теннера, Теннер часто думал и говорил: «Мне бы хотелось уйти к диким!», тут уж это *дикие* стало существительным, которое преимущественно употребляется во множественном числе, но от которого в единственном числе существует, пожалуй, только одна форма мужского рода *дикий*. Можно сказать: *Я вчера встретила ДИКОГО!* — в Америке начала XIX века это прозвучало бы вполне естественно. С некоторой неловкостью смогли бы вы употребить существительное *дикая* в смысле *индианка*: так обычно не говорилось. А вот уж *дикое* никак не могло заменить собою слова *индейское дитя*: «Идем, — вдруг ползет очаровательное ДИКООЕ». Совершенно невозможно!

В нашем языке живет великое множество БЫВШИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, которые так давно стали СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ, что у них уже не осталось и «двойников», к которым можно было бы приложить вопросы «какой? какая?».

Вот, например, слово *портной*. Это типичное существительное. От него невозможно произвести форму *портная*: мы производим от него существительное *портника*. Таково же и слово *набережная*. Уж очень давно оно живет в языке только в значении существительного: *широкая НАБЕРЕЖНАЯ*, *Адмиралтейская НАБЕРЕЖНАЯ в Сант-Петербурге*. Мы даже и не пом-

ним, что когда-то оно «работало» как прилагательное: *по набережной дороге*.

Но немало и таких слов, которые могут играть по выбору то ту, то другую роль:

*Облачком волнистым
Пыль встает вдали:
КОННЫЙ или ПЕШИЙ —
Не видать в пыли...*

А.А. Фет

Другое дело, когда мы говорим: *конная армия, конный корпус*. Тут прилагательное остается прилагательным, так же как в других случаях и *пеший*.

*Сугробов столько, что не счесть,
Кругом — снегов гряда.
Разведчик ПЕШИЙ тонет здесь
И КОННОМУ беда...*

Н. Тихонов

По-моему, на этих примерах очень ясно заметна разница между двумя разными употреблениями обоих слов. У Фета они играют роль самых настоящих существительных: слово *конный* в точности равно слову *всадник*, вместо *пеший* здесь можно спокойно сказать *пешеход* или *путник*.

В стихотворении Н. Тихонова те же два слова уже не живут самостоятельной жизнью. Оба они привязались к слову *разведчик*. Там можно было спросить: *Кто скачет в пыльном облаке?* (да дальше у Фета и говорит-

ся: *Вижу: «кто-то скачет на лихом коне...»*). Здесь, у Тихонова, возможен только совсем другой вопрос: «какой разведчик?». Прилагательное сохраняет свою неприкосновенную чистоту.

Эти примеры, помимо всего прочего, хорошо показывают, как неустойчива порой бывает граница между разными частями речи, как легко некоторые из них переходят одна в другую.

Мы хорошо знаем, что **из-**, **низ-**, **воз-** и **раз-** — это не слова даже, а просто части слов, приставки. А в то же время, когда мы читаем правило:

Из-, низ-, воз-, раз- — *приставки*, мы начинаем относиться к этим приставкам уже почти как к существительным. Можно даже сказать, что в этом ПРЕДЛОЖЕНИИ они являются ПОДЛЕЖАЩИМИ.

Но по правде сказать, тут я уж забежал далеко вперед.

«ЗАМЕСТИТЕЛИ»

*...Сказали МНЕ, что с НЕЮ ВЫ
При НИХ на берегу
ЕГО ловили. Но, увы:
Я плавать — не могу!
МЫ ВАМ ЕЕ, ОНА НАМ ИХ,
ВЫ ИМ, обратно, НАС.
Он с НЕЮ, к НАМ опять для НИХ,
А МЫ с НИМ — к НЕЙ от ВАС...
Хоть МНЕ известно, что ОНО
ИХ любит больше ТЕХ, —
Все ЭТО тайной быть должно
Для НАС и ВАС от ВСЕХ...*

Это не я сочинил. Я просто перевел три смешных четверостишия, вставленных знаменитым английским сказочником, чудаком и крупным ученым-математиком Льюисом Кэрроллом в его прославленную книгу о приключениях Алисы в Стране Чудес и в Зазеркальной Стране.

Какое у вас впечатление от этих двенадцати строчек? Странное, не правда ли? С одной стороны, как будто все в полном порядке: перед вами около десятка вполне правильных предложений, в которых уж чего-чего, но ПОДЛЕЖАЩИХ достаточно! Однако, сколько бы вы ни ломали головы, вам не удастся сообразить, про что и о ком в этих стихах рассказывается. Почему? Главным образом по той причине, что во всех предложениях те ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, которым полагалось бы выступать в форме ПОДЛЕЖАЩИХ и ДОПОЛНЕНИЙ, выставили, по воле веселого и замысловатого автора сказки, вместо себя своих штатных заместителей — МЕСТОИМЕНИЯ.

Сказали МНЕ... А кому это — МНЕ? Может быть, Белому Кролику, может статься, Лакею-Рыбе, возможно, ящерице Биллю, а то, чего доброго, и самой Алисе. Не названо ни одного из этих ИМЕН: вместо них на сцену вышло МЕСТОИМЕНИЕ, то есть, иначе говоря, ЗАМЕСТИТЕЛЬ «какого-то ИМЕНИ».

Вообще говоря, ему следовало бы вмешаться в дело только ПОСЛЕ ТОГО, КАК его хозяин — то или другое СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ — уже заявит о себе, уже будет назван. Однако в данном случае в намерение автора входило как раз обратное — запутать читателя до полного недоумения. И надо сказать, на мой взгляд, это ему удалось прекрасно: перечитайте еще раз смешные стихи, и уверен, что вы вознегодуете: создается впечатление полнейшей путаницы, головоломки, которую даже нельзя разгадать. «МНЕ»? А кому это — МНЕ? «С НЕЮ»? — а с кем это С НЕЮ? «ВЫ». Но позвольте — кто такой или кто такая (или кто такие?) эти ВЫ?

У меня есть очень милая знакомая, весьма почтенная и умница, но у нее есть один недостаток: в повседневной жизни она разговаривает точь-в-точь как персонажи Льюиса Кэрролла. Она входит в комнату и — оживленная, возбужденная — начинает с места в карьер: «А знаете — ОНИ ИМ отказали! И ЭТО — такой ужас, потому что ОНА теперь ничего не может сообщить ЕМУ!» Я человек вежливый, но в этих случаях обыкновенно не выдерживаю. «Дорогая! — говорю я. — Существительные! Ради бога, где ваши имена существительные?!»

Да вы, наверное, смотрите по телевизору «Кабачок 13 стульев» (Популярная юмористическая передача советского телевидения. Выходила в эфир с 1966 по 1981 годы. — *Прим. ред.*). Вот там нередко так же ведет разговор пани Моника. Если не замечали — обратите внимание...

Итак, МЕСТОИМЕНИЯ. Местоимения, собственно говоря, с одной стороны, похожи на ИМЕНА. Они тоже отвечают на вопросы «кто?» или «что?».

«К т о?» — «Я Лев Успенский!»

«Ч т о Я пишу?» — «Я пишу ЕЕ, вот эту мою книгу о языке».

«Кто ЕЕ будет читать?» — «Читать ЕЕ будете ВЫ».

Мы с вами можем легко разобраться в сцеплении этих МЕСТОИМЕНИЙ, потому что нам хорошо известно все самое главное про те события и тех людей, о которых мы беседуем, а то, чего вы не знали, я вам тут же разъяснил. Но стоит вообразить на миг, что все эти объяснения выпущены, и получилось бы не намного понятнее, чем у Л. Кэрролла.

«Я подготавливаю ЕЕ. Покупать ЕЕ будете ВЫ».

Постороннему человеку было бы нелегко угадать, про кого и о чем идет речь.

Итак, «они» заменяют *с у щ е с т в и т е л ь н ы е*. Однако, с другой стороны, они, МЕСТОИМЕНЕНИЯ, способны изменяться ПО РОДАМ, что, как мы знаем, превосходно умеют делать ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, но на что не способны СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ. Но сразу же приходится оговариваться: способность эта принадлежит далеко не ВСЕМ МЕСТОИМЕНЕНИЯМ.

Вот местоимение *он* нам известно и в форме *она*, и в форме *оно*.

ВЕСЬ — ВСЯ — ВСЁ.

ЭТОТ — ЭТА — ЭТО...

Зато *я* означает одинаково и существо мужского и существо женского рода.

Ты, мы, вы — тоже не имеют *р о д о в ы х ф о р м*.

Но уже совершенно особой чертой этой части речи является ее способность ИЗМЕНЯТЬСЯ ПО ЛИЦАМ.

Я и *МЫ* — это ПЕРВОЕ ЛИЦО, то есть местоимения, относящиеся к тому, кто ведет речь, к самому говорящему или к тем людям (живым созданиям), которых он числит своими близкими.

ТЫ и *ВЫ* — ВТОРОЕ ЛИЦО. Эти местоимения заменяют названия тех, к кому говорящий обращается: к одному или к нескольким сразу.

ОН, ОНА, ОНО и *ОНИ* — весь обширный мир существ и предметов, ПРО КОТОРЫЕ МЫ МОЖЕМ ГОВОРИТЬ, но которых мы не включаем в СВОЙ круг. Это — все остальные, кроме НАС и ВАС. Такие местоимения называются местоимениями ТРЕТЬЕГО ЛИЦА.

Как видите, все перечисленные местоимения могут изменяться ПО ЛИЦАМ, а НЕКОТОРЫЕ и ПО РОДАМ. Те, которые изменяются по родам и числам, не могут затруднить сообразительного обучающегося — даже если он иностранец — при включении их в предложение. Они получают такой же род и такое же число, как то существительное, ЗАМЕСТИТЕЛЕМ которого является это местоимение в данном случае. И сказуемое согласуется с ним так, как согласовалось бы с этим самым СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ.

На НЕГО ОНА взглянул-а,

Тяжелешенько вздохнул-а,

Восхищенья не снесл-а

И к обедне умерл-а.

А. Пушкин.

Сказка о мертвой царевне...

Везде мы видим такие же окончания, как если бы вместо слова *она* стояло слово *царица*, заместителем которого *она* является. Можно подумать: это раскрывается самой формой местоимения — ОН-А. Но то же самое происходит и когда местоимение не меняется по родам:

...Ольга к ней,

Авроры северной алеи

И легче ласточки, влетает;

«Ну, говорит, скажи ж ТЫ мне,

Кого ТЫ видел-а во сне?»

А. Пушкин.

Евгений Онегин

А с другой стороны:

*...Хоть раненько задума-л ТЫ жениться, да...
Грех и пропустить оказию.*

А. Пушкин.
Капитанская дочка

Ясно, что Ольга Ларина обращается к сестре Татьяне, а добрый Савельич, верный дядька Гринева из «Капитанской дочки», разговаривает с самим Петром Андреевичем Гриневым, и притом только с ним одним. Если бы разговор зашел у Савельича с двумя лицами, он вынужден был бы изменить всю конструкцию своего обращения:

...Хоть раненько задума-ли ВЫ пожениться...

И снова существенного затруднения тут не возникает. Ведь если бы говорящий не ограничился бы МЕСТОИМЕНИЕМ, а назвал обоих людей, к которым вздумал адресовать свою речь, форма глагола не изменилась бы:

Хоть раненько задума-ли Петр Андреевич и Машенька пожениться...

Другое дело, когда речь заходит об изменении ПОЛИЦАМ. Владеющий русским языком человек безошибочно находит нужные окончания глаголов, относящиеся к разным ЛИЦАМ, указываемым МЕСТОИМЕНИЯМИ:

Я зна-ю, как сказать.

Ты зна-ешь, как сказать.

Он зна-ет, как сказать...

Но согласитесь, что между формами я, ты, он и она, с одной стороны, и формой глагола, его оконча-

ниями -ю, -ешь, -ет, нет ни малейшего сходства. Наша с вами удача, что НАМ не приходится ЗАПОМИНАТЬ эти сложные соотношения. Изучающему русский язык иностранцу они даются с большим трудом. Разговаривая с не вполне овладевшим русской речью немцем или французом, вы легко можете услышать от него сочетания слов наподобие: *Я не может вас понимать* или *Она должен его встретить*. Удивляться не приходится: не усвоив себе формы немецких местоимений и глаголов, мы с вами делали бы на немецком языке ничуть не менее смешные ошибки.

ВСЯК НА СВОЙ ЛАД ЧУДИТ

Вы великолепно знаете, что местоимение второго лица единственного числа по-русски будет *ты*:

*Ведь ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ТЫ мастерица,
Так ТЫ б у нас была царь-птица!*

И. Крылов.
Ворона и лисица

Но вот Таня Ларина пишет письмо Евгению Онегину.

Я к Вам пишу — чего же боле? — так начинает она. Почему — ВЫ? Таня же отлично знает, что обращается к одному-единственному человеку. Тем не менее она не допустила никакой ошибки: в русском языке принято, в знак уважения и вежливости, малозна-

комого или почтенного человека именовать в обращении к нему, пользуясь местоимением второго лица, но не единственного, а МНОЖЕСТВЕННОГО числа.

У Пушкина есть стихотворение, которое так и называется: «Ты и Вы».

*Пустое ВЫ сердечным ТЫ
Она, обмолвись, заменила...*

Как видите, тут получается чуть ли не обратное положение: оказывается, тот, к кому обращаются, был бы рад, если бы его назвали дружеским *ты*, а не холодно-официальным и вежливым *вы*. Очевидно, местоимениями можно, так сказать, ИГРАТЬ, используя их свободное употребление для выражения не только и не ПРОСТО МЫСЛИ, но и тех ЧУВСТВ, которыми эта мысль, как то почти всегда в наших разговорах случается, бывает как бы окутана и окрашена.

Вот тут я хотел бы, чтобы вы заметили и запомнили одно довольно существенное обстоятельство. Бывает так, что вы можете построить фразу, обращение к человеку или какое-либо другое предложение — совершенно ПРАВИЛЬНО, если судить о нем с точки зрения чистой грамматики.

Прошу тебя как можно скорее выполнить мою просьбу.

Это может быть и ВПОЛНЕ ПРАВИЛЬНО стилистически, если вы обращаетесь к близкому человеку, другу, родственнику. Оно может быть и совсем

н е п р а в и л ь н о, если вы сохраните обращение на «ты», скажем подавая заявление директору школы о разрешении вам переездаменовки осенью.

Любопытно, что нельзя даже сказать, что одно из этих местоимений ОБИДНО, а другое обязательно ПРИЯТНО и УМЕСТНО.

Если ваш отец, который всегда называл вас — *ТЫ*, *Лёня*, внезапно напишет вам письмо, где будет обращаться к вам на «вы» — *ВЫ*, *Лёня*, вы вправе огорчиться, расстроиться и заподозрить, что он за что-то на вас сердит. Но совершенно так же может остаться недовольным, допустим, друг вашего папы, которого вы никогда не видели и письмо которому вздумали бы начать так: *Ты, дорогой Петр Сергеевич, наверное, не угадаешь, кто тебе пишет...*

Видите, какие тонкости! Следует прибавить к этому, что даже в самом написании этих местоимений обычай установил некоторую тонкость.

Когда мы обращаемся со словом *вы* к двум или несколькими адресатам, мы пишем это местоимение, естественно, со строчной буквы: *вы*. Если же мы употребляем его для изъявления почтения и вежливости в обращении к одному человеку, правописание меняется: следует в этих случаях писать не *вы*, а *Вы*.

Что, правила эти одинаковы во всем мире? Да ничего подобного: недаром я озаглавил эту маленькую главку словами: ВСЯК НА СВОЙ ЛАД ЧУДИТ.

Мы пишем с прописной буквы только местоимение *Вы* и то лишь в определенных случаях: не столько

по грамматике, сколько ПО ЭТИКЕТУ. А вот, например, англичане С БОЛЬШОЙ БУКВЫ пишут только местоимение ПЕРВОГО ЛИЦА, и притом ЕДИНСТВЕННОГО числа: *I — Я*. Странно? Нам — странно, им — нет: так повелось в веках!

Этого недостаточно. У них местоимение второго лица ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА хоть и существует, но почти никогда не употребляется: только в поэзии да при молитвенном обращении к Господу Богу. Его повсюду заменяет второе лицо числа множественного: *You [ю] — «вы»*. Если вам когда-нибудь придется беседовать с королевой Англии (всяко бывает!), вы должны называть ее [Ю], говорить *Your majesty [Йо мэджести] — «ВАШЕ величество»*. Но если к вам там, в Англии, привяжется собачка вашего приятеля или даже хотя бы хозяйский поросенок, вы и на него должны сердито кричать на «вы»: *Look here. You get away [Лук хиэ, Йу Гэт эуэй!]*, то есть «Послушайте, вы! Пошли прочь!»

Своеобразно поступают с местоимениями-обращениями и немцы. В немецком языке табличка местоимений такова:

Ich [Ихь]	— Я
Du [Ду]	— ТЫ
Er [Эр]	— ОН
Sie [Зи]	— ОНА
Es [Эс]	— ОНО
Wir [Вир]	— МЫ
Ihr [Ир]	— ВЫ
Sie [Зи]	— ОНИ

Однако если вы желаете проявить по-немецки вежливость в разговоре со старшим или незнакомым, вы не должны говорить им [ир], как указано в грамматике. Для вежливости вы хорошо сделаете, если станете обращаться к нему (или к ней), называя их [зи], то есть *они*.

Seien sie gesund? [Зэйен зи гезунд?] — *Здоровы ли ОНИ* (то есть *ВЫ*)? — спросите вы у вашего знакомого, у него ОДНОГО. И в косвенных падежах так! Желая сказать: *Вас не было дома*, вы, конечно, можете грубовато брякнуть, как в грамматике: *Ihr wart nicht zu Hause* [Ир варт нихт цу хáuзэ]. Но куда вежливее будет, смотря прямо на человека, выразиться про него же в третьем лице: *Sie waren nicht zu Hause* [Зи вáрен нихт цу хáuзэ], то есть буквально: «*ОНИ не были дома!*» Вот так!

В других языках? Во всех — по-разному. Но надо сказать, во многих с местоимениями происходят все же разные «фокусы». Вероятно, это объясняется тем, что как раз они являются очень давно образовавшимися в наших языках словами. В европейских языках между ними очень много сходного.

Вот возьмем, к примеру, местоимение второго лица единственного числа:

Древнегреческое	δ [ту или су]
Латинское	tu [ту]
Итальянское	tu [ту]
Русское	ты
Французское	tu [тю]
Немецкое	du [ду]

Испанское	tu [ту]
Датское	du [ду]
Шведское	du [ду]

Я мог бы указать вам и на второе лицо множественного числа:

Латинское	vos [вос]
Французское	vous [ву]
Испанское	vos [вос]
Итальянское	voi [вои] (ваш)
Русское	вы

Вот эта большая древность местоимений иногда и является причиной их некоторой «неправильности», «странностей в их употреблении».

Ну, скажем, по-французски *я*, с одной стороны, переводится как *je* [жэ], с другой — как *moi* [муá]. Так, например, сказать *я тут был* по-французски надо: *J'ai été ici* [ж'этэ иси́].

Но сказать: *Это — я!* придется иначе: *C'est moi* [С'э м у а!] — буквально: *Это — меня!* Иногда применяются и обе формы сразу: *Qui, j'ai été ici, moi!* [Вуй, ж'этэ иси́, муá!] — *Да я тут был, меня!*

То же самое происходит и с местоимением *tu* [тю] — *ты*. Нельзя сказать: *C'est tu* [С'э тю] — *Это ты*. Надо выразиться иначе: *C'est toi, mon ami* [С'э туá, мон ами!] — *Это тебя, дружок!* Пожалуй, закончим нашу экскурсию в иноязычные края местоимений. На первый раз довольно и этого. Впрочем...

В школьных учебниках русского языка обращается внимание на правописание предлогов и местоимений, когда они стоят рядом.

Правило-то простое:

КАК И С ДРУГИМИ СЛОВАМИ, предлоги НЕ ПИШУТСЯ ВМЕСТЕ с местоимениями.

Мы, собственно, это уже видели на практике. Помните:

*Сказали мне, что с нею вы
При нем на берегу,
Его ловили. Но, увы,
Я плавать не могу...*

В этих смешных стихах много подобных смешных сочетаний: С НЕЮ К НАМ, ДЛЯ НИХ, С НИМ, К НЕЙ, ОТ ВАС, ДЛЯ НАС, ОТ ВСЕХ... Повсюду, как вы видите, строгое правило соблюдено. Да ведь и вспомогательный способ дает нам такое же указание: везде между предлогами и следующим за ними словом-местоимением можно вставить или какое-либо подходящее словечко: «К — добрым — НАМ», «ОТ — гадких — НИХ» или же вопрос: «ДЛЯ каких?» «ОТ каких?» — ВСЕХ?».

Так, может быть, я напрасно упомянул здесь об этом правиле? Может быть, зря его оставили и в учебниках 3-го класса? Уже! Известно!

Раскинешь умом и решишь: нет, не зря.

Вот, например, какое признание нашел я в одном из писем великого русского писателя Антона Павловича Чехова его ученику в писательском деле, А. Ла-

зареву-Грузинскому: «Как писать: КСЧАСТЬЮ или К СЧАСТЬЮ? Забыл!»

Написано это в августе 1888 года. Антону Павловичу было в это время уже 28 лет, и, что главное, он был уже большим, известным художником слова... А вот з а б ы л!

Нет, по-видимому, никогда нельзя сказать: «Довольно! Нет надобности больше повторять грамматические правила!» Лишний раз не помешает...

ГЛАГОЛ

ГЛАГОЛ времен — металла звон!

Г.Р. Державин.

На смерть князя Мещерского

Отныне в рифмы буду брать ГЛАГОЛЫ.

.....

Не стану их надменно браковать,

.....

А подбирать союзы да наречья.

А.С. Пушкин.

Домик в Коломне

Я привел два отрывка из двух стихотворных произведений. В каждом из них есть слово *глагол*.

В первом, в стихах Гавриила Романовича Державина, если их передать современными словами, как

Речь времен — звон металла (отбивающих «часы») половины и четверти (в старинных часах): оно означает *речь, слово, возглас*, что-то в этом роде.

Во втором, у Пушкина, мы встречаем его в хорошо нам знакомом, чисто грамматическом значении. Здесь под *глаголами* понимаются именно те слова, которые, как мы уже хорошо знаем, отвечают на вопросы «что делать? делает? делаем?», и все с ним родственные. В этом смысле глагол — часть речи. Одна из важнейших. Можно сказать: та часть речи, которая, будучи введена в состав предложения и тем самым став его членом, вступает в спор за первенство с самим «кто? что?» — с существительным.

В своем месте я старался показать вам, как хорошо язык, в устах или под пером мастера словесных дел, может выражать все, что ему захочется, обходясь совершенно без глаголов. Теперь мне хочется восстановить доброе имя глагола, приведя пример, когда автор умеет отлично нарисовать человека, во всем своеобразии его характера и натуры, орудуя почти одними только глаголами.

Отрывок, который я вам приведу, написан не по-русски, а по-английски писателем Кипплингом. Но переводчик точно передал его на нашем русском языке, и причудливость его от перевода никак не пострадала:

Он (речь идет об одном высокоученом чиновнике-англичанине в старой, еще XIX столетия, Индии. — Л. У.) определял годы, вычерчивал родословные, сравнивал, отмечал, сверял и выверял, записывал, вписывал и переписывал, аннотировал, комментировал, ре-

гистрировал и инвентаризовал, сплетал, расплетал и заплетал, связывал, нанизывал, сортировал, классифицировал... по десять часов в сутки.

Здесь грохочет, сталкиваясь друг с другом, ДВАДЦАТЬ ОДИН ГЛАГОЛ. Кроме них, в отрывке присутствуют еще одиннадцать других частей речи, причем шесть из них служебные слова, а впечатление создается какой-то напряженной, спешной, срочной, утомительной, на вид очень важной, а по существу, может быть, и бестолковой работы, деятельности, спешки, лихорадки... Все это выполнено одною частью речи — работающей-ГЛАГОЛОМ.

Вот тут, по-моему, полезно было бы, чтобы мы, еще до того как заняться самим глаголом и его многочисленными и сложными формами в русском языке, чуть-чуть поразмыслили над самим СУЩЕСТВОМ этой части речи.

Сказать, что ГЛАГОЛ ВЫРАЖАЕТ ДЕЙСТВИЕ, — ОЧЕНЬ ЛЕГКО, но и очень неточно. Что значит: выражать действие? Если я говорю слово *зубрежка* — разве оно не выражает действие? Если я произнес слово *хоккей* — так уж оно-то выражает такое действие, что даже тому, кто только болеет за ЦСКА по телевизору, трудно не присоединиться всем сердцем к этому действию. А ведь и *зубрежка*, и *хоккей* — спокойнейшие имена СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ.

С другой же стороны, возьмите глаголы: *спать*, *молчать*, *лениться*, *отлынивать*, *бездействовать*... Неужели вы найдете в себе довольно несправедливости, чтобы признать, что «они выражают действие»,

хотя на самом деле они если что и выражают, то только полную бездеятельность.

Не боюсь я Востока! —

Отвечал Казбек, —

Род людской там СПИТ глубоко

Уж девятый век.

М. Лермонтов.

Спор

Потому Казбек и не боится Востока, что все его «действия» заключаются в «бездействии», не так ли?

Наверное, надо поискать для глаголов какое-то другое, более точное определение. Ученые-грамматисты делают это очень спокойно, но при этом вводят объяснения такие сложные термины и понятия, которые нас с вами окончательно запутали бы. Попробую обойтись без них.

Ну, прежде всего почти каждый замечает, что сказать «глагол обозначает действие» — не очень точно: если *бежит* и на самом деле действие, то *лежит* гораздо менее похоже на него. Если *я говорю* значит, что «я действую языком, губами, голосовыми связками, легкими», то *я молчу* значит, что я просто «ничем не действую». *Он взял в плен врага* — конечно, действие. Но весьма сомнительно, чтобы можно расценивать как действие: *он попал в плен*.

Можно добавить к этому или исправить это определение на другое: ГЛАГОЛ ВЫРАЖАЕТ ДЕЙСТВИЕ И СОСТОЯНИЕ: *Мама греет воду* — действие, *Мама греется на солнышке* — состояние.

Тогда, может быть, вообще эти два определения заменить более общим: ГЛАГОЛ ИЗОБРАЖАЕТ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ПРОЦЕССЫ, НО ТАК, КАК ЕСЛИ БЫ ОНИ БЫЛИ ДЕЙСТВИЯМИ. В самом деле, сказать: *Я наслаждаюсь!* — равносильно тому, как если бы я сказал: *Ай, как мне приятно!* Но когда мне приятно, так тут на первый план выступает то, что я только подчиняюсь действию каких-то внешних сил. А *Я наслаждаюсь!*, не меняя решительно ничего по существу, описывает то же самое, однако так, что можно подумать, что причина этого удовольствия во мне, что я сам создаю свои отличные настроения.

Да, приходится признать: ГЛАГОЛ ВЫРАЖАЕТ ПРОЦЕСС, пожалуй, несколько более точно. Но вовсе не полно.

Не полно, потому что не один только глагол может выражать этот самый «процесс». Он может быть выражен и существительным, и другими частями речи:

Янки

подошвами шлепать

ЛЕНИВ:

Простой и курьерский

лифт:

В 7 часов ЧЕЛОВЕЧИЙ ПРИЛИВ,

В 17 часов — ОТЛИВ.

Так описывает В. Маяковский напряженную жизнь величайшего города Соединенных Штатов — Нью-Йорка.

Вчитайтесь. Первое предложение, собственно говоря, означает: Янки ЛЕНИТСЯ шлепать подошвами, то есть он НЕ ЛЮБИТ ХОДИТЬ ПО ЛЕСТНИЦАМ. *Не любят ходить* было бы выражено глаголом *не любят*. А Маяковский ту же мысль передал при помощи сочетания из совсем другого глагола, существительного и прилагательного *подошвами шлепать ЛЕНИВ*. И собственно, ЯНКИ ЛЕНИТСЯ оказалось замененным ЯНКИ ЛЕНИВ.

Еще удивительнее следующее предложение, даже два подряд.

Простой и курьерский лифт. Ведь обозначает-то это нечто куда более сложное: «в каждом доме устроены лифты двух сортов». Но глагол исчез, а главная мысль предложения заместила сочетанием двух прилагательных и существительного: *простой и курьерский лифт*. Значит это — «в каждом доме имеется два лифта», «устроено два лифта», «есть два лифта». Но поэт, стремясь *напряжением жизни* передать напряжением стиха, отказался от глагола, как бы заменив *сказуемое* — жестом. Он словно бы непосредственно указывает на то, что видят его глаза: «Вот, мол, вам — видите: ПРОСТОЙ И КУРЬЕРСКИЙ ЛИФТ! Значит, янки не ходят, а ездят!»

И дальше ему уже становятся не нужными глаголы: он рисует картину, обходясь без них: *В 7 часов — человекчий прилив, в 17 часов — отлив!* Читаете и как бы видите шеренгу небоскребов, к дверям которых каждое утро притекает река одинаковых человечков в черных пиджаках и белых воротничках, а через 10 часов такая же река с шумом вырывается из всех подъездов.

Можно, формально говоря, сказать, что у этих строк Маяковского нет сказуемых. Однако это будет не совсем верно. Их «сказуемость», «выражение процесса», «выражение действия» очень сильны и напряженны. Построены эти предложения БЕЗ ГЛАГОЛОВ, но внутри каждого из них будто тайно заложена «пружина глагольности» (если такое неуклюжее слово вы позволите мне употребить), «пружина сказуемости»: *В 7 часов — человеческий прилив* — «В семь часов НАЧИНАЕТСЯ человеческий прилив». «В 17 часов он СМЕНЯЕТСЯ человеческим отливом».

Так что глагол и «сказуемость» не всегда совмещаются. И мне кажется, занятнее всего покажет это вам вот какой пример.

У Пушкина в поэме «Граф Нулин» есть такое описание охотящегося кота:

*Так иногда лукавый кот...
За мышью крадется с лежанки...
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку ЦАП-ЦАРАП!*

Вот поищите, есть ли в этих строчках ГЛАГОЛ. Глагола нет! А действие? Ну как же: молниеносное — ЦАП-ЦАРАП!

Раз нет глагола, так, по-видимому, не должно быть и сказуемого? А вот оно имеется! Если вы когда-нибудь заглянете в «Толковый словарь русского языка» и найдете там слово *цап-царап*, вы наверняка обнаружите рядом с ним краткое: указание: «Междометие со значением сказуемого».

Правда, мы с вами пока еще «не проходили» междометий. Но все же ясно, что в данном случае «значение сказуемого» выражает НЕ ГЛАГОЛ, а какая-то другая ЧАСТЬ РЕЧИ.

Впрочем, я не стал бы вас упрекать, если бы вы не указали мне тут на сказуемое, не нашли бы его. Вскоре после того как

А. Пушкин опубликовал свою поэму, по его же рассказу, «в «Вестнике Европы» (был такой журнал. — Л. У.) с негодованием говорили о сравнении Нулина с котом, цапцарапствующим мышку (забавный ГЛАГОЛ: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствует). Правда, во всем «Графе Нулине» этого сравнения не находится, так же как и глагола цапцарапствую; но хоть бы и было, что за беда?»

Пушкин лукаво посмеивался, и он прав: писатель, художник слова, имеет право «играть им» как ему вздумается. Да вообще говоря, права этого никто не может отнять и у каждого из нас.

Однако есть в языке такая упрямая сила. Ученые именуют ее «силой инерции», мы назовем «силой привычки». Все-таки привычней всего нам с вами, чтобы роль сказуемого принимал на себя ГЛАГОЛ. И когда на его место становится какой-нибудь самозванец, «междометие в значении сказуемого», не только мне или вам, но, как видите, даже почтенным критикам из

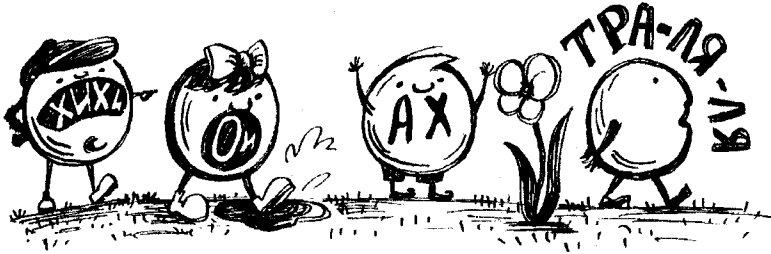
весьма почтенного журнала «Вестник Европы» тех далеких лет пришло в голову прежде всего, так сказать, «лопнуть, но образовать из междометия глагол». При чем сделали они это бойко, не без достаточного вкуса: недаром самому Пушкину глагол показался все-таки «забавным»: нелегко образовать одно слово из двух. Вот если бы пушкинский кот не *царапнул мышь*, а просто *цапнул ее*, от этого междометия в значении сказуемого критикам было бы проще простого произнести (или, скорее, *п о д с т а в и т ь* вместо него) глагол *цапнуть*. Он-то существует!

СЛОЖНЫЙ ОРГАНИЗМ

Среди живущих на Земле существ бывают и совсем просто устроенные — вроде каких-нибудь одноклеточных водорослей или микробов, и очень сложные — вроде обезьяны, белки, павлина или крокодила.

Я бы сказал, что то же самое мы видим и среди частей речи. Вот возьмите, к примеру, те же самые МЕЖДОМЕТИЯ, с одним из которых мы только что столкнулись. Междометием зовется такая часть речи, которую никак нельзя ИЗМЕНИТЬ и у которой нет НИКАКОГО ВНУТРЕННЕГО СТРОЕНИЯ. Мы с вами, без особых разъяснений, назвали бы большинство междометий просто «восклицаниями» и были бы, собственно, правы. *Ой!*, *ах!*, *у-гу!*, *тра-ля-ля!*, *хи-хи-хи!* — вот они, междометия. Возьмите, скажем, *О!* — чем не простейшее одноклеточное животное или растение, вроде знаменитой теперь хлореллы?

Рядом с ними ГЛАГОЛ может показаться по крайней мере могучим дубом, а то и индийской смоковницей-фикусом, который не только широко ветвится, но

еще и обладает способностью опускаться из этих ветвей добавочные «воздушные корни».

В большой «Грамматике русского языка» Академии наук СССР (ныне Российская академия наук. — Прим. ред.) глава о междометиях занимает 21 страницу. А вот глаголу там отведено 194 страницы. Это одно уже показывает, каким сложным составным элементом языка является наш глагол.

Можно подойти иначе.

Мы только что видели: междометия имеют однуединственную форму. Точно так же одной формой обладают, скажем, предлоги: *по* всегда *по*, и конечно. *Из* не имеет никакой другой формы, кроме *из*. Никогда не изменяются ни *к*, ни *за*, ни *при*.

Мы видели: существительные изменяются по падежам и числам. Имена прилагательные кроме падежей и чисел могут, как мы знаем, образовывать степени сравнения (правда, на это способна лишь одна большая группа их: вспомните сами — какая?). Многие прилагательные могут быть двух видов — полная форма (*красный*) и краткая (*красен*). Этого мало, они изменяются еще и по родам (*красный, красная, красное*), и, как это ни странно, именно благодаря их присутствию мы узнаем РОД имен существительных: у него-то он всегда один. В самом деле, *дуб* мужского

рода не потому, чтобы он был похож на мужчину, а потому, что мы говорим *стар-ЫЙ дуб*, хотя *березу* называем *бел-АЯ* или *кудряв-АЯ*.

Видите? У прилагательных уже целый ряд форм изменчивости: падежи, числа, роды, три степени сравнения, краткая и полная форма.

Перечислить же здесь вам все возможные формы, которые образуют наши ГЛАГОЛЫ, я бы даже затруднился, так их много.

Глаголы СПРЯГАЮТСЯ, то есть могут изменяться ПО ЛИЦАМ, ЧИСЛАМ, иногда — ПО РОДАМ и еще — ПО ВРЕМЕНАМ, к чему не способны другие части речи.

Возьмем пример, ну хотя бы — глагол *жить*. Приведем его в разных формах СПРЯЖЕНИЯ, как они встречаются у А.С. Пушкина:

1)	Есть в мире сердце, где ЖИВУ я	—	1-е лицо единственного числа настоящего времени.
2)	...Ворон-птица, отчего ЖИВЕШЬ ты на белом свете триста лет?..	—	2-е лицо единственного числа настоящего времени.
3)	Наш герой ЖИВЕТ в Коломне	—	3-е лицо единственного числа настоящего времени.
4)	«Мы за вами еще ЖИВЕМ», — сказал ему однажды... епископ Шептицкий	—	1-е лицо множественного числа настоящего времени.

5)	Советники Зевеса, ЖИВЕТЕ ль вы в небесной глубине...	—	2-е лицо множественного числа настоящего времени.
6)	Ведь рифмы запрос- то со мной ЖИВУТ. Две придут сами, третью приведут...	—	3-е лицо множественного числа настоящего времени.

Видите? Глагол ЖИТЬ прошел перед нами по всем лицам и обоим числам настоящего времени.

Можно было бы с такою же полнотой подобрать примеры из произведений великого поэта и на ПРОШЕДШЕЕ время этого же глагола, но в этом нет необходимости. Для нас существенно будет, пожалуй, только одно: в прошедшем времени, помимо того, что мы уже видели, глагол — в единственном числе — изменяется и по родам; в то же время, в пределах одного рода, во всех падежах мы встречаем одну и ту же форму:

1)	Я ЖИЛ недорос- лем...	—	1-е лицо единственного числа мужского рода прошедшего времени.
2)	ЖИЛ на свете ры- царь бедный...	—	3-е лицо мужского рода прошедшего времени.
3)	Спой мне песню, как синица Тихо за морем ЖИЛА...	—	3-е лицо единственного числа женского рода прошедшего времени

В мужском роде в единственном числе мы во всех лицах встретили бы форму *жил*, в женском — *жила*. Во множественном числе появилась бы форма *жили*, но она оказалась бы пригодной для всех трех родов. В единственном числе СРЕДНЕГО рода мы нашли бы форму *жило*.

Обратившись к будущему времени, нам пришлось бы встретиться с новым осложнением: мы столкнулись бы с двумя разными типами глаголов.

С одной стороны, мы бы обнаружили глаголы вроде *сидиться* или *ложиться*, от которых нам удалось бы очень просто образовать будущее время: *я сяду, он сядет, мы сядем, я лягу* — и так далее.

Впрочем, почему бы нам не взять литературные образчики:

1-е лицо единственного числа:

СЯДУ на хлеб и воду, ничего не боюсь! —
кричала Сашенька.

Ф. Достоевский.
Село Степанчиково

3-е лицо единственного числа:

Шить СЯДЕТ — не умеет взять иголку.

А. Пушкин.
Домик в Коломне

1-е лицо множественного числа:

СЯДЕМ рядом, потолкуем ладком!

Поговорка

Но стоит нам **п о п а с т ь** не на те глаголы — и все окажется по-другому.

Вот — *петь*. Образовать будущее можно только из двух слов: *буду петь*.

Или — *есть*. Тоже возможно лишь сложное будущее: *буду есть*.

При этом вот на что любопытно обратить внимание: стоит таким «неудобным» глаголам придать приставку (не *петь*, а **ЗАпеть**, не *есть*, а **СЪесть**), как они тотчас умирятся и прекрасно позволяют образовать от себя будущее простое: *мы запоем, он съест*.

В чем дело? Какая между ними разница? Разница, вообще говоря, довольно существенная.

Глагол *есть* (*кушать*) изображает действие длительное. Я *ем* — значит, я начал есть и, очевидно, еще не закончил этот приятный процесс. А вот глагол *съесть* — как раз наоборот, выражает представление о таком действии, которое не только начинается, но вскоре и заканчивается, а иногда заканчивается прямо в самый миг начала. Ну, скажем, действие глагола *начать*. Если оно не закончится мгновенно, то окажется, что оно продолжается, и значит, глагол должен быть не *начать*, а скажем, *начинать*. **Н а ч и н а т ь** можно длительно, **н а ч а т ь** же только мгновенно, как выстрел.

Эти разные ГРУППЫ глаголов носят в грамматике название глагольных видов.

Те глаголы, которые обозначают действия долгие или повторяющиеся (*прыгать, стучаться*), называются глаголами **ВИДА НЕСОВЕРШЕННОГО**.

Те же, действие которых подобно вспышке огня или выстрелу, носят имя **СОВЕРШЕННЫХ**.

Очень часто бывает так, что глаголы обоих видов, образованные от одного корня, являются перед нами **ПАРАМИ**:

Несовершенный вид

СПЛЕТАТЬ

ПОДОГРЕВАТЬ

СПИСЫВАТЬ

Совершенный вид

СПЛЕСТИ

ПОДОГРЕТЬ

СПИСАТЬ*

Легко заметить: вид от вида отличается СУФФИКСАМИ. Но, пожалуй, еще чаще (или — так же часто) совершенный вид образуется из несовершенного прибавлением к нему того или другого ПРЕФИКСА, то есть приставки.

Вот так обстоит дело и в наших, уже использованных, примерах:

петь — *спеть* — *запеть* — *напеть* — *отпеть*;

есть — *съесть* — *заесть* — *отъесть* — *подъесть*.

В общих случаях первый глагол — вида несовершенного, все последующие — совершенного; вторые от первых отличаются только наличием ПРИСТАВОК.

Иностранцы обыкновенно очень недоумевают: зачем русским их глагольные виды и как они (русские) не запутаются с ними? Один обладавший мировой

* Здесь, сказал бы я, разница такая же, как между съемкой с ВЫДЕРЖКОЙ и съемкой МОМЕНТАЛЬНОЙ.

славой француз, глубокий знаток русского языка, много лет преподававший его во французских университетах, как-то признался мне на ухо: «Мсье Успенски! Покаюсь вам! Я тридцать лет объясняю моим студентам, что такое ваши глагольные виды, но убей меня бог, если я сам понимаю, для чего они вам нужны!» Старый профессор немножко кокетничал: конечно, он давно уже усвоил, «для чего». Но — действительно! Иностранцу, у которого таких видов НЕТ, растолковать их смысл и пользу довольно трудно.

А между тем именно наличие ВИДОВ придает нашему языку особую гибкость. И этому еще способствует простота образования видовых ПАР, о которых я только что говорил.

Вот возьмем для примера корень *-прыг-*, от которого в русском языке образованы глаголы: *прыг-а-ть*, *прыгну-ть*, *прыг-ива-ть*, *пере-прыг-ива-ть*, *до-прыг-ива-ть*, *до-прыг-ну-ть*, *вы-прыг-ну-ть*, *вы-прыг-ива-ть*, *по-прыг-а-ть*, *у-прыг-а-ть*, *при-прыг-а-ть*, *с-прыг-ну-ть*, *вс-прыгну-ть*, *за-прыг-ну-ть*... Я назвал вам четырнадцать глаголов, и, разумеется, если вам кто-то скажет, что ваш младший братишка *перепрыгивает* через большой камень, вы озаботитесь сильнее, чем узнав, что он уже *перепрыгнул*. А вот если вы захотите, чтобы эту облегчающую разницу ощутила мама какого-нибудь вашего знакомого юного француза, вам не удастся дать ей понять это тем же способом, что у нас. Потому что по-французски:

ПРЫГАТЬ	прозвучит sauter	[СОТЭ]
ПРЫГНУТЬ	— // — // —	[СОТЭ]
ПРЫГИВАТЬ	— // — // —	[СОТЭ]

ПЕРЕПРЫГИВАТЬ	— // — // —	[СОТЭ]
ВСПРЫГИВАТЬ	— // — // —	[СОТЭ]
ВСПРЫГНУТЬ	— // — // —	[СОТЭ]
ДОПРЫГИВАТЬ	— // — // —	[СОТЭ]
ДОПРЫГНУТЬ	— // — // —	[СОТЭ]

и так далее и тому подобное.

Нет, разумеется, я нарочно «заострил положение». Французские мальчишки, прибежав к матери товарища, лихача и прыгуна, тоже смогут дать ей понять, что дело обошлось благополучно. Как? Ну, это будет не очень точная передача сути дела, но они смогут, например, сказать ей, что он не только французское [сотэ] — прыгает, но что он sauta [сотá] — прыгал и что даже этот его saut [со] (*прыжок*) имел благополучный исход, ну, скажем, что он [сота] — *прыгал*, но имел un atterissage heureux [ен аттериссáж ёрё] — *благополучное приземление*. Но так просто и удобно сказать *прыгнул* — это у них не получится.

Впрочем, неправда: они все умеют и сумеют передать, что будет нужно, и с меньшей, чем мы, точностью, только совершенно другими способами.

Достаточно сказать, что французские мальчишки и девчонки, ни на миг не задумываясь, выбирают для этого нужное время глагола, а таких времен у них:

настоящее
прошедшее несовершенное
прошедшее сложное
прошедшее определенное

давнопрошедшее (они зовут его «более чем совершенное»)

предшествующее прошедшее

будущее

будущее предшествующее

Вы качаете головой и разводите руками от удивления: да ведь тут можно заблудиться!

Вот видите: а французам представляется, что заблудиться можно в наших ВИДАХ, а их ВРЕМЕНА (заметьте, что среди них есть, как и наши ВИДЫ, и «несовершенные», и, хотя бы по противоположности, если не по названию, «совершенные») — вещь абсолютно простая. Каждый язык для выражения любой мысли имеет свой набор средств; зачастую они совсем не похожи на то, что есть у соседнего языка, но тем не менее дают возможность ПО-СВОЕМУ выразить все, что необходимо. Нет языков худших и лучших. Нет языков способных к развитию и неспособных. Языки негров Африки или дайков Индонезии в наши дни прекрасно выражают понятия и «коммунизма», и «кибернетики», и «атомного ядра». А сто лет назад не только банту и зулу не смогли бы ничего рассказать об этих явлениях и событиях, но и среди самых цивилизованных народов Европы, может быть, лишь самая тоненькая прослойка общества употребляла первое из этих слов и понятий, и уже решительно никто не понимал бы второго и третьего из них.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Я не буду пересказывать здесь своими словами все частности и детали, которые сообщают о спряжении глаголов, об их отдельных временах и формах ваши учебники: там все это изложено и достаточно полно, и в совершенно точной системе.

Мне хочется здесь и сейчас поговорить с вами об единственной глагольной форме — НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ, или, иначе сказать, об ИНФИНИТИВЕ.

Когда вас попросят назвать какой-нибудь глагол, вы обыкновенно не скажете: *сменял и с ь*, или *запла к а л а*, или *вскоч и м*. Нет, вы почти наверняка произнесете: *сменяТЬСЯ*, или *заплаКАТЬ*, или *вскочИТЬ*. Иначе говоря, вы назовете при этом такую форму глагола, которая оканчивается на -ТЬ (или на -ТЬСЯ), благо она имеется почти у любого из наших глаголов. Вот ее-то мы и называем по-русски НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ формой или употребляем латинский термин ИНФИНИТИВ, что можно перевести как НЕОКАНЧИВАЕМАЯ

или БЕСКОНЕЧНАЯ форма. Грамматики считают ее НАЧАЛЬНОЙ, ИСХОДНОЙ формой глагола, примерно так же, как основной и исходной формой существительного мы считаем ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ падеж. В словарях вы тщетно будете искать другие глагольные формы: *учил, подрались, набедакурим*, там глаголы приводятся тоже всегда в ИНФИНИТИВЕ.

Я сказал, что форма эта непременно заканчивается АФФИКСОМ (так именуются суффиксы и префиксы, когда хотят не различать, о каком из них мы говорим; по-русски вместо «аффикс» можно было бы, пожалуй, сказать «наставка», но принято называть все эти части слов именно так, разделяя их затем на разные виды). Так вот, я сказал, что ИНФИНИТИВ оканчивается на -ТЬ. Это не совсем точно: он может кончаться и на -ТИ, как, скажем, в глаголах *идти, нести, вести, трясти*, и на -ЧЬ: *лечь, помочь*.

Можно указать на глаголы, которые в нашем современном языке обладают обеими этими формами и позволяют употреблять их то с одним, то с другим окончанием. Вот у Пушкина молодой Гринев говорит старому слуге Савельичу:

Ну, ну!.. обещаюсь вперед ВЕСТИ себя умнее и слушаться тебя.

А в то же время несчастный Кочубей перед казнью терзается тем, что он должен теперь:

*Утратить жизнь, и с нею — честь,
Друзей с собой на плаху ВЕСТЬ...*

Как видите, для Пушкина различие между этими двумя формами не представляло большого значения; и все же: в первом случае форма *вести* употребляется в совсем бытовой, фамиллярной обстановке, во втором *весть* звучит в высокой, трагической внутренней речи Кочубея.

Да, но в той же «Полтаве», в столь же драматической обстановке размышляет накануне боя теперь уж, предчувствуя разгром шведов, Мазепа:

Но не ему (говорит он о Карле XII. — Л. У.) *ВЕСТИ борьбу*

С самодержавным великаном (то есть с Петром I. — Л. У.).

И наоборот, в другой поэме Пушкина форма *весть* употребляется в совершенно домашней, мещанской обстановке, при разговоре о хозяйственных делах:

*Всем домом правила одна Параша:
Поручено ей было счеты ВЕСТЬ.*

В наши дни разница между тою и другой формами ощущается гораздо резче: мы сейчас предпочитаем и считаем правильным именно для книжной и образованной литературной речи формы на -ти. Мы предпочитаем сказать:

*принес-ТИ, а не принес-ТЬ,
зацвес-ТИ, а не зацвес-ТЬ.*

Эти вторые формы теперь звучат для нас порою старомодно, порою — точно бы взятые из разговорно-просторечного языка.

Но надо сразу же сказать: это относится только к тем глаголам, у которых есть и та, и другая возмож-

ность. Глаголы, знающие в наши дни только одну из форм: или на **-ти** (*ид-ти, рас-ти*) или на **-ть** (*вери-ть, бы-ть, зна-ть, люби-ть*), не требуют от нас выбора.

Там, где современный поэт пишет:

Я разучился в воскресенье вериТЬ, —
там никому из нас не придет в голову поставить форму *вериТИ*. А вместе с тем в старых русских словарях вы найдете этот глагол обычно под двойным обозначением: *вѣрити, вѣрить* (этот корень писался через «ять», не через **Е**). Поэтому-то здесь как раз форма на **-ти** и звучит для нас либо старозаветно, либо «простонародно».

И обратно, если глагол известен нам постоянно с **-ти** на конце, превращение его в форму с **-ть** выглядит в наших глазах (и ушах!) как отступление от литературной нормы. Писатели и поэты прибегают к таким отступлениям по различным причинам: иногда — желая выделить это слово из ряда других, а порою ради склада и лада:

Я знаю —
 город будет,
я знаю —
 саду ЦВЕСТЬ,
когда
 такие люди
в стране
 в Советской есть!

В. Маяковский.

Рассказ Хренова о Кузнецкстрое
и о людях Кузнецка

Мне кажется, интересно узнать вот что. Откуда взялась она, эта НАЧАЛЬНАЯ, ОСНОВНАЯ форма глагола?

Языковедение утверждает: инфинитив происходит от косвенных падежей **о т г л а г о л ь н ы х** имен существительных.

Вот, скажем, существительное *знать* (вельможи-аристократы) является отглагольным, потому что *знать* — это те, которых все знают. И вот из старой формы дательного падежа этого слова *знать* (к о м у? — *знати!*) родилась древнерусская, а вероятнее еще и старославянская НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ форма глагола *знати*. Затем, поскольку ударение в слове этом лежало на ПЕРВОМ СЛОГЕ, **-ти** мало-помалу заменилось окончанием **-ть**, и получилась нам знакомая, но уже вторичная форма ЗНАТЬ.

То же самое можно было бы сказать об инфинитиве глагола *стать*, возникшем из отглагольного существительного *стать*, из его дательного падежа (сравните слово *кстати*)*.

Таким образом, как выясняется, слава НАЧАЛЬНОЙ формы укрепились за ИНФИНИТИВОМ не вполне по праву: он сам происходит от других, связанных с глаголом, но ранее его существовавших форм.

Впрочем, на этом давайте остановимся, чтобы не залезать в темные глубины филологии. Прошло достаточно времени с тех пор как процесс рождения НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ формы закончился; она возникла, и теперь, по многим причинам, нам удобнее воздавать именно ЕЙ почести «основной формы глаголов». Пусть так и останется.

* Или сравните: *Высокий, плечистый, СТАТЬ* как у молодого.

НАРЕЧИЕ

За Волгой, ночью, вкруг огней
Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племен, НАРЕЧИЙ, состояний!

А. Пушкин.
Братья разбойники

Отныне в рифмы буду брать глаголы.
.....
Не стану их надменно браковать,
Как рекрутов, добившихся увечья,
Иль как коней за их плохую статъ, —
А подбирать союзы да НАРЕЧЬЯ...

А. Пушкин.
Домик в Коломне

Вот два отрывка из произведений одного поэта. И там и там встречается слово *наречия*, но в обоих случаях

оно обозначает разные вещи. В первом случае — это то же, что «язык» или «говор». Во втором — грамматический термин. Если заглянуть в словарь, он будет там объяснен так:

«Неизменяемая часть речи, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ПРИЗНАК ДЕЙСТВИЯ, КАЧЕСТВА ИЛИ ПРЕДМЕТА».

Замечу, что так уж категорически утверждать: неизменяемая часть, может быть, и не совсем осторожно. Есть группа НАРЕЧИЙ, связанных родством с ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ, которые могут изменяться по степеням сравнения:

Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — ХОРОШО, спокойным —
ЛУЧШЕ вдвое.

А. Пушкин.
К другу стихотворцу

Как видите, здесь можно рядом наблюдать и наречие *хорошо*, и его сравнительную степень *лучше*. При наречии *тихо* существует наречие *тише*; рядом с *мило* — *милее*. Однако в большинстве случаев наречиям все-таки свойственна неизменяемость. Можно сказать: я очень люблю физику, но нельзя сказать: а еще *оченней* географию. Поэтому согласимся с определением наречия как части «неизменяемой»: изменчивые наречия — все-таки исключения.

Нам с вами не впервой встречаться с таким положением, когда обыкновенное русское слово превращается с известного времени в грамматический термин. В данном случае мы как раз имеем еще один

пример такого преобразования. Попадались нам случаи, когда русские грамматические термины просто переводятся с латинского или греческого. Здесь же мы столкнулись с положением: «и то и то». В грамматиках классических языков еще в древности существовало обозначение этой самой части речи: греки именовали ее «эпиррэма», римляне — «адвербиум». Сегодня мы с вами перевели бы оба эти обозначения как «прислобие», может быть, как «предглаголие». Когда складывалась русская грамматика, ученые подыскивали для них перевод по тем временам достаточно точный: *наречие; речь* значило и *слово*, и *глагол*, а приставка *на-* была тогда близка к нашему нынешнему *при-*. В одной очень древней грамматике говорится: «Суть же убо (то есть «имеются же». — Л. У.) слова частей осьмь (восемь частей речи. — Л. У.), имя, речь (то есть «глагол». — Л. У.)... НАРЕЧИЕ, союз» и так далее.

Что любопытного можно сказать о НАРЕЧИЯХ в дополнение к тому, что вы уже узнали о них из учебников?

По-моему, интересно подметить некоторое сходство между ними — в их отношениях прежде всего к глаголу — и прилагательными, если судить о том, как прилагательные относятся к именам существительным.

Прилагательное, отвечая на вопросы «какой? какая?», сообщает нам, какими свойствами отличается названный существительный предмет или существо:

какой?
СТОЛИЧНЫЙ город

какая?
ДРЕВНЯЯ Москва

Наречие по-своему определяет свойства и качества ДЕЙСТВИЯ, выраженного тем или другим ГЛАГОЛОМ:

как?
БЕШЕНО
мчится ракета

как?
ЖАРКО
*кипит расплавленная
сталь.*

Очень интересно ознакомиться с происхождением наших наречий. Сделать это в отношении ИХ ВСЕХ я не смогу, потому что не хватит места. Но стоит рассмотреть хотя бы некоторые их разряды.

Множество наречий образовано в нашем языке из имен прилагательных. Можно сказать больше того: от каждого прилагательного можно образовать «личное г о» наречие:

*Смеяться, право, не ГРЕШНО
Над тем, что кажется СМЕШНО...*

Сердиться ГЛУПО и ГРЕШНО...

Совершенно ясно, что ко всем этим трем наречиям нет ничего проще как указать родственные им прилагательные: *грешный, смешной, глупый*.

Однако не меньшее число наречий образовалось совсем другими путями. Некоторые из них представляют собою как бы застывшие «на лету» старинные формы глаголов: *почтí*, то есть *почитай*; *чуть* от глагола *чуять*, *небось* — из *не бойся*. Немало есть наречий, родившихся из разных падежей имен существ-

вительных: из именительного — СТРАХ как холодно, СМЕРТЬ как есть хочется, из родительного — ДОМА, из дательного — КРОМЕ, из творительного — ПЕШКОМ, КУБАРЕМ. Тут стоит заметить, что некоторые из существительных — предков наречий живут и сейчас в нашем языке (как, например, *кубарь* — вид волчка), другие же давно умерли и остались сейчас только как части скелетов древних животных в окаменелостях, исключительно в виде наречий. Слово *пешок* в значении *пешая ходьба* мы не только не употребляем, но даже и не помним. А вот слово *пешком*, наречие, существует, и по нему при желании мы можем «восстановить» и само существительное *пёх*, *пешок*. А ведь это творительный падеж от *пешка*.

Многие наречия образовались от других частей речи так давно, что нам теперь представляется уже крайне затруднительным установить их происхождение.

Есть такие, которые возникли из разных падежных форм исчезнувшего ДВОЙСТВЕННОГО числа. Так, например, *ЛІВМЯ льет* — творительный двойственного... Можно указать на другие, образовавшиеся от МЕСТНОГО ПАДЕЖА ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА.

Понятно, вы не сумеете раскрыть их родство, потому что могли никогда не слышать ни об этом числе, ни о таком падеже.

Наконец, живут и отлично работают в современном нашем языке наречия, которые образовались в столь глухой древности, что даже ученые затрудняются порою определить без сложных разысканий, из ка-

ких (чаще всего «местоименных») форм они тогда сложились. К ним относятся, например, такие, как всем нам отлично знакомые *тогда*, *куда*, *всюду* и тому подобные.

В то же время надо признать, что эта древняя часть речи — НАРЕЧИЕ — сохраняет в себе живость и силу молодого создания. Наречий не только очень много в нашем языке, они неустанно возникают опять и заново.

Те наречия, с которыми мы имели дело до сих пор, рисуют нам действие, состояние или признак, указывая на то или другое его **качество**:

Сердиться ГЛУПО. Кипит ЖАРКО. Быть добрым — ХОРОШО.

Понятно, что такие наречия и названы КАЧЕСТВЕННЫМИ. Но рядом с ними можно указать очень много наречий несколько иного характера, с некоторыми из них мы тоже уже встретились.

Я сижу ДОМА.

Полагаю, что наречие *дома* указывает здесь не на КАЧЕСТВО глагола *сидеть*, а, так сказать, на обстоятельство, в которых происходит это самое **сидение**: ГДЕ именно я сижу? Не на дворе, а — ДОМА.

Примеров можно привести уйму:

«Господи», — СПРОСОНОК прошептал ямицик...

К. Бальмонт.

«Месяца не видно...»

или:

*Три девицы под окном
Пряли ПОЗДНО ВЕЧЕРКОМ.*

А. Пушкин.
Сказка о царе Салтане...

или:

*Коль ругнуть, так СГОРЯЧА,
Коль рубнуть, так уж СПЛЕЧА.*

А.К. Толстой.
«Коль любить,
так без рассудку...»

Понятно, что ни в одном из этих стихотворений наречия не указывают на КАЧЕСТВА ДЕЙСТВИЯ, а скорее на обстоятельства, при которых действия совершаются. Неизвестно, громко или тихо *прошептал ямщик*, но известно, что он сделал это «едва проснувшись»... Неважно, хорошо или плохо ПРЯЛИ *три девицы*, мы знаем только, что это происходило *вечерком*. Даже выразительные глаголы Алексея Толстого определены не по своему существу — *крепко ругнуть*, *злобно рубнуть*, — а по тем обстоятельствам, которые эти действия сопровождали: *сгоряча* можно было бы заменить словом *в сердцах* или *рассердившись*, вместо *сплеча* сказать *широко размахнувшись*... Понятно, почему такие наречия получили название ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ.

На эти два класса — КАЧЕСТВЕННЫХ и ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ — и делятся наши наречия.

Я сказал несколько раньше, что число наречий растет и сейчас. В этом нет надобности особенно старательно убеждать читателей. Вот я беру в руки «Словарь-справочник. Новые слова и значения» и начинаю просматривать его, одновременно копаясь в тех записях, которые я все время веду, слыша живую речь своих современников.

Вот я нахожу слово *бадминтонный* и тотчас же извлекаю карточку, на которой записано: БАДМИНТОННО — наречие, и приведена подслушанная фраза: *Да ты пойми же: ты ракеткой не БАДМИНТОННО бьешь, а как-то ПО-ПИНГПОНГОВОМУ*. На этой карточке «заголовочным словом» является *бадминтонно*, но есть другая, где выделено второе новое наречие — *по-пингпонговому*. А чем, собственно, это наречие хуже, чем *по-стрелковому*, или *по-пехотному*, или, скажем, *по-золотопромышленнически*.

Листаю дальше. Нахожу прилагательное *бездефектный* и понимаю совершенно ясно, что от него можно произвести наречие *бездефектно*. От *безотвальный* (это о пашне) вполне возможно наречие *безотвально*.

Однажды мне довелось услышать возмущенную реплику какого-то юнца на довольно глупый рассказ его товарища, для чего-то с хохотом сообщавшего, как он, сломав на взморье весло лодки, бросил ее посреди не вод, а сам вернулся на берег вплавь: *Ну, брат! Вот уж это — п р о т е з н о поступлено!*

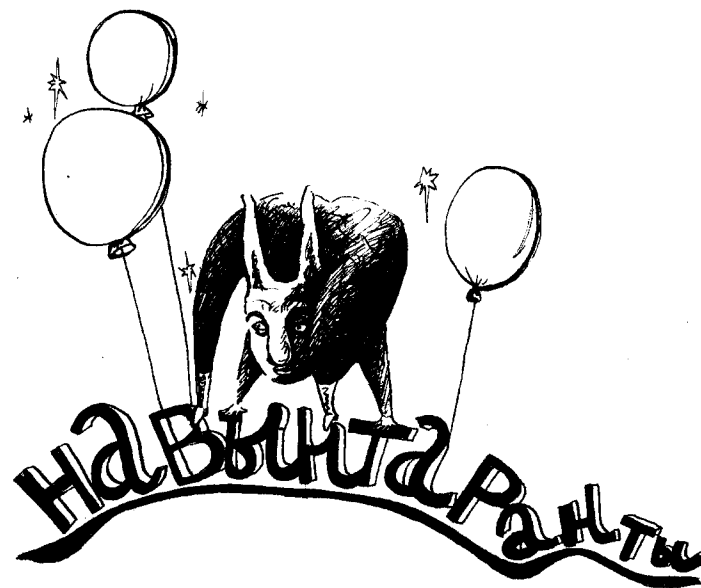
Я не берусь особенно расхваливать этот пример словотворчества, но, во всяком случае, наречие совершенно новое было создано у меня «на слуху».

В значительной мере возможности создания новых наречий расширяются — как тем, что они могут производиться от самых разных частей речи, так и тем, что ничто не мешает образовывать их не от одного слова, а от словосочетаний, порою довольно сложных.

В учебниках вы, конечно, прочтете совершенно бесспорное утверждение, что перед наречиями никогда не бывает ПРЕДЛОГОВ. Слыша такие наречия, как *вскоре*, *спросонок*, *наяву*, вам не приходится задумываться, не следует ли их писать *вскоре* или *спросонок*, потому что ни слова *скоре*, ни слова *просонок* вы не знаете. Однако совершенно ясно, что наречия эти образовались некогда именно из сочетания значимых слов со служебными, в частности — с предлогами. Только уже очень давно те и другие слились в нерасторжимое целое.

Поискав, можно обнаружить среди других наших наречий и несравненно более сложные по составу, только они, чаще всего, существуют в народных говорах и в литературный язык не проникают, если не считать двух-трех вроде *позавчера* или *послепослезавтра*. Такие же наречия, как *онамедни*, произведенное из древнерусского *онѣмь дѣни*, которое было как раз местным падежом единственного числа, или *наперекосях*, вы если и раскопаете где-нибудь, так разве в самой дальней «глубинке», в устах какого-нибудь заматерелого дедки или его ровесницы... Хорошее наречие разыскал я, впрочем, в знаменитом «Толковом словаре» В.И. Даля: *навынтарты*

(или *навонтараты*), что означает либо *задом наперед*, либо *верхом вниз*. Впрочем, ведь и вполне литературное *шиворот-навыворот* тоже является совершенно закономерным наречием: Копаясь в разных словарях и справочниках, можно обнаружить, что кое-где на Руси существует и более простое наречие *вонтарат* или *вынтарат*, а из него, уже с добавлением приставки *на-*, получилось и *навынтарты*.

БЕДНЫЕ, ЛИШЕННЫЕ ЗВАНИЯ

Рассматривая разные части речи и члены предложения, мы с вами пропустили некоторые любопытные разряды слов.

С одной стороны, мы ничего не говорили о так называемых СОЮЗАХ, то есть о таких словах, как *а, и, или, да, но, чтобы* или сложные составные — *так как, потому что, несмотря на то что* и им подобные.

Я не касался их потому, что главная задача и роль СОЮЗОВ — соединять между собою отдельные части СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Мы не занимались тут сложными предложениями да и вообще старались по возможности избегать тех вопросов, которыми озабочена часть грамматики, хитроумно именуемая «синтаксис» (по-гречески это значит просто «построение в порядке»); им надо посвятить отдельную книгу. Прав-

да, кое-каких, самых простеньких вопросов синтаксиса мы касались, но ими лучше пока и ограничиться.

Одним словом, СОЮЗЫ остались за бортом наших рассуждений по своей особой ВАЖНОСТИ, как весьма сановитая часть речи и член предложения.

Но есть в грамматике, так сказать, «мелкие людишки», бесчиновная публика, которых я не хочу оставить без внимания.

Их «бесчиновность» выражается в том, что они, как говорится, «не имеют самостоятельного значения» и, попадая в предложения, «не могут в нем играть роль членов предложения». Обидно ведь, не правда ли?

Однако, как это часто и вообще случается в мире, без этой словесной мелкоты настоящая речь существовать не может. А в ряде случаев как раз такие «почти что и не слова» придают ей очень существенное свойство — выразительность, яркость. Первыми я назову среди них...

ЧАСТИЦЫ

Частицы бывают очень похожими на НАРЕЧИЯ, так что их иногда нелегко и различить. Но различие есть. Наречия, как мы уже видели, указывают нам на то или другое качество — иногда действия (а бывает, и качество другого качества: скажем, *ЧРЕЗВЫЧАЙНО* нужно); иногда они как бы описывают обстоятельства, в которых действие совершается (*Ищу-ищу ВПОТЬМАХ — ничего не нахожу!*). Частицы же передают нам ОТНОШЕНИЕ того, кто говорит (или пишет), к тому, о чем или о ком он рассказывает.

Он сутки замертво лежал и ВРЯД ЛИ оправится.

А. Пушкин.

Скупой рыцарь

Ведь *вряд ли* — тут просто предположение рассказчика. Иногда частица даже как бы передает жест гово-

рящего, который и придает словам большую выразительность:

Чего ты ждешь? — «Да жду ВОН этой тучки...» —

так отвечает Балда на вопрос чертенка, и это *вон* словно бы указывает на далекое облачко его, Балдиным, пальцем: *Во-он!*

Надо прямо сказать, что частиц на свете множество, и по своим значениям и по роли в предложении они бывают чрезвычайно различными.

Одни из них придают словам разные у т о ч н я ю щ и е их смысл оттенки:

Но был ЛИ счастлив мой Евгений?

А. Пушкин.

Евгений Онегин

Другие придают предложению или его членам у к а з а т е л ь н о е значение, как в примере с Балдой.

Третьи у т о ч н я ю т смысл слов в предложении:

Старушка (я стократ видал ТОЧЬ-В-ТОЧЬ

В картинах Рембрандта такие лица)

Носила чепчик и очки...

А. Пушкин.

Домик в Коломне

Есть такие частицы, которые в ы д е л я ю т (и ограничивают) значение слова, к которому они относятся:

*И слышно в тишине степной
ЛИШЬ лай собак да ко́ней ржанье.*

А. Пушкин.
Цыганы

Есть у с и л и в а ю щ и е выразительность речи, подчеркивая смысл либо одного из слов предложения, либо всего предложения: таковы частицы *даже, и, уж, уже* и прочие.

*УЖ сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна...*

И. Крылов.
Ворона и Лисица

Есть показывающие на ж е л а т е л ь н о с т ь того или другого действия или поступка:

Поди-КА нацеди, голубушка, вина...

Колбаска добрая была БЫ мне нужна...

Ш. Перро.
Смешные желания

и многие, очень многие другие их виды.

Но стоит сказать, что случается и на улице этих бесправных словечек праздник, когда то та, то другая из них принимает на себя значение ЦЕЛОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Чаще всего это им удается в д и а л о г а х, то есть там, где речь состоит из того, что говорят друг другу два, если не больше, человека.

Я завтра вылетаю! — говорит один. Уже? — восклицает другой, и частица уже принимает здесь на себя значение целого длинного предложения: *Как? Уже наступило время для твоего отлета?*

*Д о н Г у а н. Отопри...
Л а у р а. УЖЕЛИ!.. БОЖЕ!..*

А. Пушкин.
Каменный гость

И здесь Лаура, узнав страшного посетителя, все свои чувства вкладывает в одни частицы, которые сразу же начинают обозначать: «Может ли быть это — он?» Как видите, на первый взгляд ничтожное по своему значению словцо, жалкая — даже не часть речи — частица! — внезапно попадает «из грязи в князи», получает значение не какого-либо члена предложения, а всего предложения от начала и до конца:

*Пришел к дьяку больной; говорит: «Ой, ой, ой,
Дьяче!*

*Очень больно нутру, а уж вот поутру
Паче!!*

*И не лечь, и не сесть, и не можно мне съестъ
Столько!»*

*«Вишь дурак! — сказал дьяк, — ну, не ешь натошак,
ТОЛЬКО!»*

А.К. Толстой.
«У приказных ворот...»

Вот и вдумайтесь в эту *ч а с т и ц у*, в это *только*. Его можно развернуть на любую длину. Оно может обозначать и «только и всего». Оно может значить также «вот и все, что тебе надлежит (или «остается») делать, чтобы не испытывать несносных болей». Можно добавить к этим рассуждениям и еще немало: все это язык сумел уложить в одну-единственную *ч а с т и ц у*, в самое, казалось бы, «презренное» из слов, образующих предложение.

АХИ-ОХИ

Нет, прямо скажу, я неудачно выбрал заголовок. Слова, в него вошедшие, стоят не в том своем качестве, о котором я вознамерился повести речь. ЗДЕСЬ они имеют смысл имен существительных: если вам вздумается, вы можете их с полным правом склонять:

Не терплю этих (*ч е г о?*) АХОВ, ОХОВ!

Надоела она мне своими (*ч е м?*) АХАМИ-ОХАМИ!

Вашим (*ч е м у?*) АХАМ и ОХАМ я обязан бессонницей!

Совсем другое, когда они же встречаются в своей обычной роли:

*Но вдруг сугроб зашевелился,
И кто ж из-под него явился?
Большой, взъерошенный медведь;
Татьяна АХ! — а он реветь...*

А. Пушкин.
Евгений Онегин

Вот про это *ах!* уж никак не спросишь: «ч т о?». Это не имя, не существительное. Это — простое восклицание или, если назвать его грамматическим термином, МЕЖДОМЕТИЕ.

МЕЖДОМЕТИЕ? Да, это такое старинное слово, которое можно пересказать как «брошенное между» — довольно точный перевод такого же латинского грамматического определения: *Interjectio* [интэрьё́кцио]. [Интер] — в Древнем Риме означало «между», [йеци] — «я бросил, метнул»; вот вам и м е ж д о м е т и е!

В грамматиках пишут: «Междометие внешне чаще всего выглядит как короткий выкрик или звукоподражание: *э-гой!* или *фью-тю-тю!*» Надо признать, что иногда оно может произвести довольно сильное впечатление.

«О-гой!» — слышался в это время тот неподражаемый охотничий подклик, который соединяет в себе и самый глубокий бас и самый тонкий тенор, и из-за угла вышел доезжачий и ловчий Данило...

Л. Толстой.

Война и мир

Вот это самое «неподражаемое» *О-гой!* с точки зрения грамматиков как раз и есть обыкновеннейшее междометие.

Междометий очень много, впрочем, возможно, и поменьше, чем ЧАСТИЦ. Хотя обычно указывают, что они, междометия, не способны ничего называть, как, скажем, имя существительное называет предмет или существо; хотя поэтому их даже обычно

не склонны считать и настоящими словами, а только лишь «речевыми знаками» (такие знаки-де могут, не называя их, прямо передать чувства и желания говорящего); хотя при этом указывают, что междометия характерны скорее для разговорной, устной, народной речи, — но все-таки признается, что в некоторых случаях те или другие из них способны выступать даже в роли СКАЗУЕМОГО — вот как в пушкинском: *Татьяна ах!* — а раз уж это так, то их и подразделяют на целый ряд групп или типов как по происхождению, так и по значению.

ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ их делят на два главных разряда:

ПЕРВИЧНЫЕ (это как в мире животных — самые древние, дольше всего живущие на земле существа: крокодилы, черепахи, тараканы) и

ПРОИЗВОДНЫЕ (их можно уподобить породам домашних животных: собаки сенбернары, птицы — кувыркающиеся голуби турманы, кони — начиная от гигантов битюгов и до крошечных пони, которых можно носить на руках, как собачонок).

Что до междометий ПЕРВИЧНЫХ, то невозможно или почти никогда невозможно указать на другие слова, от которых бы они родились. *О! А! Ау! О-гой!* — кричали при соответствующих обстоятельствах наверняка наши косматые предки еще в каменном веке или чуть попозже.

Вот ПРОИЗВОДНЫЕ междометия всегда бывают связаны по происхождению с каким-либо, как говорится, знаменательным словом: они возникают из как бы окостеневших глаголов (*Хватъ!*, *Стой!*, *Пли!*); из

наречий (*Полно! Ладно!*), из разных форм имен существительных (*Господи!, Караул!, Горе!*), а бывает, даже из целых словосочетаний, слившихся в единое слово и потерявших первоначальную форму свою: солдатское *здра-жла!* из *здравия желаю*; наше общее *спасибо* из *спаси (тебя) Бог...*

Очень любопытно, что сочетания слов иногда, не сливаясь воедино, в том виде, как они и до того звучали, превращаются в выражения, имеющие смысл и характер МЕЖДОМЕТИЙ:

«ВОТ ТАК ФУНТ! И та ревет и эта ревет...»

Д. Мамин-Сибиряк.
Городская сестра

*«ВОТ ТАК КЛЮКВА! — подумал Посудин. —
Откуда ты знаешь, что я...?»*

А. Чехов

Иногда вы будете долго размышлять, откуда взялось то или другое междометие, и отнесете его к «первичным», а окажется, что оно просто взято нами «напрокат» из чужих языков: *Алло!* — из английского, *Караул!* — из тюркских языков, *Ура!* — из татарского, где это слово значит «бей, рази!».

Звук о п о д р а ж а т е л ь н ы х м е ж д о м е т и й очень много, да они и образуются едва ли не легче и чаще других. Я сам наблюдал такое рождение междометия. Группа крестьян-псковичей шла по мосту через реку Великую. Сильным ветром у одного из них сорвало с головы шапку, и она утонула в воде.

Хозяин шапки первые мгновения еще надеялся достать ее шестом с берега. Его брат, махнув рукой, заявил: *Не! КУ-КУ! И не рýтайся!.. Кýрнула, Лешенька, твоя шапка!* Все мы, окружавшие, впервые услышали такое междометие, но все как один правильно поняли его огорчительный смысл: «Ку-ку! Очень плохо!»

Можно сказать, что все мы начинали изучение языка с междометий, потому что именно звукоподражательными междометиями являются такие «детские» словечки, как *бай-бай, тю-тю, ням-ням* и пр.

Можно рассортировать междометия и иначе: по их ЗНАЧЕНИЮ. Вероятно, больше всего из них таких, задачей которых является передавать другим людям чувства и настроение говорящего.

*Заинька под елочкой попрыгивает,
Лапочка об лапочку постукивает:
«Экие морозцы, ПРОСТИ ГОСПОДИ, стоят:
Лапочки от холода совсем светло!»*

Вот и в упомянутом мною:

«ГОСПОДИ», — спросонок прошептал ямищик... —

спросонок, как мы видели, — наречие, а вот *господи!* — междометие, происходящее от имени существительного *Господь**.

Есть МЕЖДОМЕТИЯ, несколько отличающиеся от тех, что мы видели: их цель — не столько передать

* Значит же оно только: «о-хо-хо!», ничего другого!

то, что чувствует говорящий, сколько обрисовать как можно красочней обстановку, его окружающую, или его общее состояние: *Дудки!*, *Довольно!*, *Шабаш!*, *Капут!*

Постоянно при помощи междометий человек старается дать оценку своей собственной речи, убедить других в своей правоте:

Ушица — ЕЙ-ЖЕ-ЕЙ — на славу сварена!

Твоя чухончка, ЕЙ-ЕЙ, гречанок Байрона милей.

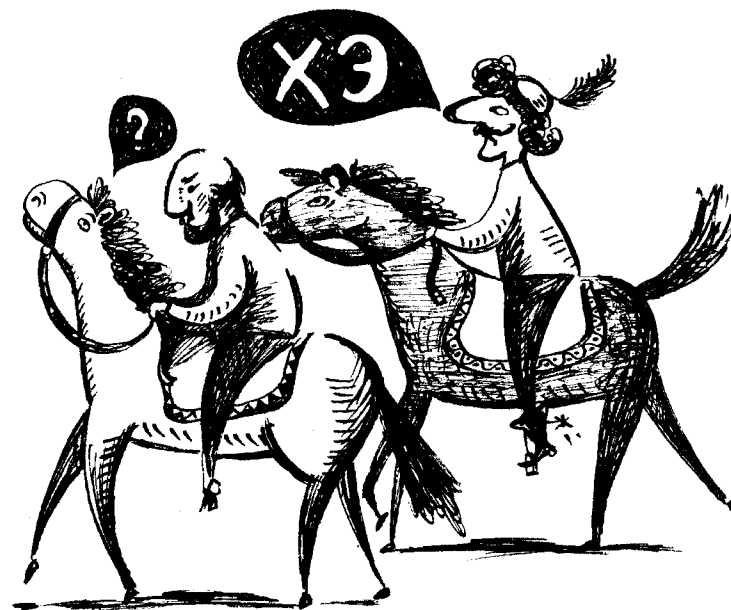
Наконец, особый, можно сказать, ВТОРОЙ большой РАЗРЯД этих слов составляют такие, которые выражают призыв, приказание, которые могут быть обращены не только к другому человеку или людям, но и к животным.

Людям мы кричим: *Эй! Давай!* — дополняя призыв словесным жестом: мол, сюда, сюда!

Животным мы приказываем и к ним обращаемся по-разному, причем любопытно, что междометия призыва или приказания зависят от породы домашнего животного. Всего удивительней, что животные ведут себя так, что можно заподозрить, будто именно они научили людей, как с ними надо разговаривать.

Вот, например, в Псковской области, чтобы позвать к себе свинью, ей приговаривают: *Дю́ха, дю́ха, дю́ха!* — а после того как она успела надоесть хозяину или начала «шкодить» — на нее же кричат: *Ксы! Ксы!* — и, как ни странно, она уходит... Чтобы к вам внимательно отнеслась корова, ей надо посылать призыв: *Тпрё, тпрё, тпрё!* Но вы обидите лошадь, обратившись к ней с этим приветствием, лошади полагается

говорить: *тпрсё, тпрсё, тпрсё!* Конечно, не будем утверждать всерьез, что эти слова являются словами коровьего или лошадиного языка. Нет, это все — междометия нашего русского языка. Хотите доказательства? Пожалуйста: если вы, на быстром ее бегу, натянув вожжи, закричите лошади во Франции наше *тпррру!*, вам придется скоро от этого приема отказаться. Французским лошадям ваше *тпру!* ничего не говорит. Вы помчитесь не останавливаясь. По-французски *тпру* будет *хэ!* И это *хэ* — тоже, разумеется, междометие, только французское. Нашего *тпру!* лошадь-французенка не понимает.

СЛОВО — НЕ ВОРОБЕЙ

Теперь мы поговорим о самѣх словах! Не о существительных, прилагательных, глаголах, наречиях, частицах, а о «словах вообще». Потому что, если трудно оспаривать утверждение поговорки: «слово — не воробей», то с таким же успехом можно было бы заявить: «слово — не орел», «слово — не павлин», «слово — не лев, не тигр, не слон». Слово — это слово. Или, еще иначе говоря: слово — это одно из самых необыкновенных чудес, какие мы можем наблюдать в мире.

Какое слово? Да, в конце концов, любое: и устное и письменное, потому что, различаясь в отдельных своих свойствах, они в главном чрезвычайно близки друг к другу.

Вот в учебнике говорится: «Каждое слово что-нибудь обозначает, то есть имеет ЛЕКСИЧЕСКОЕ значение. Это значение указывается в толковых словарях».

Да, тут все совершенно точно. Раскрываю «Толковый словарь русского языка» в 4-х томах, изданный

Академией наук СССР в 1957 году, наугад и пальцем упираюсь в слово *нутрия*. Очень может быть, что вы впервые слышите его. Но здесь дано его лексическое значение: «Животное отряда грызунов с ценным мехом коричневого цвета, ведущее водный образ жизни; а также мех этого животного».

Я бы сказал, что мне не слишком нравится такое «указание», потому что, собственно, здесь говорится о двух словах, одинаково звучащих: *нутрия* — зверушка — это одно слово; *нутрия* — шкурка, из которой можно сшить шапку, — второе слово. Но сейчас мне любопытно не это.

Вот я пишу короткий столбик, даже два таких столбика:

ПАПА	СКАКАТЬ
МАШИНА	НЕДУРНО
АРБУЗ	ОКОЛО
СОУС	ТЮ-ТЮ

Если я теперь спрошу вас, к какому из этих двух столбиков вы скорее припишете слово *нутрия*, вы, вероятно, уверенно скажете: к левому. А почему? По той простой причине, что хотя в нем находятся четыре слова, значения которых ничем не похожи одно на другое, между ними всеми есть ОБЩЕЕ: это все ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ. (И *нутрия* — тоже.)

Кроме своего «предметного» значения — «пушной зверек», слово *нутрия* о з н а ч а е т (то есть позволяет нам узнать о себе) и еще что-то другое — свою принадлежность к определенному РАЗРЯДУ СЛОВ, к СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ.

Возьму еще два столбика:

МИКРОБ
БРОНТОЗАВР
ПЕТУХ
ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

РОЯЛЬ
БРОНЕПОЕЗД
ПАУТИНА
ЗОЛОТО

НЕГОДЯЙ
БРЕВНО
ЭЛЕКТРОВОЗ

МАЛЕНЬКИЙ
ГОЛУБЧИК
ПЕТЕЛЬКА

Куда вы отнесете нашу *нутрию*? Ведь в обоих столбиках — имена существительные. Мы снова припишем ее к ЛЕВОЙ колонке. На каком основании? Потому что в ней упомянуты четыре существительных одушевленных, называющих живые существа. В правом же столбце сосредоточены «неживые предметы».

Сказав одно только слово *нутрия*, мы уже показали каждому говорящему по-русски, что имеем в виду живое существо. И если бы это было не слово *нутрия*, а, скажем, слово мужского рода *бобр*, мы сразу же сообразили бы, что в винительном падеже оно даст форму *бобр-а*, а не *боб-р*.

Еще один «поворот»:

БУМАГА
ШВЕЯ
ЛАСТОЧКА
ДЫНЯ

ДНЕВНИК
ПОРТНОЙ
ПАВЛИН
АПЕЛЬСИН

Куда пристроить *нутрию*? Ни там, ни там — ничего на нее похожего. И там и тут — вещь, человек, птица, фрукт. Но ведь никакого сомнения нет: к левой колонке, к левой! Позвольте, почему? Потому что в этой колонке все слова ЖЕНСКОГО РОДА, а в правой — мужского. А *нутрия* — слово ЖЕНСКОГО РОДА.

Ну и, пожалуй, последнее:

ДОМ

КОШЕЧКА

Пожалуй, это — посложнее остального. Но и тут, поразмыслив, вы остановитесь опять-таки на ЛЕВОМ списочке. Чем же *дом* или *негодяй* более похожи на *нутрию*, чем *кошечка*? В жизни — ничем! Скорее даже — наоборот. А вот для языка у *нутрии*, *дома*, *негодяя*, *бревна* и *электровоза* есть то сходство, что ни одно из этих слов не стоит в нашем перечне в уменьшительной форме. С этой стороны *нутрия* куда более смахивает на *электровоз*, чем на *кошечку* и на *голубчика*.

Для чего я вам все это рассказывал? Для того только, чтобы вы ощутили раз навсегда, какое удивительно сложное явление наше обычное СЛОВО, то, которое — НЕ ВОРОБЕЙ. Но которое хотя и называет предмет, ничего общего с *воробьем* не имеющий, — если рассматривать его с точки зрения науки о языке, в некоторых отношениях может быть отнесено в одну группу с этой птицей. Оно, несомненно, называет, как и *воробей*, тоже не действие, не качество, а ПРЕДМЕТ. Оно отвечает на вопрос «кто? что?», а не на вопрос «что делать?» или «какая? какой?». В ЭТОМ СМЫСЛЕ между СЛОВОМ и ВОРОБЬЕМ есть общее. Они — существительные. Я только очень прошу вас как следует понять, что сейчас мы разговариваем никак не о том, что наблюдаем в самом большом мире вещей, существ, свойств и действий, а о видимом и слышимом в мире все это называющих слов. Это важно понять.

ДОМ, стоящий перед вами, так же не похож на МУХУ, как ДОМИК на углу не напоминает ползущую по его стенке МУШКУ.

Но доведись нам расставлять эти существительные по столбцам, мы бы непременно поместили домик и мушку в колонку «уменьшительных» слов, а дом и муху соединили бы в другом перечне. Конечно, это одно из чудесных свойств человеческого слова. Но не самое чудесное... Если хотите, еще сильнее поражает меня в нем вот что.

Возьмем слово *дом*. Я живу на набережной Невы в старинном трехэтажном ленинградском ДОМЕ. Несомненно, некоторые из вас получили не так давно квартиры в одном из новых — бетон и стекло! — десяти-, а то и двадцатипятиэтажных гигантских небоскребов. Они очень мало похожи на мой невысокий ДОМ над Невой. Но каждый из вас, как и я, называет свой ДОМ — ДОМОМ.

Есть известное стихотворение дореволюционного крестьянина-поэта Ивана Сурикова.

Вот моя деревня, вот мой ДОМ родной.

«Родным домом» Сурикова могла быть, конечно, только низенькая, приземистая деревянная ИЗБУШКА, от силы — на две, а то и в одну комнату с сенями. Но, как видите, ее он тоже называл ДОМОМ и был, конечно, прав: эта хатка в два-три окошечка, разумеется, и была его ДОМОМ — жильем.

В «Евгении Онегине» А. Пушкина мы читаем описание веселящегося дворянского Петербурга:

*Перед померкшими ДОМАМИ
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет
И радуги на снег наводят;
Усеян плошками кругом,
Блестит великолепный ДОМ;
По цельным окнам тени ходят,
Мелькают профили голов
И дам и модных чудаков...*

Я хорошо знаю ДОМ, описанный здесь Пушкиным: я живу как раз недалеко от него, на той же набережной. Но даже и мне нелегко в о о б р а з и т ь е г о с е б е таким, каким он был во дни «Онегина» и Пушкина.

А теперь представьте себе на минутку, что у нас, людей, не было бы языка и слов и нам приходилось бы сообщаться друг с другом при помощи множества рисунков, показываемых подряд, как в мультфильмах. Так вот, вы бы захотели передать кому-нибудь простую мысль: *Я вижу ДОМ*. Каким бы вы тогда этот дом нарисовали? Похожим на тот, в котором вы сами живете? Или на тот, в котором жил поэт Суриков? Или на один из домов, высящихся в Москве на проспекте Калинина (ныне улица Новый Арбат. — *Прим. ред.*)? Или на пушкинский дом с цельными стеклами в окнах и с «плошками» по фасаду?

Вам бы наверняка не удалось изобразить НЕЧТО СРЕДНЕЕ ИЗО ВСЕХ ЭТИХ ДОМОВ: как же может быть «среднее» между небоскребом и избушкой?

А если бы вы при этом вспомнили еще строчки из басни И. Крылова «Стрекоза и Муравей»:

*Где под каждым ей листком
Был готов и стол и ДОМ,*

или если бы вам вдруг пришли в голову печальные строки известного романса на слова поэта Ивана Козлова «Вечерний звон», которые звучат так:

*Вечерний звон в краю родном,
Где я любил, где отчий ДОМ,*

то вы бы согласились, что никакой возможности собрать все эти различные не только о б р а з ы, но и з н а ч е н и я слова *дом* в одно представление просто невозможно.

А вместе с тем как это удобно и легко в слове: вы говорите *дом*, и в эти три звука без возражений укладываются и крошечный домишко Сурикова, мимо которого он мчался, мальчуганом, на салазках, и вельможный дом пушкинского Петербурга, «кругом усеянный плошками», то есть масляными светильниками, и те, уже не имеющие никакого зримого образа *дома*, о которых говорят в своих, таких разных, произведениях Крылов и Козлов.

Вообразите, как трудно было бы, если бы каждый раз, желая передать что-либо о *доме* или о *воде*, мы с вами должны были бы обязательно уточнять о них все:

Я хотел бы построить где-нибудь в дачной местности двухэтажный, с железной крышей, окрашенный

в красноватую краску, бревенчатый, среднего размера, немного старомодного вида — дом.

Зачем все эти точности, если вашему собеседнику решительно безразлично, какова будет крыша на вашем доме и сколько в нем этажей? Или наоборот: вы бы все равно не рассказали ему про свое будущее жилище все: ведь каждый предмет, даже спичечный коробок, имеет столько свойств и особенностей, что о всех упомянуть просто немыслимо. Вас могли бы спросить: «Э, дружок! А сколько в этом доме будет окон? А по сколько звеньешек стекла в каждом окне? А ручки на дверях медные или чугунные? А куда он будет обращен фасадом — на юг или на запад?» — без конца... А в то же время вам совершенно достаточно сказать просто: *Хочу построить ДОМ* — и этим все самое главное будет выражено. Еще любопытней, пожалуй, со словом *вода*. Нет почти ничего общего между темно-синей водой Черного моря; пенистой, шумной водой ручья, сбегającego с вашей любимой сопочки возле вашей деревни весной; той водой, которая колышется в ведре, когда вы несете ее на коромысле от колодца до вашей дачи; той шипучей водой, какую продают в киоске с вывеской «СОКИ — ВОДЫ», и дистиллированной водой химиков, каковая не имеет ни вкуса, ни запаха и про которую известно только, что она «аш два О», то есть состоит из водорода и кислорода, смешанных в определенной пропорции. Это все еще — буквальные значения слова *вода*. Но вот писал же А.П. Чехов про сочинения одного литератора, г-на Г.: «Скоро пришлю Г-ГО, который мне нравится... места; кроме этих... местечек, все остальное — в о д а, в о д а и в о д а!» (то есть бессодержательная болтовня).

Вот теперь и задумайтесь над тем, как было бы нам с вами разговаривать друг с другом, если бы мы не умели произносить слова, но взамен этого получили бы способность все, о чем подумаем, отбрасывать в виде картин на любой экран, хоть на стену? Какую картину отбросили бы вы на этот экран, задумав высказать такую простейшую мысль: *Вода играет очень большую роль в мире?* В каком виде получилась бы в этой картине *вода*? В виде бутылки нарзана? А вдруг это так и поняли бы: «Н а р з а н играет роль»? В виде струи, текущей из крана? А может быть, из крана течет не вода, а керосин? Просто в виде стакана, в котором налита прозрачная жидкость? Но как узнал бы ваш «собеседник», что в стакане именно вода, а не соляная кислота? Не уксус? Всего этого было бы, с одной стороны, слишком много, с другой — слишком мало. А теперь вы ПОПРОСТУ говорите В-О-Д-А, и всем все становится ясно. Все понимают, что вы думаете о ВСЯКОЙ ВОДЕ — сразу и о морской и о родниковой, о минеральной и дистиллированной, о сырой и кипяченой, о чистой и о засоренной, о текущей в реках и о льющейся с неба дождем.

Все множество слов, из которых состоит язык, называется греческим термином ЛЕКСИКА; он происходит от греческого же слова [лэ́ксис], а оно как раз и значит *слово*. Слова, собранные вместе, напечатанные в азбучном порядке в книгах, носят название *лексико́нов*, а те главные, основные значения, которые мы в них находим, именуются *лексическими*.

Лексическое значение слова *солнце* будет: «дневное светило».

Лексическое значение слова *хлеб* будет: «выпеченный из ржаного или пшеничного теста пищевой продукт».

Можно спросить: а что, кроме этих значений, прямых или переносных (мы говорим *солнце* о солнечной погоде, так же как *хлеб* — о всякой пище вообще: *Что сегодня — дождь или солнце?* или *У него зарплата и на хлеб не хватает!*), есть и еще какие-нибудь другие?

А вот подумайте сами. Я сказал слово *солнце*. Конечно, это все равно что я сказал бы: «центральное светило нашей планетной системы». Но ведь, кроме этого, услышав его из моих уст, вы сразу же сможете сказать, что я произнес ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ. Что оно представляет собою существительное СРЕДНЕГО РОДА. Что оно взято мною либо в ИМЕНИТЕЛЬНОМ, либо в ВИНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ. Что оно стоит у меня в ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ. Произнеси я слово *светит*, вы бы, помимо его ЛЕКСИЧЕСКОГО значения «испускает лучи света», указали бы, что это слово — ГЛАГОЛ, что оно здесь фигурирует в ТРЕТЬЕМ ЛИЦЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ, а все это — тоже ЗНАЧЕНИЯ слов, но уже не лексические, а г р а м м а т и ч е с к и е.

Тому, кто хочет по-серьезному изучить язык — свой или чужой, несущественно, — необходимо тщательно ознакомиться с его словарями, лексиконами.

Человек неосведомленный считает, что словари — ВСЕ НА ОДИН ВИД И ЛАД. На самом деле видов словарей очень много, и далеко не при каждой надобности можно пользоваться любым из них: Возьмем опять то же с л о в о *солнце*. Что вы хотите о нем узнать? Точ-

нее, хотите ли узнать, что значит слово *солнце* или что представляет собою *н е б е с н о е т е л о*, которое мы так называем, *солнце*? Если второе — вам надо взять ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ, который правильнее было бы звать не «словарем», а «вещарем», что ли. Там вы узнаете все про «вещи»: каков диаметр Солнца, на каком расстоянии оно находится от Земли, высока ли температура в центре светила и на его поверхности. Узнаете вы, что одна из газовых оболочек Солнца именуется «фотосферой», другая — «хромосферой», причем свойства их различны. Но в этом словаре не будет ни слова сказано, существительное ли слово *солнце* или это наречие, какого оно рода и пр. Не сказано будет там и другое: откуда *в з я л о с ь* такое слово СОЛНЦЕ, почему мы называем его именно так, а не как-либо иначе!

Если вас интересует *солнце* именно как СЛОВО, следует взять так называемый ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. Тут вы узнаете, что *солнцем* именуется гигантский раскаленный шар, являющийся центральным небесным телом нашей планетной системы, это раз. Кроме того, так: *солнцем* мы называем свет и тепло, излучаемые этим «шаром». Вы встретите здесь выражение: *греться на солнце*, а ведь значение слова *солнце* тут уж совершенно другое. Сравните:

*Светить, —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и СОЛНЦА!*

В. Маяковский.
Необычайное приключение...

или

*Моя прекрасная Людмила,
По СОЛНЦУ бегая с утра,
Устала...*

А. Пушкин.
Руслан и Людмила

В «Толковом словаре» вы найдете указание на то, что словом *солнце* можно назвать и любую другую звезду, вокруг которой вращаются планеты. Вы встретите приведенные тут постоянные словосочетания: *до солнца* — то есть «до солнечного восхода»; *по солнцу* — «определяя страны света по положению солнца над головой» и так далее.

Можете взять более редко встречающийся словарь — ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ. Из него вы почерпнете сведения о происхождении слова *солнце* в русском языке, узнаете, что корень *сол-* является общим для большинства языков европейских народов, что по-французски *солнце* — *soleil* [солей], по-испански — *sol* [соль], как и по-итальянски (и как когда-то было по-латыни). Вам сообщат, что древнерусское *солныце* было уже уменьшительным к слову *солнь* и означало нечто вроде нашего *солнышко* (я уже говорил об этом по другому поводу).

Вам может понадобиться и словарь третьего рода — ДВУЯЗЫЧНЫЙ, например русско-японский. Вы читаете в нем, что по-японски *солнце* будет — 日 [хи].

Существует множество специальных словарей. В «Астрономическом словаре» о небесном теле *Солн-*

це будет рассказано несравненно больше, чем даже в энциклопедическом словаре, но зато не будет никаких сведений по грамматике этого слова или по тому, в каких других значениях можно его употреблять, скажем, в значении «любимый человек» (как у Пушкина):

*Будь же счастлива, Мэри,
СОЛНЦЕ жизни моей!*

Ничего этого тут вы не найдете.

Существуют «областные» словари, скажем «Словарь псковского языка»; в них ученые тщательно и бережно собирают те слова, которые еще и сегодня можно услышать где-нибудь возле Великих Лук или Порхова. Многие из них вам, русскому человеку, могут быть диковинны на слух. Знаете вы, что значит *абазурник*? А в Псковской области, если вы скажете это слово, каждый вас поймет — *шалопай, баловник, неслух*. Зачем такие слова надо собирать? Областные языки много помогают при изучении истории нашего общерусского языка: в них сохранились древности, которые в литературном языке исчезли уже очень давно. Да и при чтении очень старых грамот порою

бывает невозможно понять значение старинного слова, если не знаешь, что в том или другом местном говоре оно живет и сейчас и означает при этом вот то-то и то-то.

Нам с вами в наших занятиях русским языком чаще всего требуется словарь ТОЛКОВЫЙ. Не следует только думать, что составление таких толковых словарей дело очень простое и легкое. Чрезвычайно трудно объяснить другими словами значение даже самого обыкновенного слова. Я помню, как однажды одна очень ученая дама сама смеялась над собой. Она как раз занималась «словотолкованием» для большого словаря. Ей попалось слово *ходить*. Она днем и ночью думала напряженно о том, какими другими словами выразить значение этого глагола. «Сказать: “двигаться, переступая с ноги на ногу”? Но ведь и бежать — тоже “переступать с ноги на ногу”! Исправить на “неторопливо переступая” — не поможет: ведь часы или пароход “*ходят*”, совершенно не переступая ногами: их у них даже и вовсе нет!» Так, ни на минуту не отряхаясь от этих мыслей, она шла по набережной возле университета и вдруг остановилась как вкопанная. Ей пришло в голову наконец то слово, которое абсолютно точно передавало значение трудного глагола. «Да что я, с ума сошла, — пробормотала она, — это же совсем просто: скажу — ХОДИТЬ, и все станет ясно!» И только секунду спустя она вся вспыхнула: «Додумалась! Глагол *ходить* хочу объяснить словом *ходить*!»

Ум за разум зайдет иной раз у того, кто занят толкованием слов!

Кстати, похожей работой занимаются те, кто составляет кроссворды: им ведь тоже надо описать зна-

чение какого-то слова другими словами так, чтобы читатель мог по этим «другим» словам определить «искомое». Надо сказать, что в журнальных кроссвордах иногда попадаются удачные «толкования», а нередко и совершенно никуда не годные. Скажем, если задано *крепостное укрепление*, то ответ *бастион* показывает, что толкование дано правильно: *бастион* и на самом деле есть один из видов таких укреплений. А вот если задается сочетание слов *свод правил*, а в виде ответа указывается *устав* — это уже очень слабо! Вот я раскрываю абонентную телефонную книжку. Там напечатано: ПРАВИЛА ПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗЬЮ. Они занимают двенадцать страниц убористого текста. Что же, эти двенадцать страниц и можно назвать уставом? Ничего подобного: на седьмой странице имеется внутренний заголовок: «Извлечение из «УСТАВА СВЯЗИ СОЮЗА ССР». Видимо, не всякие ПРАВИЛА суть обязательно УСТАВ. Можно сказать: «Свод правил о проезде в трамваях и автобусах», но навряд ли удачно будет назвать эти *правила уставом*. Гораздо правильней определяет слово *устав* «Толковый словарь»: «правило, установившийся порядок жизни, поведения».

Вдумайтесь, и вы увидите, что это толкование несравненно точнее.

ЖИВОЕ СЛОВО ЛУЧШЕ МЕРТВОЙ БУКВЫ

Такая пословица есть в собрании Владимира Ивановича Даля. Я хочу ее сейчас применить к одному явлению языка.

Слова бывают двух важных разрядов. Главный разряд — «живое слово», это слова, которыми мы друг с другом обмениваемся. Из которых строятся наши речи, и обиходная и художественная. Примеров таким словам и искать нечего: возьмите любое двусишнее или четверостишнее и выберите любое из входящих в него слов:

*Печальная береза
У моего окна,
И прихоть мороза
Разубрана она...*

А. Фет

Почти каждое из входящих в эту строфу слов отличается одним свойством: они НЕОДНОЗНАЧНЫ. Можно сказать и резче: они МНОГОЗНАЧНЫ.

В самом деле: слово *печальный* означает в основном «пребывающий в грустном настроении». Но ведь береза не может ни грустить, ни печалиться. Значит, тут слово *печальный* означает другое: «производящий грустное впечатление»...

И п р и х о т ь ю мороза... Ну, каждый знает, что мороз — это просто температура ниже нуля. Какая же «прихоть» может быть у «температуры»: ведь *прихоть* — это, по словам лексикологов, «капризное, вздорное желание». Нет, сразу видно, что поэт употребил тут слово это в несколько ином значении, чем обычно, и оно это значение спокойно приняло. То же самое можно сказать и про глагол *разубрать*. *Разубрать* значит «украсить»; причем «украсить», имея намерение так поступить. «Разубрать новогоднюю елку» может человек; мороз же неживое и не разумное существо, он может только, подчиняясь законам физики, навесить на ветки дерева иней.

А вот поэт сдвигает немножечко значение обоих слов. Слову *мороз* он придает очеловеченное значение. Еще шаг, и он назвал бы *холод* Дедом. В то же время слову *разубрана* он тоже несколько «подправляет» его обычный смысл: в данном случае оно почти равносильно «стала красивее от инея». И вот, играя таким образом способностью наших обычных слов принимать разные значения, художники слова и строят свою не просто правильную, а правильную и прекрасную речь.

Это очень хорошо, но представьте себе, что возню со словами начинает не поэт, а профессор физики. Или — математик. И вот он говорит:

Теория относительности возникла в начале XX века из потребности обобщить экспериментальные факты, установленные в области электродинамики движущихся тел.

Вот уж тут, в этом его «начале», будет просто ужасно, если окажется, что слово *теория* может иметь также значение «сказка», слово *обобщать* — «признать неверным», а под словами *движущихся тел* можно подразумевать, скажем, «купающихся в пруду мальчишек».

Впрочем, я замахнулся слишком высоко. Просто возьмем любую из аксиом геометрии Евклида. Ее окажется невозможным доказать, если, допустим, *прямая* сможет означать ТАКЖЕ «плоскость», слово *параллельно* можно будет понимать и как «невыгодна», а слово *угол* при желании окажется возможным разуметь как «закоулок».

Нет, в науке недопустимо, чтобы слова имели по нескольку (даже по два) значения каждое. «Научные слова» обязаны быть строго однозначными. И только такие слова имеют право на звание ТЕРМИНОВ.

Я думаю, не надо доказывать, что, пользуясь ТЕРМИНАМИ, так же невозможно создавать всерьез художественные произведения, как, пользуясь МНОГОЗНАЧНЫМИ словами общелитературной речи и отказавшись от терминов, доказывать справедливость тех или других научных гипотез.

Когда-то очень давно, больше шести десятков лет назад, в дореволюционном несерьезном журнале

я прочел несерьезные стихи. Написаны они были от лица некоего фармацевта, работника аптеки:

*Весна наступила форменно:
На улицах — липкая грязь;
Почки пахнут так йодоформенно,
А сирень — как бобковая мазь...*

Сомневаюсь, чтобы вам это четверостишие понравилось. Но что в нем всего нелепее? Конечно, включение в то, что должно было изображать «художественную речь — поэзию», фармакологических ТЕРМИНОВ. *Весна, улицы, почки, пахнут* и даже *грязь* — это все обычные «многозначные» (это свойство может не каждую минуту и не обязательно проявляться в них, но — может). А вот уж *йодоформенно* и *бобковая мазь* могут означать только одно-единственное понятие каждое. Они являются терминами, и в стихотворениях им не место, если только это не юмористические — как это в данном случае и есть — стихи, пусть даже не очень высокого достоинства. *Йодоформ* — пахучий желтый лекарственный порошок, и только; а *бобковой мазью* в начале века еще называлась мазь из лаврового масла. ТЕРМИНЫ эти значат или по крайней мере должны значить только то, что им и надлежит означать. Худо было бы, если бы вы заказали в аптеке *ЙОДОФОРМ*, а вам дали бы *КСЕРОФОРМ*.

СТРОГО говоря, этого не может случиться. И тем не менее границу между терминами и «просто словами» провести не так-то легко.

В самом деле, слово *плюс* — самый настоящий математический термин. У него, по сути дела, одно-един-

ственное математическое значение: «прибавить» такое-то число... Однако язык наш жадно смотрит на каждый появляющийся однокоренный лексический кирпичик и немедленно начинает пытаться приспособить к нему добавочные — переносные значения.

И вот сначала термин этот получит — еще в языке математиков — второе терминологическое значение: «знак положительной величины», а отсюда — пошло-поехало! — он переходит уже и в разряд «просто слов». И уже мы преспокойно говорим: *Нет, у его новой квартиры тоже свои ПЛЮСЫ есть: второй этаж, ванна...* То же самое происходит и со словом *минус*.

Слово *трассирующая* во дни войны относилось только к особым пулям, оставляющим за собой огненный след. Но в те же военные дни я уже слышал, как солдат сердито говорил медицинской сестре, находившей у него простуду: *Ты на меня трассирующие взгляды не бросай!* — играя этим термином, как самым обыкновенным словом: «подозрительные взгляды».

Происходит и обратное. Еще В. Маяковский сочетал слова *луна* и *спутник* только как «просто слова»:

*В небе, вон,
ЛУНА,
такая молодая,
что ее
без СПУТНИКОВ
и выпускать рискованно...*

имея в виду под словом *спутник* — «сопровождающего», «няньку», «охрану». Это было писано в 1924 году. А теперь мы говорим о *спутниках* не только Луны, но

и Венеры, и любой другой планеты, подразумевая под этим термином совершенно точное значение: «космический аппарат, предназначенный совершать обороты вокруг того или другого небесного тела».

По-французски глагол *piquer* [пикэ] столетиями означал уйму всяких вещей: «колоть, жалить (как муха или пчела), стегать, пленять, быть занимательным, интересным, прищипоривать (лошадь)» и т. д. и т. п. Был типичным многозначным словом. В десятых годах нашего века французы-летчики превратили это слово в авиационный термин: сначала со значением «устремляюсь, газую», а затем и еще однозначней — «устремляюсь под крутым углом к земле, не выключая притом мотора». Русские авиаторы тех дней обучались полету во Франции. Они сделали из этого *пике* русское слово *пикировать* с тем же самым узким и точным значением. Но буквально через несколько лет, в среде молодых ребят-летчиков этот термин стал получать новые, бытовые, веселые значения: *Взбегаю на вышку, ПИКИ-РУЮ в реку... Ух, красота...* или: *Иду... только расстегнул воротник... Смотрю — комполка на меня через улицу с грозным видом ПИКИРУЕТ...*

Так что термины терминами, обычные многозначные слова обычными многозначными словами, но между той и другой частями ЛЕКСИКИ все время происходит живой «обмен веществ», и нередко бывает не так-то легко отличить ТЕРМИН от СЛОВА и СЛОВО от ТЕРМИНА. Кстати: способность слова быть МНОГОЗНАЧНЫМ является причиной возникновения одного очень своеобразного лексического явления.

БРАТЯ, НЕ ПОМНЯЩИЕ РОДСТВА

Вы — лет двести или пятьсот назад! — идете по лесу и вдруг видите гриб, каких до сих пор вам не попадалось: ярко-желтого цвета. Я не знаю, как это произошло: может быть, вы с юга переселились в глухие северные места, где все в лесу вам ново, и грибы в том числе. Пораженные яркой, «лисей» окраской гриба, вы говорите про него: *Ну и гриб! Прямо — лисица какая-то!* Придуманное вами название кажется удачным вашим родичам. Они тоже начинают звать этот гриб кто *лисой*, кто *лисейей*, кто *лисичкой*. И последнее звучание этого имени закрепляется, становится о б щ е п р и н я т ы м.

Возникают рядом два значения-брата: рыжий зверь, лесная собачка — с одной стороны, лимонно-желтый отличный съедобный гриб — с другой. Общего между ними — только рыжий цвет. Но и это

общее постепенно забывается, и спустя годы и годы люди уже знают два совершенно разных слова: *лисичка* — молоденькая лиса и *лисичка* — гриб*. Многим, как это ни странно, даже в голову не приходит, что это — слова-братья, только позабывшие свое родство.

Иногда второе, переносное, значение отпочковалось от первого так давно и основательно, что нам теперь даже трудно бывает установить: которое из двух (или трех) было в свое время основным, которое «производным».

Вот возьмите слово *ключ* — родник, *ключ* — дверной. На первый взгляд это тоже слова одного происхождения. На проверку оказывается: нет, разного. *Ключ* от замка — в родстве со словом *ключá*; *ключ* — «родник» связывает со звукоподражанием *клю-клю-клю* — «бульканьем», которое слышится, когда источник вырывается из-под земли. Того же происхождения и слово *клюкнуть* — выпить.

Но ведь есть и другие *ключи*: *басовый*, *скрипичный* — условные знаки музыкальной грамоты, указывающие, на каких именно струнах должна играть данная пьеса, какова ее «высота». Мы знаем и еще одно значение слова *ключ*: говорят, например, что *ключом* для расшифровки персидской клинописи послужили имена персидских царей, упомянутых рядом в одной из надписей. Вот эти два *ключа* — музыкальный и тот,

* Лисицы-то бывают и черно-бурые. А вот черно-бурых лисичек я еще ни разу не видел.

который «открывает тайну», — разумеется, родные братья *ключа* дверного, но забывшие свое родство уже довольно основательно.

То же можно сказать про несколько слов, звучащих как *коса*: «орудие для срезания травы» — раз; «заплетенные в три пасма длинные волосы» — два; «узкий острый мыс», «длинная песчаная отмель» — три. Можно назвать и четвертое, народное, значение — узкий и удлинённый, как язык, внутренний орган животных, селезенка, которую так называют крестьяне, когда потрошат умерщвленного барана или теленка. Так вот, оказывается, что *коса* — «сельхозорудие» и *коса* — прическа происходят от совершенно разных корней. В родстве с *чесать* (вспомним, что звуки *К* и *Ч* чередуются: *пеКу* — *пеЧь*); первое происходит от совершенно иных древнейших слов, обозначавших *резать*. А вот *коса* — мыс, так же как и *коса* — селезенка, всего вернее, являются сестрами одной из тех двух кос, только не берусь вам сказать — какой именно. Название перенесено, видимо, по признаку удлинённой и заостренной формы, а она одинакова у обоих прототипов...

В конце концов, нам существенно вот что: в языке могут образовываться пары (а нередко — тройки, четверки) совершенно одинаково звучащих слов, которые, однако, означают мало чем друг с другом схожие предметы. Бывает, что у двух или нескольких таких слов — их называют ОМОНИМАМИ, что по-древнегречески значило «одинаковые имена», — одно общее происхождение. Случается, их звучание совпадает, так

сказать, «нечаянно»: два слова могли когда-то произноситься совсем не похоже, а потом произношение их изменилось и совпало.

Так, слово *лук* — «стрелковое оружие» одного происхождения с *лука́* — «извилина, излучина реки, берега», с *лукоморье*; *лук* же — «огородное растение» заимствовано из немецкого, где он некогда назывался *Lauch* [Лаух]. Впоследствии звучание этих двух слов совершенно совпало. Это ОМОНИМЫ — по-гречески «одноименники».

Надо заметить вот что: ОМОНИМАМИ называются только такие слова, которые, совпадая по своему звуковому составу, остаются одной и той же частью речи.

Коса, коса, коса — все три ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ.

Косить (косой) и *косить* (глазами) — два ГЛАГОЛА.

Но существует великое множество пар и троек слов, точно так же одинаково звучащих — но разное значащих! — которые являются разными частями речи.

Ну, скажем, сравните фразы:

*Иль в отгъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый БОТ.*

(то есть «ботик», «дедушка русского флота»)

А. Пушкин.

«Над Невою резво выются...

и

У меня в этом году БОТ не было: я сапожки всю зиму проносила, — и вы увидите, что в первом случае бот —

именительный падеж от *бот*, а во втором — родительный от *боты*.

*...Сиреневые ДАЛИ там на юге.
На нубийском диком юге так же знойны,
Как при Хуфу...*

И. Бунин.

«В жарком золоте...»

и

*Издателем... ДАЛИ в цензоры
профессора Щеглова...*

А. Пушкин.

Письма

Здесь первое *дали* — множественное число существительного *даль*, тогда как второе — множественное число глагола *дать* в прошедшем времени.

*По чашкам темною струею
Уже душистый ЧАЙ бежит...*

А. Пушкин.

Евгений Онегин

и

*Здравствуй, барыня сударыня, дворянка!
ЧАЙ, теперь твоя душенька довольна?*

А. Пушкин.

Сказка о рыбаке и рыбке

Различие между двумя *чаями* вы понимаете и сами. Так вот, такие совпадающие по звучанию разные формы разных слов называются уже не омонимами, а ОМОФОРМАМИ, то есть как бы «одномормниками» или «одноморфемниками», потому что различные части слов, придающие им «форму», в науке именуются МОРФЕМАМИ. Я имею в виду суффиксы, префиксы, корни, окончания...

Грамматики весьма основательно различают ОМОНИМЫ и ОМОФОРМЫ. Но поэты и писатели радуются наличию в нашем языке и тех и других. Они прибивают красок на их палитрах. Как это ни странно на первый взгляд, в поэзии рифмы кажутся полнее, звучнее, «богаче», как принято говорить, если рифмуются не одинаковые, а только схожие по звучанию формы слов. Например, поставив в рифму два слова *друг*, мы получим очень плохую, «никакую» рифмовку. А вот Пушкин в поэме «Граф Нулин» смело ставит рядом строки:

*А что же делает СУПРУГА,
Одна в отсутствии СУПРУГА? —*

то есть использует для рифмы ОМОФОРМЫ: в первом случае — именительный падеж от слова *супруга*, существительного женского рода, во втором — родительный от слова *супруг*, существительного рода мужского. И человек, у которого хорошо развит «стихотворческий слух», скажет вам, что эта рифма звучит так же полно, как, скажем, *супруга — друга* или *упруга — круга*.

ОМОНИМОВ в русском языке сравнительно, скажем, с французским не так уж много. А вот ОМОФОРМ — достаточно, так как наш язык несравненно шире пользуется различными «аффиксами», чем французский; поэтому он гораздо богаче омоформами по самому своему «устройству».

И хотя В. Маяковский однажды, желая доказать профанам, что писать стихи — далеко не простое дело, пожаловался на то, как, в погоне за новыми рифмами, «ищешь мелочишку суффиксов и флексий в пустующей кассе склонений и спряжений», это было сказано сгоряча. Касса русской морфологии так неисчерпаемо богата, что и просто созвучных слов, и омоформ в ней хватит еще на десятки поколений поэтов.

Впрочем, это я просто к слову: заботы стихотворцев — не наша с вами печаль.

ЧУЖАКИ, НАБИВАЮЩИЕСЯ В РОДИЧИ

Каюсь: этот заголовок я выдумал просто как отклик на заглавие предыдущей главки, хотя свой смысл в нем есть.

Вот отрывочек из ядовитой статьи знаменитого писателя и революционера XIX века А.И. Герцена, в которой он издевается над подобострастным языком газеты «Северная пчела», когда та пишет о придворных делах.

...Слово *п о ж а л о в а л и*... напоминает мне родительский дом и нашего старого лакея Бакай.

Покойник учил мальчишек «п ч е л и н о м у»^{*} языку и, таская иногда за волосы, приговаривал:

^{*} То есть такому же, как у «Северной п ч е л ы».

«А ты, мужик, знай: я тебе д а ю, а барин изволит тебе ЖАЛОВАТЬ; ты е ш ь, а барин изволит КУШАТЬ; ты спишь, щенок, а барин изволит ПОЧИВАТЬ».

Вот прислушайтесь к словам, которые я выделил прописными буквами и разрядкой. В каждой паре оба слова на первый взгляд значат одно и то же: *даю* и *жалую*, *есть* и *кушать*, *спит* и *почивает*... Это так. Но барский прихвостень Б а к а й не напрасно подчеркивает между ними не только сходство, но и существенное различие. Да, оба слова каждой пары имели почти одинаковое лексическое значение: и *давать*, и *жаловать* значили «передавать кому-то что-то». Но в то же время *дать* значило просто «отдать», а вот *пожаловать* имело значение «дать в качестве награды слуге, рабу, низшему по званию».

И *есть*, и *кушать* значат «поглощать пищу». Однако Бакай понимал, что в его время *кушать* значило есть по-господски, не хлебая ложкой из общей чашки, а изящно и без всякой жадности смакуя поданные на фарфоре вкусные блюда.

Ведь как это ни забавно, и сейчас ребята-школьники — да и не только они — неумело употребляют эти два глагола. Они нередко говорят О СЕБЕ: *я кушаю*, а почтенному гостю могут сказать: *Ты уже все СЪЕЛ, дядя Вадя?* Они могут даже, как уже упомянутый мною чеховский учитель географии, смешной и жалкий Ипполит Ипполитыч, сказать: *Лошади КУШАЮТ овес и сено*, или *А наша кошка — уже ПОКУШАЛА*. Это настолько трудно приходит у обучающегося в норму, что я, воспитывая в языковом отношении моего внука, махнул

рукой на возможные побочные последствия и сообщил ему гимназическую «считалку» моих школьных лет:

Я — ЕМ

ТЫ — КУШАЕШЬ

ОН — ЖРЕТ

МЫ — ЛОПАЕМ

ВЫ — КУШАЕТЕ

ОНИ, ОНЕ — УПЛЕТАЮТ

(Они — оне потому, что в дореволюционные времена местоимение 3-го лица во множественном числе в женском роде писалось не *они*, а *оне*).

Надо сказать, ознакомившись с этим «спряжением», внук мой перестал говорить: «А что МЫ КУШАТЬ будем?» А *жрет, лопаем и уплетаем* прошли безвредно!

Зачем я рассказал вам все это? Чтобы ознакомить вас с упомянутыми в заголовке «чужаками, набивающимися в родичи». Я имею в виду СИНОНИМЫ. Опять греческое слово, означающее на сей раз «соименники», то есть как раз такие слова, которые, в противоположность омонимам, имея совершенно различное звучание, обладают (попарно, а порою и по нескольку пар) ОДИНАКОВЫМ ЗНАЧЕНИЕМ.

Ну, мы уже видели, что «одинаковость» эта относительна. Правильнее было бы сказать, что в подавляющем большинстве случаев СИНОНИМЫ имеют не одно и то же, а лишь «сходные», «близкие» значения. Они отличаются друг от друга обычно так, как, к примеру, «чисто-синяя» краска отличается от такой синей, к которой художник добавил «чуть-чуть» белил или кармина.

Абсолютных синонимов в любом языке почти не бывает. Можно, правда, с некоторой натяжкой подобрать один-два: ну, скажем, *языковедение* и *языкознание*, но такие редкости «погоды не делают». А вот значение синонимов «относительных» необыкновенно велико и в нашей обычной бытовой речи, устной и письменной, и тем более в языке художественной литературы. Прозаики и поэты наши всегда широко и свободно пользовались ими. Можно сказать, что значительная часть «работы» писателя над своим произведением падала и падает именно на упорные попытки из длинного ряда синонимов подобрать тот, который на данном месте лучше и точнее выразит нужное автору понятие или который придаст строкам стихов и рассказов необходимое благозвучие, красоту, стройность.

Вот, скажем, Н.В. Гоголь на первых же страницах «Старосветских помещиков» заменяет в рукописи слово *СТЕПНЫЕ цветы* словом *ПОЛЕВЫЕ цветы*, очевидно потому, что одной только строчкой выше он уже упомянул *СТЕПНОГО перепела*. Точно так же на следующей страничке вместо стоящего в черновике слова *очень* в окончательном тексте стоит *чрезвычайно*. Почему? Перечитывая свою повесть, автор, очевидно, заметил четырьмя строками выше слова: *ОЧЕНЬ любили теплоту* и счел, что два *очень* на таком близком расстоянии были бы нежелательны.

А вот слово *бездна* (узелков и мешков) заменена словом *множество* (узелков и мешков), НЕСМОТРЯ НА ТО что через строку это *множество* повторяется. Почему Гоголь поступил так? Ну конечно, по-настоящему ответить на этот вопрос мог бы только он сам,

но можно предположить, что контраст между словом *бездна* и словами *узелков* и *мешков* оказался для его чуткого уха нестерпимей, чем близкое соседство двух *множеств*.

Все эти слова *степные* — *полевые*, очень — *чрезвычайно*, *бездна* — *множество* — типичные СИНОНИМЫ. Они выражают — каждая пара — ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО одни и те же понятия. Но именно приблизительно, а не точно. Назвать *чрезвычайно* приятными сени маленького домика вполне мог посторонний наблюдатель, писатель, рассказчик, которому и умилителен и смешон уютный старосветский быт супругов Товстогузов. А вот в той строке, где рассказывается о том, как сами эти милые старички очень любили теплоту, — здесь *чрезвычайно* прозвучало бы неуместно, сухо и официально: конечно, они любили ее просто ОЧЕНЬ.

Это заставляет меня обратить ваше внимание: пользуясь СИНОНИМАМИ, надо это делать умело. Слова НЕ ВЫДЕРЖАЛ экзамена и ПРОВАЛИЛСЯ — синонимы. Но если папа с мамой с досадой рассказывают дяде и тете о том, что их сынок экзамена не выдержал, они, скорее всего, скажут грубовато: *провалился*, и будут вправе сказать так. А вот если папа сядет писать директору школы заявление о том, чтобы его сыну разрешили переэкзаменовку осенью, он наверняка не употребит в таком документе этого глагола. Он подберет какой-либо другой СИНОНИМ или СИНОНИМИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ: *неудачно держал экзамен, получил дурную отметку на экзамене, остался на второй год*, а не ляпнет просто: *провалился*.

Так и Пушкин в «Евгении Онегине», сначала написав, что его герой *знал довольно по-латыни, чтоб эпиграфы ПОНИМАТЬ*, потом переделал это слово на *разбирать*. Конечно, можно рассматривать оба эти глагола как в какой-то степени схожие друг с другом по смыслу. Ведь *разобрать* написанное слово как раз и значит *понять*, что именно написано; и для того чтобы *понять*, допустим, древние египетские надписи, надо было *разобрать* их.

А в то же время далеко не всегда эти два слова можно безопасно заменять одно другим. Сказать: я ПОНИМАЮ, как делят дробь на дробь, — можно, а я *разбираю*, как делят дробь на дробь, — не по-русски. Бывают такие случаи, когда совершенно все равно, употребить ли слово *тяжесть* или *вес*: Нет, мне этой гири не поднимать: *слишком большая тяжесть* или *слишком большой вес*. А в других случаях заменить одно слово другим невозможно: *на каждое брошенное вверх тело действует сила тяжести* — можно сказать, а *действует сила веса* — прозвучит нескладно. И уж совсем немыслимо заменить *тяжесть* *весом* в стихах. Вы, которые советами облегчили *тяжесть скипетра*. (А. Пушкин.) *Вес* тут уж просто невозможен.

Да, вот так оно и есть! Два синонима обычно употребляются каждый в своем стиле речи, и заменять их один другим не рекомендуется.

Раскрываю «Словарь синонимов русского языка». Здесь перечислено больше тридцати синонимов к слову *умереть*. И я думаю, что если вы возьмете только три из них: *опочить*, *протянуть ноги* или *дуба дать*, вы сами почувствуете, что там, где уместно первое

слово, невозможно употребить ни второго, ни третьего, да, пожалуй, и наоборот: если где-нибудь в подписи под политической карикатурой очень уместно выглядело бы сочетание *Гитлер скапнулся*, то заменить его в той же подписи синонимическим выражением *Гитлер скончался* или *почил вечным сном* было бы совершенно неуместно.

Таким образом, заговорив о синонимах, мы забрались уже в область чистой и высокой стилистики, а рассуждать о ней я в этой книге не могу. Во-первых, она слишком тонка для этого, а во-вторых, и вам нужно будет еще прочесть много разных других книг по ГРАММАТИКЕ нашего языка, прежде чем обратиться к его СТИЛИСТИКЕ.

На этом я хотел было уже поставить точку, но сообразил, что должен сказать два-три слова о, так сказать, ТРЕТЬЕМ «-ОНИМЕ» или, вернее,

О ТРЕТЬИХ «-ОНИМАХ»

Первыми у нас были ОМóнимы, вторыми — СИ-Нóнимы. Третьими окажутся АНТóнимы. Этот термин в переводе со знакомого уже нам греческого языка можно было бы передать как «ПРОТИВОСловы».

Понять, что это такое, проще простого:

День и ночь, свет и тьма —

вот самые настоящие АНТОНИМЫ, из тех, которые чаще всего приходят на ум, когда хотят привести их примеры. Однако так просто сказать: «Если два слова означают понятия, противоположные друг другу, то это и есть антонимы» — было бы неосторожно. Прежде всего, каждое слово, претендующее на роль АНТОНИМА по отношению к другому, должно и само, самим значением своим, указывать на какое-нибудь КАЧЕСТВО, СВОЙСТВО и при этом противостоять другому слову, тоже имеющему свои свойства и качества. Этого мало: оба они должны быть РАЗНОКОРЕННЫМИ

словами. Что это значит? А вот, например, хотя бы то, что по первому из этих законов *лев* и *тигр* никак не могут расцениваться как антонимы: свойства «львиность» так же не существует, как свойства «тигровость». *Высота* и *глубина* могут быть, пожалуй, расценены как антонимы, а вот *береза* и *дуб* — никак.

Теперь второе: хоть и говорится, что «ученье — свет, а неученье — тьма», и уж, кажется, чего антонимичнее, противоположней, нежели *неученье* и *ученье*, однако *свет* и *тьма* — антонимы, а *ученье* с *неученьем* — ни в какой мере. Почему? Потому что у обоих этих слов один корень. Это следует хорошо запомнить.

Приятный и *противный* — антонимы, а *приятный* и *неприятный* — нет.

Стоит заметить и такое неожиданное обстоятельство: у одного слова могут оказаться не один, а два или три антонима. Почему и как?

А вы вспомните: ведь слова-то бывают не только *однозначные*, но и *многозначные*. А если у слова несколько значений, то к каждому из них можно (не всегда, но, во всяком случае, часто) подобрать *свой* АНТОНИМ.

Вот предположим, мы берем слово *чистый*. Оно может значить нечто противоположное слову *грязный*, и тогда они будут АНТОНИМАМИ по отношению друг к другу.

Но, с другой стороны, слово *чистый* нередко понимается в смысле *чистый душой*, *непорочный*. Тогда этому *чистому* антонимом придется уже слово *порочный*, *испорченный*. Если мы имеем в виду чистоту

воды, то, ежели в ней разболтать ил, она может стать вовсе не *грязной*, а *мутной*, и это *мутный* будет АНТОНИМОМ к слову *чистая* (вода), если мы говорим о воде *прозрачной*. Наконец, как раз сейчас в газетах и журналах пишут очень много о засорении вод Мирового океана. И вот вместе с этой проблемой, с этим вопросом у слова *чистый* по отношению к воде появился еще один антоним: *засоренный*. Видите, как сложно?!*

Я затруднился бы сказать вам, какие из «-онимов» имеют большее значение в смысле важности в языке: ОМОНИМЫ, СИНОНИМЫ или АНТОНИМЫ. Думается, меньше всех существенна роль ОМОНИМОВ, а СИНОНИМЫ и АНТОНИМЫ, вероятно, держат первые места на равных правах. Как говорят в спорте: «поделили первое и второе место».

Во всяком случае, наши художники слова постоянно пользуются и теми и другими. Примеры на игру синонимами я вам уже приводил. Антонимы? Ну вот, например, задумчиво-печальное стихотворение

* Еще любопытный пример: в Библии рассказывается, что «праотец Ной», спасая жизнь на Земле от потопа, взял с собой в огромный корабль, «ковчег», множество животных — по «семь пар чистых» и по столько же «нечистых». Вот тут *чистый* означало: «такой, который допущен религией в качестве пищи». А антонима к нему в Библии не нашлось — было употреблено слово с отрицанием. Позднее, уже в России, нашелся такой антоним. Наши прапрадеды считали, скажем, корову или овцу «чистыми» существами, а собаку или кошку — «погаными»: их нельзя было есть. «Погаными», то есть «нечистыми», считались и заяц и кролик, а в деревнях и вся лесная дичь, кроме уток, тетерок и куропаток. Бекасов, скажем, наши предки не ели и очень удивлялись небрезгливости иноземцев, которые «всякую погань едят». И бобровину и «хвост бобрян (бобровый)»! — с негодованием восклицали они.

М. Лермонтова «Мне грустно, потому...», которое кончается строкой: «Мне ГРУСТНО потому, что ВЕСЕЛО тебе», может послужить хорошим образцом умения великого поэта произвести ощущение великой сердечной боли противопоставлением двух слов-антонимов. Назову еще знаменитую двойную характеристику двух друзей-врагов из пушкинского «Евгения Онегина» — самого Онегина и его несчастного юного друга, Владимира Ленского:

*Они сошлись. ВОЛНА и КАМЕНЬ,
СТИХИ и ПРОЗА, ЛЕД и ПЛАМЕНЬ
Не столь различны меж собой.*

Самые любознательные (они всегда бывают и самыми придирчивыми) из вас могут сказать мне, что шесть имен существительных, которые я выделил в стихах прописными буквами, ведь не «выражают свойств и качеств» и, значит, строго говоря, по правилам грамматики не должны являться а н т о н и м а м и друг другу.

Ах, в том-то и волшебство словесного искусства, что великий художник слова — а тем более гений — получает удивительную способность в самые рядовые слова вкладывать не рядовые, нередко совсем не свойственные им значения и оттенки значений.

В пушкинском трехстишии *волна* значит не просто *волна*, а как бы самое свойство водяной текучести, подвижности. И *камень* означает не *булыжник*, не *гранит* или *мрамор*, а является з н а к о м всего тяжелого, неподвижного, непроницаемого, мертвящего. *Лед* —

Онегин не равно просто «замерзшей воде»; здесь это как бы второе название холода, безжизненности, разочарованности во всем. А *пламень*, как часто бывает и в житейской речи, означает и изображает молодую горячность, пылкие чувства, их жар и огонь.

Большой поэт обращается со словом, как скульптор с куском глины. Он мнет и сжимает, расплющивает и скатывает слова, как глину, и лепит из них что ему вздумается. И как фигурка девочки, заплетающей косичку, вылепленная из этой глины, ничем не похожа на угловатый, бесформенный глиняный ком, так и первоначальный материал существительных, глаголов, прилагательных, предлогов, приставок совсем не дает представления о тех звучных, образных, картинных строках, которые из них построит поэт. Вот видите: под пером Пушкина *камень*, *лед*, *пламень*, *волна*, *проза* и *стихи* стали антонимами. И теперь они, слова эти, навсегда как бы распались на две противостоящие друг другу группы: *волна*, *стихи* и *пламень* попали на одну сторону рубежа, а *камень*, *проза* и *лед* — на другую. Между каждой троицей наметилось сродство, о котором ДО ПУШКИНА никто, вероятно, и не подозревал.

Пушкин, творя, пользовался всеми законами русского языка и всеми правилами его тогдашней — начала XIX столетия — грамматики, теми, о которых мы с вами только что так долго беседовали. Но помимо тех и других, он, как и каждый великий (да и вообще — любой) поэт, воздействовал на сами слова еще и средствами, которые изучает совсем другая наука, называемая СТИЛИСТИКОЮ.

Отношения между этими науками сложились так, что грамматика, история языка стали предметом изучения со стороны лингвистов. А вот приемами стилистики до последних десятилетий занимались больше литературоведы. Только в самые последние времена лингвисты стали все больше и больше интересоваться вопросами стиля, начали изучать не только как из слов складывается наша будничная речь, но и как «в руках» художников — писателей и поэтов она превращается в произведения искусства.

Разговор о стилистике и о тех приемах, которыми писатели и поэты пользуются, превращая слово в краски, в мрамор и бронзу своих произведений, лежит за пределами этой книги: помимо всего прочего, он и не уместился бы в ней. О слове в руках художника надо написать другую книгу, но, вероятно, в ней уже не останется ничего, что автор мог бы рассказывать школьникам-младшеклассникам. Да ведь очень редкие ребята с самых ранних лет обнаруживают стремление стать писателями или стихотворцами. Большинство мечтает о профессиях летчиков, врачей, моряков, биологов, и это совершенно естественно. Так что на этом месте я, особенно говоря, мог бы и даже должен был бы поставить точку.

И все-таки мне хочется сказать два-три «стилистических» слова, вероятно, потому, что всякая стилистика одной своей стороной касается и чистого языкознания. И вот на что хочется мне обратить внимание и тех, кто учится, и тех, кто обучает языку.

Есть у Пушкина в его величайшем произведении «Евгений Онегин» такие строки:

*Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю...*

Иной школьник обрадуется: вон как! Сам Пушкин оправдывает ошибки! Так зачем же тогда нас мучают всеми этими таблицами и «орфограммами»?

Это оплошный и наивный вывод. Если кто-нибудь скажет, что он не выносит котлет без соли или шашлыка без перца, это ведь не значит, что хороший повар, услышав об этом, должен положить мясо в холодильник и впредь готовить эти блюда из одной соли или из одного перца. Да их никто и в рот не возьмет, такого пересоленного или переперченного блюда.

Что же хотел величайший наш поэт сказать этими своими словами? Я думаю, он хотел указать на то, что рядом с понятием ПРАВИЛЬНОЙ речи, ПРАВИЛЬНОГО языка существует еще другое понятие о речи, которую я назвал бы речью ХОРОШЕЙ.

Можно было бы тут употребить другое слово, назвать эту разновидность языка, например, КРАСНОРЕЧИВОЙ. Мне не хочется этого: когда мы говорим о «красноречии», нам обычно представляется нечто отрывающее «пустозвонством», «краснобайством», что-то не вполне приятное и почтенное. А сейчас я имею в виду отнюдь не «красоты штиля», как писали в юмористических журналах.

Вот представьте себе молодую маму. Она обращается к своей, скажем, двухлетней (а может быть, и шестилетней) дочери с такими словами:

Дорогая моя дочурка! Я убеждена, что тебе нелегко понять всю меру моей восторженной любви к тебе, однако я призываю тебя, моя ненаглядная девочка, быть спокойной: она не имеет границ. Рассуждая разумно, я имею право ожидать, что со своей стороны ты будешь отвечать на нее примерно таким же по силе чувством...

Как вам кажется, услышав такую, совершенно правильно построенную, без единой грамматической ошибки произнесенную тираду, вы пришли бы в восторг от нежности и искренности этой мамы? Скорее всего, вы подумали бы: «Фу, какая черствая тетка! Ну разве можно так разговаривать с тем, кого ты действительно любишь?» — и были бы правы: нельзя!

А услышав, как тут же, рядом, другая мать, возясь со своим ребенком, и щекочет, и целует, и бормочет, задыхаясь от пылких чувств: *Ах ты, сокровище мое ненаглядное, дрянь противная! Да ты знаешь, как я тебя... Да вот я съем тебя сейчас, мой воробьиный гадкий, ласточка моя весенняя, да тю-тю-тюшенька ты мой...* — и вы, и каждый нормальный человек улыбнется и посочувствует им обоим и найдет, что это бормотание как раз и есть та самая «хорошая» речь, которую и хочется слушать в устах юной матери, ласкающей свое дитя. И никому, кроме разве отъявленного педанта, в голову не придет, остановив ее излияния, сказать: «А нехорошо, гражданка... Ведь вы к чему приучаете вашего сынишку? Это — мальчик, а вы именуете его то “сокровищем”, то “дрянью”, хотя это самые настоящие антонимы. Вы называете его одновременно и “воробьем” и “ласточкой”, а ведь

это слова разного рода... Наконец, вы употребляете какое-то совершенно нелитературное слово: *тю-тю-тюшенька*. Ваша речь неправильна, гражданка, и я советую вам прекратить такие антипедагогические заклинания...» А ведь и на самом деле — речь второй из мам ни на какую «правильность» не претендует. Да и не должна претендовать. Потому что для нее, для мамы, самое главное не передать своему малышу какие-нибудь, полные значения, ученые сведения и данные, она хочет выразить ему главным образом свои, переполняющие ее материнскую душу чувства. А если передавать мудрые мысли необходимо, именно п р а в и л ь н о сочетая слова в мудрые предложения, а их все вместе превращая в правильную, точно построенную речь, то тот, кто хочет внушить другому человеку ЧУВСТВО, тот должен, пожалуй, придавать меньше значения отточенной правильности своей речи, а заботиться главным образом как раз о том, чтобы и ее отдельные слова, и целые фразы, и вся она целиком была насыщена чувством, чувством, чувством... Чувством любви или чувством гнева, чувством восторга или чувством тоски — это зависит от желания того, кто говорит или пишет.

Что же? Может быть, тогда правильность, грамотность и вообще ни к чему?

Вот в том-то и дело, что не так. Написанное неграмотно непременно окажется непонятным. Написанное грамотно, но сухим языком, окажется понятным от начала до конца, но не передаст никаких чувств, покажется читающему скучным, бледным, неубедительным.

Тот, кто хочет по-настоящему овладеть русским языком, должен научиться пользоваться обоими его высокими свойствами одновременно: и способностью передавать самые глубокие, самые строгие, самые сложные мысли понятно и точно, и тем, что он же может нарисовать словами любую картину, изобразить человека или события так, что если человек этот — веселый, так и вам станет весело читать про него, если он — злодей, то не только автор, но и вы с его слов возненавидите такого негодяя и захотите покарать его страшной и справедливой карой.

Правильной речи, письменной правильной речи в первую очередь, вас научит школа. ХОРОШЕЙ, увлекательной, зажигательной речи, такой, которая может звать за собой, может вести на подвиги, может доставлять удовольствие тем, кто читает ее, если она записана и напечатана, если она превратилась в роман, повесть, рассказ, драму, комедию, — вы должны будете учиться сами, и притом всю жизнь.

Наверняка вам придется держать в руках и пробегать глазами строчку за строчкой множество книг, посвященных искусству и правильной и ХОРОШЕЙ ЖИВОЙ речи. Изучая те будущие книги, вспоминайте добрым словом и эту, последнюю страницу которой вы только что перевернули.

Оглавление

Что это за книга?.....	5
------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Великий конструктор. Звук.	
Слово. Предложение. Буква.....	17
Звук звуку рознь.....	23
Гласные и согласные.....	28
Звуки и буквы.....	34
Слоги.....	36
Закон и правило.....	41
Все глубже и глубже.....	44
Трехглавая буква.....	48
«Не птица, а птица».....	51
Абевега.....	54
Некоторые особенные согласные.....	57
Ча — ща.....	60
Ударение.....	63
Двуликие гласные.....	68
Глухие и звонкие братцы.....	73
Важные слова.....	84
Вернемся на страницу 33.....	91
На какой вопрос отвечает это слово?.....	97
Значит, обязательно — вопрос?.....	105

Слова-оценки.....	111
Слово и дело.....	118
Родные и посторонние.....	125
Начинаем заниматься большим конструктором языка.....	132
Я говорю по-русски.....	136
Точка, точка, восклицательный знак!.....	141
Что-то вроде словаря.....	147

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вот где раскроется секрет звука «й»!.....	155
Так называемый разделитель.....	159
Шипение питона Каа.....	162
Поезд с несколькими вагонами.....	167
А что, если — так?.....	173
Поломаем немного голову.....	176
Порядок или беспорядок?.....	179
Нырнем в глубь слова.....	184
Корень слова.....	187
А еще что там есть?.....	191
Окончание — на конце. А в начале?.....	194
Еще одна часть слова.....	198
Заметьте!.....	201
Повторенье — мать ученья.....	202
Закавыка первая.....	210
Закавыка вторая.....	211
Звуки-неслышимки.....	214
Хитрости приставок.....	219
Змея, а похожая на кошку.....	225

Еще один разделитель.....	230
Еще раз о суффиксах.....	235
Следующий этаж.....	238
Имя существительное — хлеб языка.....	247
Мудрая нелепость.....	250
Раз, два, три... тысяча.....	257
Как состыковываются детали большого конвейера?.....	263
Дело не в «мягкости»!.....	271
«Эта дверь...».....	273
Труженик и работа.....	279
Некоторые памятки.....	284
Что-то вроде словаря.....	287

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Именительный, родительный.....	303
Падеж родительский.....	313
Щедрый падеж.....	316
Падеж-работяга.....	318
Предложный падеж.....	321
Какой? Какая? Какое?.....	332
«Какой — какому» — рознь!.....	339
И нашим и вашим.....	343
«Заместители».....	349
Всяк на свой лад чудит.....	356
Глагол.....	364
Сложный организм.....	373
Неопределенность.....	383
Наречие.....	388
Бедные, лишенные звания.....	398

Частицы	400
Ахи-охи	405
Слово — не воробей	412
Живое слово лучше мертвой буквы	427
Братья, не помнящие родства	433
Чужаки, набивающиеся в родичи	440
О третьих «-онимах»	447

ГОРИЗОНТЫ ЗНАНИЙ ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ КНИГ

ГОРИЗОНТЫ ЗНАНИЙ — золотая коллекция научно-познавательных и художественных книг для детей и подростков, написанных популярными российскими и зарубежными авторами.

ГОРИЗОНТЫ ЗНАНИЙ — лучшие книги для внеклассного чтения по всем предметам школьной программы. Они помогут вам в изучении «любимых» и «нелюбимых» предметов и существенно расширят круг ваших знаний и интересов.

Лев Васильевич Успенский — классик научно-познавательной литературы для детей и юношества, лингвист, переводчик. «Слово о словах», «Загадки топонимики», «Ты и твое имя», «По закону буквы», этимологический словарь школьника «Почему не иначе?» — многие из этих книг были написаны в 50–60-е годы XX века, однако они и по сей день не утратили своего значения.

«По дорогам и тропам языка» — восьмая книга Льва Успенского, посвященная занимательному языкознанию. Автор попытался интересно и доступно, с рассуждениями и размышлениями, двигаясь параллельно курсу школьной программы, рассказать читателям о фонетике, морфологии и словообразовании, о законах и правилах русского языка.

ISBN 978-5-94663-704-6

9 785946 637046 >